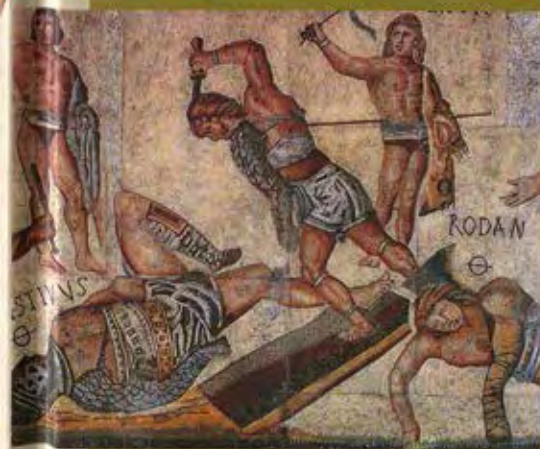

История / География / Этнография

Владимир Горончаровский

Римские гладиаторы: жизнь на грани смерти

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

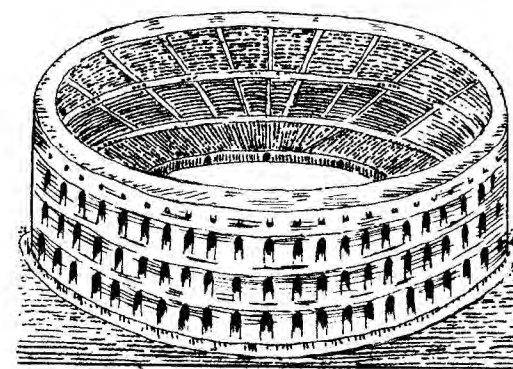
25

63.3(0)323

Г 70

Владимир Горончаровский

Римские
гладиаторы:
жизнь на грани
смерти

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

4051006

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Г70

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры РАН

Иллюстрации Ирины Тибилловой

ISBN 978-5-91678-279-0

© В. Горончаровский, 2015
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Введение

Гладиаторы и проводившиеся с их участием игры давно стали своеобразным символом древнеримской цивилизации. В массовом сознании благодаря многочисленным фильмам и книгам это вполне определенный образ участников кровавых представлений, регулярно проводившихся на потеху толпе. Формирование его в России началось больше двухсот лет назад, когда стали широко известны находки в Помпеях многочисленных предметов вооружения гладиаторов. Для знатоков искусства древности их зримым воплощением стала найденная еще в 1622 году в Риме статуя, получившая название «Умирающий гладиатор». Возможно, именно она в 1836 году вдохновила М. Ю. Лермонтова на создание одноименного стихотворения:

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена,
А он — пронзенный в грудь —
 безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...

И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор,
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?

Впрочем, как выяснилось позднее, эта скульптура оказалась римской копией творения одного из греческих мастеров, работавших в конце III века до н. э. в Пергаме, столице эллинистического царства, занимавшего западную часть Малой Азии, и изображала вовсе не гладиатора, а побежденного варвара-галата.

Тогда же появилось первое научное исследование на русском языке, посвященное гладиаторам, — «Опыт о костюме и оружии гладиаторов в сравнении греческого и римского ратника» (СПб., 1835)¹. Оно принадлежало перу А. Н. Оленина (1764—1843), президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, «тысячеискусника», как его называл Александр I. Надо отдать должное этому весьма эрудированному человеку: проведя тщательный историко-археологический анализ, он вполне справедливо упрекал отдельных итальянских ученых за неkritичное отношение к устаревшей атрибуции «Умирающего гладиатора». Оценивая попытку приписать найденный в Помпеях гладиаторский шлем с изображением головы горгоны Медузы с двумя дельфинами воину-морю, А. Н. Оленин обратил особое внимание на роль такой детали шлема, как забрало. Кроме того, он сделал обоснованные выводы относительно состава вооружения — трезубец, кинжал и сеть — выступавшего без щита и шлема гладиатора, именовавшегося ретиарием.

Неуклонному росту популярности образов гладиаторов в Европе способствовало появление в 1834 году произведения английского романиста Э. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи», куда он ввел сцены в амфитеатре, а со второй половины XIX века — творчество художников-помпьеристов. Таким названием последователи этого направления в европейской живописи обязаны своей любви к сюжетам, где гладиаторские шлемы блистали подобно пожарным каскам бо-

лсе поздних времен, из-за чего их и стали в шутку называть «пожарниками». Безусловным лидером помпьеристов был Жан-Леон Жером (1824—1904), стремившийся на своих полотнах детально воссоздать атмосферу зрелищ Древнего Рима. Его произведения — «Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!», «Повернутые пальцы», «Большой цирк», «Мирмиллон», «Ретиарий», «Выход хищников на арену», «Последняя молитва христианских мучеников» — порой напоминают кадры из масштабных исторических кинофильмов. Особую известность получила картина «Pollice Verso» («Повернутые пальцы», 1872 год). Французский живописец изобразил здесь эпизод, связанный с играми, устроенными императором Титом по поводу открытия Колизея. Здесь мы видим гладиатора с полуобнаженным торсом, который смотрит на императора в ложе и ожидает знака: добить или пощадить поверженного противника. В свое время для многих школьников этот момент, а также детали зрительного зала амфитеатра и гладиаторского вооружения служили своего рода наглядным пособием при изучении истории Римской империи.

В России художественным исканиям помпьеристов во многом было созвучно творчество двух живописцев польского происхождения, увлекавшихся античными сюжетами, — Генрика Семирадского (1843—1902) и Степана Бакаловича (1857—1947). Первый из этих выпускников петербургской Академии художеств под впечатлением известного романа «Камо грядеши?» нобелевского лауреата Генрика Сенкевича (1846—1916) создал огромное полотно под названием «Христианская Дирцея в цирке Нерона» (1898, Национальный музей в Варшаве), второй — хранящуюся в Русском музее картину «Гладиаторы перед выходом на арену» (1891). Тот же роман послужил поводом для создания чешским композитором Юлиусом Фучиком (1872—1916) марша, аранжировка которого с начала XX века открывает парад-алле в любом российском цирке. Правда, мало кто помнит, что называется он «Выход гладиаторов». Первая часть марша иллюстрирует выход гладиаторов на арену, вторая — их схватку, а третья — шествие и уход победителей.

Жан-Леон Жером. Pollice verso («Повернутые пальцы»). 1872 г.

На волне подъема революционного и национально-освободительного движения в Европе в XIX веке многих привлекал такой эпизод из истории Древнего Рима, как восстание под предводительством гладиатора Спартака, особенно на фоне развернувшегося под началом Дж. Гарибальди движения за объединение Италии. Одним из его участников, итальянским писателем Р. Джованьоли, в 1874 году был опубликован роман «Спартак». Именно его появление на страницах журнала «Дело» (1880–1881 гг.) в переводе профессионального революционера С. М. Степняка-Кравчинского вызвало широкий интерес российской публики к римским гладиаторам и способствовало формированию в России романтических представлений об их вожде, поднявшем тысячи рабов на борьбу за свободу.

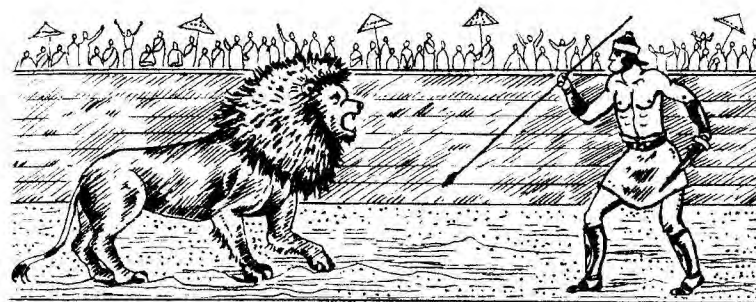
В наши дни редко кто перечитывает литературное творение Р. Джованьоли. Гораздо чаще с величественной фигурой Спартака и его сподвижников сталкиваются посетители балета, созданного на музыку Арама Хачатуряна и с 1956 года ставшего частым гостем на лучших сценах мира. Остался в прошлом и нашумевший когда-то фильм «Спартак», поставленный американским режиссером Стенли Кубриком в 1960 году. Своим успехом эта картина, получившая четыре «Оскара», в немалой степени была обязана знаменитому актеру Кирку Дугласу, не только исполнившему главную роль, но и выступившему в качестве генерального продюсера. Позднее он вспоминал об этом периоде, когда голливудские профсоюзы пошли в решительную атаку на киномagnатов, что его заинтересовал «человек, расшатывающий систему и погибающий по ходу дела». «Спартак» стал одной из немногих американских кинолент, оказавшихся тогда в советском кинопрокате, чему способствовала сама тема, связанная с идеей борьбы против общества угнетателей, и использованный в качестве сценарной основы роман писателя-коммуниста Г. Фаста. В любом случае благодаря этому наши зрители смогли увидеть впечатляющие сцены жизни гладиаторов и их выступлений на арене.

У современной молодежи больший отклик нашла история ставшего гладиатором полководца Максима, представ-

ленная на экране английским режиссером Ридли Скоттом. Его фильм «Гладиатор» сделал огромные кассовые сборы, составившие около 457 млн долларов, и получил пять премий «Оскар». Фильм действительно впечатляет хорошо подобранным актерским составом и масштабными съемками батальных сцен, но, к сожалению, историю по нему изучать нельзя. Приведем хотя бы несколько примеров. Император Марк Аврелий на самом деле умер от чумы недалеко от германской границы в городе Виндобона (совр. Вена), а вовсе не погиб от рук своего сына Коммода. Став повелителем огромной державы, тот в действительности правил не несколько месяцев, а двенадцать лет, да и умер не на арене амфитеатра, а гораздо прозаичнее. Противоречат истине также отдельные фантазии в отношении оружия и снаряжения гладиаторов и отсутствие какой-либо специализации профессионалов, выступающих на арене.

В предлагаемой вниманию читателя книге мы попытаемся с высоты современного уровня наших знаний о древнеримской цивилизации ответить на вопросы о том, как велась подготовка гладиаторских игр, какими на самом деле были «люди меча», сражавшиеся и умиравшие во всех концах необъятного Римского государства, какое оружие ими использовалось и какую роль сыграли гладиаторы в политических событиях римской истории.

Глава 1 У истоков гладиаторских игр

Прежде чем перейти к истории появления в Древнем Риме гладиаторских игр (*лат.* *ludi gladiatorii*), попробуем разобраться с термином «гладиатор». По-латыни *gladius* — это меч, соответственно, гладиатор — человек, вооруженный мечом, но в данном случае имелись в виду те, кто вступал в поединки, нередко со смертельным исходом, перед зрителями. Сражения, в которых принимали участие гладиаторы, первоначально воспринимались как долг (*munus*) живого по отношению к умершему и обозначались тем же словом. До недавнего времени аксиомой любого исследования, посвященного гладиаторским боям, было утверждение об их заимствовании из этрусского погребального обряда. В основе этого заблуждения лежит высказывание раннехристианского писателя Тертуллиана (ок. 150–230 н. э.) из его сочинения «О зрелищах», которое гласит, что римляне переняли гладиаторские игры у этрусов, заменивших ими человеческие жертвоприношения в память об умершем (Tertul. De spect. 5. 6). Вскользь, цитируя историка Николая Дамасского (64 до н. э. — нач. I века н. э.), о влиянии этрусов на гла-

диаторские бои у римлян упоминает и такой известный автор, как Афиней, живший на рубеже II—III веков (Athen. IV. 153). Однако ни на фресках этрусских гробниц, ни в росписи ваз, ни в произведениях мелкой пластики мы не встретим ничего, что могло бы надежно подтвердить эту точку зрения. Отмечен только обычай представителей этого народа приносить в жертву пленников на похоронах лучших воинов, павших в бою. Например, известно, что в 357 году до н. э. жители города Тарквинии принесли в жертву душам погибших 307 пленных римских воинов (Liv. VII. 15. 11). Они верили, что приношение свежей крови придает покойному силы для вступления в загробную жизнь.

Сейчас есть все основания полагать, что идея проведения смертельных поединков во время погребальных игр зародилась не к северу от Рима, на земле Этрурии, а к югу от него, в области Кампания, по соседству с территорией воинственных италийских племен — самнитов и луканов². Судя по всему, именно там обычай приносить в жертву людей во время погребальных обрядов был заменен боями между обреченными на смерть пленниками или рабами. В этом отношении определенный интерес представляют фрески со сценами поединков из гробниц в Пестуме (Посейдонии), к югу от Неаполя, датирующиеся 370—340 годами до н. э. Сам город был основан в 524 году до н. э. выходцами из греческого Сибариса в Южной Италии, но спустя сто лет луканы лишили его прежней самостоятельности, и он большей частью утратил эллинский характер своей культуры. В пестумских фресках наряду с изображениями фигур скорбящих женщин, состязаний на колесницах и кулачных боев имеются сюжеты, связанные с кровавыми схватками копьеносных воинов со шлемами и щитами, о социальном статусе которых мы, к сожалению, ничего не знаем. Другим важным свидетельством является сообщение Тита Ливия о решительной победе, которую римляне одержали над самнитами в 308 году до н. э. Но если победители ограничились использованием трофейного вражеского оружия для украшения своего форума, то их союзники-кампанцы «обрядили в эти доспехи гладиаторов, дававших представления на пиршествах, и прозвали их

«самнитами»» (Liv. IX. 40. 17). Отсюда вполне логично следует вывод о том, что гладиаторы к тому времени уже были хорошо известны в этой области Италии. Скорее всего и этруски, вступившие в 295 году до н. э. в тесный политический союз с самнитами, и римляне почерпнули свои первые впечатления о гладиаторах из одного источника. На первенство Кампании в отношении развития гладиаторских игр указывает и наличие здесь остатков самых ранних специальных сооружений для их проведения.

Изначально кровавые поединки проводились в Риме как похоронный ритуал-искупление, назначением которого было умиловить душу умершего. По этому поводу Тертуллиан писал, что «умерщвляемые таким способом считались жертвой, приносимой в честь умерших родственников» (Tertul. De spect. 12. 2). Такая традиция впервые появилась в Риме в 264 году до н. э., когда Марк и Децим Бруты устроили на Бычьем форуме бои гладиаторов в память о своем отце, одном из самых богатых и уважаемых людей в городе (Liv. Ep. 16; Val. Max. II. 4. 7). В своем завещании покойный оставил сыновьям большую сумму денег на оплату погребальной церемонии и покупку шести рабов, которые должны были сражаться парами. Поединки этих, как тогда говорили, бустуариев (от *лат.* bustum — «погребальный костер») провели предположительно на девятый день после кончины умершего, когда завершались все религиозные церемонии, относящиеся к погребению. Выбор места, изначально лишнего какого-либо монументального величия, был не случайным. Во-первых, это открытое прямоугольное пространство, занятое обычно стойлами для скота, легко можно было расчистить. Во-вторых, расположенные вокруг рынка торговые лавки и храмы обеспечивали удобными сидачими и стоячими местами людей, пришедших посмотреть на захватывающий бой. Можно представить себе, как предприимчивые владельцы лавок за определенную сумму громко предлагали зрителям места возле окон на верхних этажах своих заведений, а толпа граждан медленно размещалась по боковым сторонам площади или на ступенях храмов. Что касается самих участников вооруженных схваток, то сначала их экипиров-

ка, видимо, была абсолютно произвольной, и лишь со временем начали искать способы увеличить с ее помощью продолжительность поединков и сделать их более захватывающими.

В то время проведение погребальных игр преследовало несколько целей. Прежде всего завешание покойного должно было тщательно выполняться, вплоть до мельчайших деталей, дабы его душа могла спокойно перейти в царство мертвых. В противном случае призрак умершего человека мог вернуться и обрушить кару на головы наследников, осмелившихся не выполнить свой священный долг. Другой целью было желание продемонстрировать обществу значительность умершего и его семьи. Люди, которые устраивали роскошные похороны своим родственникам, могли быть уверены, что сограждане отметят их богатство и высокое положение, а это помогало добиваться определенных успехов в политике.

Погребальные поединки, в которых приняли участие три пары воинов, показались столь необычными и захватывающими, что были увековечены в городских анналах. Полвека спустя, в 216 году до н. э., игры, данные в память дважды консула Марка Эмилия Лепида тремя его сыновьями, продолжались уже три дня, и на них выступили двадцать две пары гладиаторов (Liv. XXIII. 30. 15). С этого времени местом проведения гладиаторских боев становится Форум Романум — главная площадь города, являвшаяся центром его политической и культурной жизни. Чтобы как можно больше людей могли увидеть происходящее, пространство перед всеми почитаемыми храмами Сатурна, Конкордии, Кастора и Поллукса застраивалось по периметру временными деревянными трибунами, правда, максимальное количество мест здесь не превышало восьми тысяч.

Скоро римляне настолько привыкли к играм, что могли почтить ими умерших, даже находясь далеко от дома, в период военных действий. Так сделал в 206 году до н. э. полководец Сципион, впоследствии прозванный Африканским, в память об отце и дяде, погибших от рук карфагенян во Второй Пунической войне. Он организовал в Испании серию поединков, в которых приняли участие местные жители. Как писал Тит Ливий, это были «не купленные на рынке

рабы и не те свободные, что торгуют своей кровью. Вступали в поединок по доброй воле, и платы здесь не полагалось. Одних послали царьки — явить пример доблести, присущей их племени; другие вызвались сами из расположения к вождю; третьих ревность или противоборство побуждали вызвать соперника или не отказаться от вызова. Те, кто не мог или не хотел мирно покончить спорное дело, уговаривались решить его мечом: победитель получит то, о чем спорили... После гладиаторских поединков даны были погребальные игры, какие можно было дать на деньги провинции и с лагерным оснащением» (Liv. XXVIII. 21. 1—10).

По-видимому, под влиянием римских традиций проведение смертельных поединков вошло в обычай у соседних народов. В 218 году до н. э. в Северной Италии у реки Тицин карфагенский полководец Ганнибал решил показать своим воинам зрелище, которое должно было воодушевить их перед битвой с римлянами. Он дал войску команду построиться кругом, «вывел на арену связанных пленников из горцев, приказал бросить им под ноги галльское оружие и спросил их через толмача, кто из них согласится, если его освободят от оков, сразиться с оружием в руках, с тем чтобы в случае победы получить доспехи и коня... Когда несколько пар таким образом сразилось, Ганнибал, убедившись в благоприятном настроении войска, прекратил зрелище» (Liv. XXI. 42. 1—4; 43. 1).

В Сирии гладиаторские игры начал устраивать царь Антиох IV Эпифан, долгое время живший заложником в Италии. Вернувшись на родину в 175 году до н. э. и захватив царский трон, он поначалу стал выписывать уже обученных бойцов из Рима, а потом организовал их подготовку прямо в своей столице Антиохии. В итоге «...сперва скорее к ужасу, чем к наслаждению непривычных зрителей, но потом частым повторением (и не только с ранениями, но и без пошады) добился того, что это зрелище стало привычным и приятным и многих юношей приохотило к военному делу» (Liv. XLI. 20. 11—13). Еще один пример связан с Вириатом, предводителем восстания племени лузитан, жившего на территории современной Португалии, против власти Рима. После гибели во-

жда в 139 году до н. э., как пишет Аппиан, у огромнейшего погребального костра воины пели песни, прославляющие его подвиги, а затем, совершив погребение и насыпав могильный холм, устроили у могилы гладиаторские бои (App. Iber. VI. 72).

Постепенно практика устройства гладиаторских боев стала привычной для знатных римлян. Обычно инструкции, касающиеся организации похорон, заранее включались в завешание. Правда, иногда они могли выглядеть несколько экстравагантно — например, пожелание, чтобы на погребальных играх сражались красивые девушки или мальчики из числа рабов (Athen. IV. 153), — и ставили наследников в затруднительное положение. В отдельных случаях завешания предусматривали повторение гладиаторских боев и после погребения. Так, в надписи из римского порта Остия указывалось, что в честь некой Эмилии Агриппины они должны были проводиться ежегодно.

С течением времени захватывающие зрелища получили распространение по всей Италии, при этом количество их участников постепенно увеличивалось. В 200 году до н. э. на похоронах Марка Валерия Левина сражались двадцать пять пар гладиаторов, а на играх 183 года до н. э., посвященных памяти верховного понтифика Публия Лициния Красса, билось уже шестьдесят пар в течение трех дней с раздачей бесплатного угощения для всех желающих (Liv. XXXIX. 46. 2). Девять лет спустя Тит Фламинин после смерти отца, прославленного и победоносного полководца, «освободившего» Грецию из-под власти Македонии, согласно завещанию, на протяжении трех дней выставил перед народом тридцать семь пар гладиаторов. Это внесло изменения в привычный ход гладиаторских боев. Впервые они возобладали над пиршеством, которому отвели всего один день, к тому же их провели не во время похорон, а в декабре на праздновании Сатурналий, когда все население Рима не работало и могло наслаждаться представлением. Такое зрелище считалось по тем временам высшим проявлением щедрости (Liv. XLI. 28. 11). Конечно, это только «вершина айсберга», поскольку несколько раз в году устраивались и более скромные по-

динки гладиаторов. В любом случае по популярности они не имели себе равных. Римский драматург Теренций в прологе к своей великолепной комедии «Свекровь» вспоминал, как на ее первом представлении (164 до н. э.) в середине спектакля прошел слух, что с минуты на минуту «будут гладиаторы», и театр сразу опустел. «Народ полетел, крича, толкаясь, дерясь за места», и скоро там не осталось ни одного зрителя³. Именно в этот период слово «гладиатор» широко входит в лексикон римлян. Ведь основным оружием участников погребальных игр становится использовавшийся римской пехотой гладиус — короткий тяжелый меч с широким клинком и очень острым концом, служивший для нанесения главным образом колющих ударов в ближнем бою. Средствами защиты тогда скорее всего были только щит и шлем. Не следует забывать, что официальной целью этих зрелищ по-прежнему оставались человеческие жертвоприношения в честь умершего, поэтому нужно было, чтобы раны несли смерть, а не просто увечье.

Постепенно в практику публичных представлений в качестве вступления входит предшествовавшая гладиаторским боям травля зверей. Это связано с изменением отношения к охоте в повседневной жизни: ее начинают рассматривать не как необходимость, а как вид развлечения. Первая «охота» на «зубастых хищников» — львов, тигров и леопардов, а также сраживание их с медведями, быками и дикими вепрями — состоялась в 186 году до н. э. Согласно Титу Ливию, по размаху это представление почти не уступало устраиваемым в его время, то есть двести лет спустя (Liv. XXXIX. 22. 2). Новое зрелище быстро обрело массу поклонников среди римлян, так что сенат, попытавшийся в 170 году до н. э. не допустить ввоз животных с территории своего давнего врага Карфагена, вскоре был вынужден снять свой запрет. Уже на следующий год благодаря щедрости Сципиона Назики и Корнелия Лентула на арене сражались 63 африканских зверя, 40 медведей и даже слоны (Liv. XLIV. 18. 8). Конечно, быков, медведей и кабанов можно было добыть и не выезжая за пределы Италии, в таких областях, как Лукания или Апулия. Поимкой прочих диких животных было занято множество людей

в провинциях, где со временем отлов достиг таких масштабов, что в результате полностью исчезли балканские львы и ближневосточные гепарды.

Самую низшую ступень среди участников звериной травли занимали бестиарии (от *лат.* *bestia* — «зверь»). С помощью кусков ярко окрашенной ткани или кнутов и факелов они дразнили животных, распаляя в них ярость, перед появлением на арене сражавшихся с ними «охотников» (венаторов)⁴. Соответственно, любые подобные представления в амфитеатре или цирке стали называть «венацио». Участие в них считалось недостаточно престижным, что в первую очередь отражалось на оплате. В дальнейшем нас будет больше интересоваться тот аспект этого зрелища, который связан с использованием оружия, хотя оно могло включать и показ экзотических зверей, трюки с дрессированными животными, схватки между крупными и сильными хищниками, а также терзание ими безоружных преступников. Идеей использования зверей в качестве «палачей» римляне были обязаны полководцу Луцию Эмилию Павлу, разгромившему армию македонского царя Персея. Он первым додумался в 167 году до н. э. растоптать слонами обреченных на смерть перебежчиков и дезертиров. Спустя двадцать один год очередная партия таких преступников была отдана на растерзание «зубастым хищникам» по случаю окончательной победы Сципиона Эмилиана над Карфагеном. Скоро такие приговоры стали привычными также в отношении военнопленных и заурядных преступников. Нужны были все новые и новые жертвы, способные взбудоражить чувства зрителей. На известной мозаике из раскопок римской виллы в ливийском городе Злитене мы можем видеть, как это происходило: сопротивляющихся людей подгоняют к зверям кнутом, одна пантера уже впилась в тело жертвы, и кровь льется ручьем, рядом другие связанные люди и озлобленные звери⁵. Фантазия организаторов зрелищ, конечно, была гораздо богаче: осужденных могли бросить в клетку с хищниками, привязать к спине быка и т. д. Таким образом, к концу II века до н. э. в Риме сформировались три классических элемента игр — травля хищных и других животных, отдача приговоренных к смерти на

растерзание диким зверям и гладиаторские бои, — слившиеся в дальнейшем в единое представление, которое продолжалось целый день.

Распространенное мнение о том, что со 105 года до н. э. гладиаторские игры стали проводиться за государственный счет⁶, не имеет под собой никаких оснований⁷. Тогда, в период опасности, нависшей над Римом после поражения двух консульских армий в Южной Галлии при столкновении с германскими племенами кимвров и тевтонов, было принято решение лишь о том, чтобы привлечь лучших мастеров знаменитой гладиаторской школы в Капуе к обучению граждан военному делу. Валерий Максим, римский автор первой половины I века, писал об этом следующим образом: «Мастерство владения оружием обеспечил воинам консул Публий Рутилий, коллега Гнея Манлия. В отличие от всех предшествующих военачальников он призвал в войска инструкторов из гладиаторской школы Гая Аврелия Скавра, чтобы те внедрились в легионах более изощренную технику нанесения ударов и уклонения от них» (Val. Max. III. 3. 2). Впрочем, в связи с этим событием стоит отметить, что именно тогда начинается постепенный отход от религиозных соображений при организации гладиаторских боев.

Глава 2

Наслаждение доблестью и смертью: эволюция гладиаторских игр как профессионально организованных зрелищ

В последние десятилетия существования Римской республики звериные травли и гладиаторские бои стали верным средством обойти политических соперников, приобрести расположение народа и обеспечить себе голоса на выборах, короче говоря, превратились в мощный инструмент воздействия на массы. Знаменитый оратор Цицерон, прекрасно сознававший значение игр для популярных политиков, упоминает в своей «Речи в защиту Публия Сестия», как этот народный трибун показался на одном из выступлений гладиаторов «для того, чтобы даже недруги наши увидели наглядно, чего хочет весь народ... Рукоплескания всех зрителей, заполнявших места от самого Капитолия, рукоплескания со стороны ограды форума были таковы, что, по словам присутствовавших, никогда еще римский народ не выражал своего мнения так единодушно и открыто» (Cic. pro Sest. 124). Одним из первых по этому пути пошел Сулла, который в 93 году до н. э. выставил на арену Большого цирка «сотню львов с гривами»

Наслаждение доблестью и смертью... 21

(Plin. Hist. Nat. VIII. 53), то есть самцов. Цирк этот представлял собой огромный ипподром вместимостью 150 тысяч зрителей⁸, находившийся в узкой долине между холмами Палатин и Авентин, где обычно происходили конные состязания, но иногда устраивались и другие представления. Выпущенные из клеток звери разбрелись на пространстве длиной 600 метров и шириной 150 метров, обнесенном высокой железной решеткой, за которой находились трехуровневые зрительские места. Здесь и развернулась затем настоящая охота (Sen. De brev. vitae, 13.6). Мавретанский царек Бокх прислал для нее специальный отряд охотников из племени гетулов, вооруженных копьями и дротиками. В результате были перебиты все львы, но не обошлось и без человеческих жертв.

Гладиаторские бои к этому времени превратились в само собой разумеющееся развлечение для всех желающих, и хотя чисто внешне традиция исполнения религиозного долга соблюдалась, в политических целях исполнение завещания относительно погребальных игр могло быть надолго отсрочено. Характерный пример связан с именем Гая Юлия Цезаря, который, дожидаясь должности эдила — магистрата, наблюдавшего за общественными зданиями, храмами, дорогами, рынками и пр., — устроил гладиаторские бои в честь покойного отца лишь через двадцать лет после его смерти, в 65 году до н. э.⁹ Зато какое это было великолепное зрелище! Никто до тех пор не выставлял на арену сразу триста двадцать пар гладиаторов, одетых в доспехи из чистого серебра (Plut. Caes. 5). Видимо, большей частью они происходили из принадлежавшей Цезарю гладиаторской школы в Капуе, где одновременно могли обучаться до пяти тысяч человек¹⁰. Ведь таким образом можно было хоть немного уменьшить астрономические затраты на представление. На самом деле оно могло бы стать еще более грандиозным, но политические противники Цезаря испугались такого количества мастерски владевших оружием людей, и «поэтому было издано постановление, определявшее число гладиаторов, превышать которое никому в Риме не разрешалось» (Suet. Caes. 10. 2). Дополнительной реакцией на это событие стал принятый по предложению Цицерона закон 63 года до н. э., запрещавший кан-

дидату в магистраты в течение двух лет, предшествующих избранию, «давать гладиаторов» (Cic. in Vat. 15. 37). Впрочем, надо думать, при использовании ряда юридических «лазеек» его обходили часто и умело. Ведь никто не мог запретить частному лицу «дать» игры под предлогом поминок по своему родственнику, особенно если последний включил сго в свое завещание.

Многие критически, если не отрицательно, относились к устроителям игр: «Расточительные — это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и травлю диких зверей — на все то, о чем память они оставят недолгую или вообще не оставят никакой» (Cic. Off. II. 55–57). Такая характеристика в полной мере подходит к одному из популярных римских политиков середины I века до н. э. — Титу Аннию Милону, который, по сообщению Цицерона, добиваясь консульства, истратил на театральные представления и гладиаторские бои целых три состояния (Asc. Ped. Comm. pro Mil. 3). Сам Цицерон не находил ни малейшего удовольствия в вынужденном созерцании ревушей вокруг арены толпы, иронично отмечая по поводу игр, организованных в честь его старого недруга Квинта Цецилия Метелла: «Я лично думаю, что большего стечения народа, чем то, какое было во время этих гладиаторских боев, не бывает никогда» (Cic. pro Sest. 125). Таким же скептическим было его отношение к схваткам с дикими зверями. Одному из друзей он признавался: «Они были великолепны, никто не отрицает; но что за удовольствие для образованного человека смотреть, либо как слабый человек будет растерзан могучим зверем, либо как прекрасный зверь пронзен охотничьим копьем?» (Cic. Epist. CXXVII. 2–3).

Между тем на травли диких зверей никакие ограничения не распространялись, и они проводились во все возрастающих масштабах. Эдилы и квесторы должны были устраивать их при своем вступлении в должность. Марк Эмилий Скавр, будучи эдилом 58 года до н. э., «вывел» перед народом 150 «африканских зверей», то есть пантер или леопардов (Plin. Hist. Nat. VIII. 64). Бывший народный трибун Публий Ватиний, добиваясь новой государственной должности, вы-

ставил для народа одного льва и двести гладиаторов, назвав их бестиариями (Cic. pro Sest. 133). «Гвоздем» другой звериной травли, устроенной в 55 году до н. э. прославленным полководцем Гнеем Помпеем по случаю открытия в Риме возведенных им каменного театра и храма Венеры Победительницы, стали двадцать слонов. Римляне издавна питали слабость к этим животным, наделяя их высокими нравственными качествами, великодушием и чувством достоинства. Это впечатление усилилось, когда слоны после короткой схватки с «охотниками», метавшими в них копья, попытались убежать, а «потеряв всякую надежду на бегство», с жалобным рвом заматались по арене, «словно оплакивая себя и умоляя о сострадании». Особое сочувствие вызвал один из слонов: «с пронзенными ногами он на коленях полз на толпу своих врагов; вырывая щиты, бросал их вверх, так что они, к удовольствию зрителей, падали, описывая круг, как будто брошенные искусной рукой, а не яростным чудовищем» (Plin. Hist. Nat. VIII. 7. 7). Но это только один из эпизодов данного тогда представления. Плиний Старший писал, что за первые четыре дня игр были убиты четыреста пантер и были показаны публике невиданные ранее животные: рысь, обезьяны из Эфиопии и носорог (Plin. Hist. Nat. VIII. 7. 20–21).

Все же никакие, даже самые красочные звериные травли не могли затмить зрелища, где люди, проливая кровь, сражались друг с другом. Политикам по-прежнему приходилось проявлять чудеса изобретательности для привлечения на свою сторону симпатий изменчивой толпы римского плебса, жаждавшего новых ощущений. Некоторые из претендентов на власть фактически уже не ограничивали себя в реализации различного рода зрелищных проектов. Так, став диктатором, Юлий Цезарь отметил в 46 году до н. э. свой четвертый триумф над Галлией, Египтом, Понтом и Нумидией представленным в Большом цирке масштабным сражением двух отрядов, в каждом из которых было по 500 пехотинцев, 300 всадников и 20 боевых слонов. Для их размещения на арене возвели два укрепленных лагеря, для чего даже снесли меты (поворотные столбы), использовавшиеся во время

состязаний колесниц. Сражаться эти отряды должны были до полного уничтожения одной из сторон.

Триумф великого римского полководца увенчало и совершенно необычное представление — своего рода гладиаторские игры на воде, получившие название «навмахия». Так же стали называть и специально возведенные с этой целью сооружения¹¹. Для первой навмахии, имитировавшей сражение между египетским и тирийским флотами, на Марсовом поле, представлявшем собой большую низменность к северу от городских стен Рима, было выкопано целое озеро. Выбор представленного исторического сюжета был не случайным, ведь не прошло и года, как Цезарь посадил на трон Египта молодую царицу Клеопатру VII (47–31 до н. э.), и она уже успела нанести официальный визит в Рим вместе с младенцем — его собственным сыном. Известие о готовящемся потешном морском сражении вызвало всеобщий ажиотаж: «...отовсюду стекалось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам; а давка была такая, что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора» (Suet. Caes. 39. 4). В итоге жители Рима увидели впечатляющую схватку, в которой с обеих сторон сошлись на воде около двух тысяч гребцов и тысяча воинов. Правда, потом о таких развлечениях пришлось на время забыть, так как из-за гнилостных испарений озеро засыпали.

Через год диктатор впервые почтил устройством игр память своей дочери Юлии, а ведь ранее никто не решился бы оказать подобную честь женщине. На этот раз всеобщее внимание привлекли не столько профессиональные гладиаторы, сколько смертельный поединок двух представителей известных римских фамилий — Фурия Лептина из преторского рода и Квинта Кальпена, бывшего сенатора и судебного оратора (Suet. Caes. 26. 2; 39. 1; Plut. Caes. 55). В свое время они встали на сторону Помпея, чем и вынесли себе смертный приговор. Цезарь решил сделать им предложение, от которого невозможно было отказаться. Единственным шансом сохранить жизнь стало участие в бою на арене. Видеть проливающими кровь двух столь знатных людей — такое зрелище было поистине незабываемым. Кстати, еще одну страни-

цу в историю гладиаторских игр Юлий Цезарь вписал своей смертью, поскольку именно она положила начало официальному проведению их за счет государственных средств¹².

Помимо этого, видимо, уже в то время появилась практика включения гладиаторских поединков в программу развлечений на пирах знатных римлян. У Николая Дамасского есть упоминание о том, что «друзей часто приглашали на обед для того, чтобы сверх всего прочего они посмотрели на две или три пары гладиаторов, которых вызывали, когда гости были уже сыты и пьяны от обеда. Когда гладиатор падал пронзенный, гости рукоплескали от удовольствия» (Athen. IV. 153–155). В начале XX века этот сюжет использовал писатель Александр Грин для своего рассказа «Гладиаторы», в котором пресыщенный богач Авель Хоггей однажды говорит жене: «Пусть будет сегодня Рим», — и за большие деньги нанимает двух атлетов, готовых развлечь его гостей смертельным поединком после ужина.

Свой «золотой век» зрелища, связанные с пролитием крови, безусловно, переживают в период Римской империи, ведь лояльность народа по отношению к власти в известной мере оплачивалась удовлетворением потребностей толпы в «хлебе и зрелищах». В калейдоскопе событий столичной жизни постоянно сменяли друг друга пышные шествия, грандиозные театральные постановки, похоронные процессии и, конечно, гладиаторские бои. При установлении режима личной власти все это попало в сферу самого пристального внимания государства, активно вмешивавшегося в различные сферы жизни общества. Наконец дело дошло и до права свободно, по своему усмотрению, проводить игры с участием гладиаторов. Можно ли было оставить в руках сенатской аристократии это верное средство привлечь к себе людские сердца?

Первая попытка взять его под полный государственный контроль предпринимается уже при создателе империи, Октавиане Августе (31 до н. э. — 14 н. э.). В 22 году до н. э. вводится закон об ограничении гладиаторских выступлений в Риме, требовавший запрашивать соответствующее разрешение у сената. Теперь в роли единственных легальных организаторов гладиаторских боев остались лишь императо-

ры и преторы, которые должны были рассчитывать только на собственные средства и проводить игры не менее двух раз в год — в декабре и марте, то есть в начале зимы и весны. Максимальное число гладиаторов не должно было превышать 120 человек (Dio Cass. LIV. 2). Больше мог позволить себе только император. В дальнейшем уже не преторы, а самые младшие магистраты — квесторы, имели право на свои деньги устраивать в Риме официальные игры. А так как теперь покупать голоса было ни к чему, а приобретать популярность опасно, то, надо думать, никто и не беспокоился о придании играм какого-то особого блеска. Поражающие воображение представления могли давать только императоры, у которых для этого были все возможности. Как правило, их проведение увязывалось со значимыми событиями в жизни государства, например, знаменательными годовщинами в императорской семье или открытием какого-либо общественного сооружения. Всей подготовкой зрелища обычно ведали императорские вольноотпущенники или особые «кураторы игр» (*curatores munerum*). Из проведенных ими от имени Августа игр можно отметить грандиозное представление 7 года до н. э., данное в память о его зяте, выдающемся полководце Марке Випсании Агриппе.

При Августе проводится четкое разделение гладиаторов на отдельные типы с определенным набором вооружения (мирмиллоны, ретиарии, секуторы, фракийцы и др.)¹³ и разрабатываются правила проведения боев. Регламентации подверглось даже распределение зрительских мест в амфитеатрах: «На всяких общественных зрелищах первый ряд сидений всегда оставался свободным для сенаторов... Солдат он отделил от граждан. Среди простого народа он отвел особые места для людей женатых, отдельный клин — для несовершеннолетних и соседний — для их наставников, а на средних местах воспретил сидеть одетым в темные плащи. Женщинам он даже на гладиаторские бои не позволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами» (Suet. Aug. 44. 1–2). Такое распределение мест в амфитеатрах потребовалось, поскольку простой народ особенно не утруждал се-

бя соблюдением каких-либо правил. Известен эпизод, когда один сенатор приехал в ПUTEОЛЫ на игры, и для него не нашлось места, так как свое не пожелал уступить никто из присутствовавшей там толпы. Порядок в этом отношении навел император Август, при котором законодательно утвержденные привилегии соблюдались достаточно строго. Однажды в его присутствии «воин, не имея собственного места, прошел на так называемые места всадников; народ обратил на это внимание, и Цезарь [Август. — В. Г.] прогнал воина» (App. Bell. Civ. V. 15). Позднее потребовалось еще одно постановление на этот счет: как отмечает Тацит, в 63 году император Нерон отвел римским всадникам «места... впереди простого народа, тогда как до этого... они не имели никаких преимуществ» (Tac. Ann. XV. 32).

Подводя итоги деятельности императора Августа, Светоний писал: «...он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие. По его словам, он давал игры четыре раза от своего имени и двадцать три раза от имени других магистратов...» (Suet. Aug. 43. 1). Те же цифры фигурируют в автобиографичной надписи, известной под названием «Деяния божественного Августа», где имеется ряд дополнительных сведений по интересующему нас вопросу. В частности, о количестве участников восьми больших гладиаторских состязаний, устроенных Августом от себя лично, а также от сыновей и внуков, говорится, что их было до десяти тысяч человек, то есть в каждом из представлений участвовало больше тысячи гладиаторов. Не менее роскошными были устроенные двадцать шесть раз травли африканских животных, «во время которых убито было зверей около 3500» (Res gestae. 22). О всепоглощающем увлечении подобными массовыми представлениями свидетельствует сообщение о том, что в такие дни по Риму расставляли «стражу, чтобы уберечь обезлюдевший город от грабителей» (Suet. Aug. 43. 1).

Преемники Августа, независимо от собственных вкусов, продолжали его политику в отношении гладиаторских игр, понимая их значение для поддержания своей популярности в народе. Конечно, нельзя было лишить людей права устра-

ивать гладиаторские игры на поминках, но пасынок Августа Тиберий (14–37 н. э.) и для них сократил число гладиаторов. Он устраивал игры редко, но если принимал такое решение, то денег не жалел, предлагая уже получившим свободу опытным гладиаторам-профессионалам до 100 000 сестерциев, чтобы они порадовали публику своим искусством (Suet. Tib. 34. 1). В этот период население Италии стремилось восполнить недостаток зрелищ всеми возможными способами: использовался любой повод потребовать от состоятельных людей проведения игр. Бедные считали, что богатые должны их развлекать. В городе Полленции, как писал Светоний, «чернь не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона до тех пор, пока силой не вынудила наследников потратить большие деньги на гладиаторские зрелища» (Suet. Tib. 37).

Короткое правление Гая Калигулы (37–41 н. э.) было отмечено триумфальным возвращением в Рим массовых развлечений. Среди них гладиаторским играм отводилось особое место. Свидетельством этого стала попытка возвести первый большой амфитеатр, под который снесли многие большие здания, но строительство так и не было доведено до конца (Suet. Cal. 21). Страстно любивший игры Калигула часто превращал их в демонстрацию своего произвола по отношению к гражданам. Человека, который обещал биться в качестве гладиатора, если император выздоровеет, он заставил исполнить обет, а сам смотрел, как тот сражается, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. Возненавидев некоего Эзия Прокула, за огромный рост и привлекательный вид прозванного Колосс-эротом, Калигула «...во время зрелищ вдруг приказал согнать его с места, вывести на арену, сравить с гладиатором легковооруженным, потом с тяжеловооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем — связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать» (Suet. Calig. 35. 2). Он очень ревниво относился к вниманию и реакции зрителей. Так, «когда Порий, колесничный гладиатор, отпускал на волю своего раба-победителя и народ неистово рукоплескал, Гай бросился вон из амфитеатра с такой стремитель-

ностью, что наступил на край своей тоги и покатился по ступеням, негодуя и восклицая, что народ, владыка мира, из-за какого-то пустяка оказывает гладиатору больше чести, чем обожаемым правителям и даже ему самому!» (Suet. Calig. 35. 3). За плохой отзыв о его зрелищах можно было угодить на каторжные работы, подвергнуться клеймению раскаленным железом или перепиливанию пилой. Даже царственные особы не могли чувствовать себя в безопасности в его присутствии. Мавретанского царя Птолемея он принял в Риме с большим почетом, а затем умертвил только потому, что тот, явившись однажды на бой гладиаторов, привлек взгляды зрителей блеском своего пурпурного плаща. Молодой император, детство которого прошло в военных лагерях, иногда сам выходил покрасоваться перед публикой в вооружении секутора или фракийца, особенно когда был полностью уверен в собственной безопасности. Однажды он бился с мирмиллоном из гладиаторской школы на деревянных мечах, и тот нарочно упал перед ним, тогда император прикончил противника железным кинжалом и с пальмовой ветвью в руках обожедал победный круг. В конечном итоге увлечение Калигулы фракийцами стоило ему расположения толпы, которого он так ревностно добивался. Ему так и не простили смерти любимца публики, гладиатора по прозвищу Голубь, который победил на арене фракийца, но в отместку был отравлен самим императором.

Клавдий (41–54 н. э.) любил удивить плебс пышным дорогостоящим представлением, своего рода «закуской», как он говаривал, имея в виду «неожиданное и неподготовленное угощение». Гладиаторские игры император устраивал много раз и во многих местах. В годовщину дня рождения он давал их в лагере своей гвардии — преторианцев, но без диких зверей и богатого убранства, а вот в городе — полностью и по обычной программе. Клавдий часто заигрывал с простыми людьми, называя их «хозяевами», и вместе с ними громко отсчитывал золотые монеты победителям (Suet. Claud. 21. 4–5). Однажды на Марсовом поле он повелел представить «взятие и разграбление города, а потом покорение британских царей, и сам распоряжался, сидя в плаще полководца» (Suet.

Claud. 21. 6). Как повод для очередных гладиаторских игр император использовал и малый триумф — овацию, дарованную в 47 году Авлу Плавтию за «его умелое и успешное ведение войны в Британии» (Cass. Dio. LX. 30). Многие из захваченных в ней пленников окончили тогда свою жизнь на арене.

Когда в 52 году стало известно о завершении под Римом многолетних работ по подготовке спуска воды Фуцинского озера, Клавдий не мог упустить представившуюся возможность устроить грандиозную навмахию. На этот раз предварительная рекламная кампания по поводу инсценировки сражения была проведена на должном уровне, и несметные толпы зрителей заполнили берега озера, холмы и вершины окрестных гор, расположившись так, будто это был огромный театр. Вот как описывает последовавшую затем битву на воде Тацит: «Клавдий снарядил триремы и квадриремы, посадив на них девятнадцать тысяч человек; у берегов озера со всех сторон были расставлены плоты, чтобы сражающимся некуда было бежать, но внутри этого ограждения оставалось довольно простора для усилий гребцов, для искусства кормчих, для нападений кораблей друг на друга и для всего прочего, без чего не обходятся морские бои. На плотях стояли манипулы преторианских когорт и подразделения конницы, на них же были возведены выдвинутые вперед укрепления с готовыми к действию катапультами и баллистами, тогда как остальную часть озера стерегли моряки на палубных кораблях... И, хотя сражение шло между приговоренными к смерти преступниками, они бились как доблестные мужи» (Тас. Ann. XII. 56). Именно перед началом этого представления из уст осужденных прозвучала знаменитая фраза: «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» Согласно традиционным представлениям, ее всегда произносили гладиаторы, выходявшие на арену в присутствии императора. На самом деле никаких подтверждений существования такой формулы приветствия найти невозможно. В навмахии же Клавдия эти слова сыграли роковую роль. Услышав их, император прокричал в ответ: «А может быть, и нет». Она была воспринята как помилование, и люди отказались занять свои места на кораблях. На потеху толпе Клавдию с угроза-

ми и уговорами пришлось вприпрыжку бегать вдоль берега, чтобы заставить их выйти на бой. Судя по тому, что «после длительного кровопролития оставшимся в живых была сохранена жизнь», именно это стало условием продолжения представления.

Далеко не все римляне, жившие в то время, находили удовольствие в подобных развлечениях. «Нет ничего гибельнее для добрых нравов, чем зрелища, ведь через наслаждение еще легче прокрадываются к нам пороки», — писал философ Сенека к своему другу Луцилию, делаясь впечатлениями от гладиаторских боев (Sen. Epist. VII. 2). Относительно Клавдия это наблюдение применимо в полной мере. Со временем в его характере обнаружились те же отвратительные черты, что и у Калигулы, которому он приходился дядей. «На гладиаторских играх, своих или чужих (то есть на тех, где формально он не имел права распоряжаться. — В. Г.), он всякий раз приказывал добывать даже тех, кто упал случайно, особенно же ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим... Звериными травлями и полуденными побоищами увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть, даже когда все расходились завтракать. Кроме заранее назначенных бойцов, он посылал на арену людей по пустым и случайным причинам — например, рабочих, служителей и тому подобных, если вдруг плохо работала машина, подъемник или еще что-нибудь. Однажды он заставил биться даже одного своего раба-номенклатора¹⁴, как тот был, в тоге» (Suet. Claud. 34. 1–2). Только однажды Клавдий поступил «уместно и хорошо: одному колесничному гладиатору он дал почетную отставку по просьбе его четверых сыновей и под шумное одобрение всех зрителей, а потом тут же вывесил объявление, указывая народу, как хорошо иметь детей, если даже гладиатор, как можно видеть, находит в них защитников и заступников» (Suet. Claud. 26. 5).

Каждый, кто оказывался на троне империи, старался хоть в чем-то превзойти своих предшественников в отношении привлечения симпатий толпы, всякий раз жаждавшей и требовавшей какого-нибудь чуда. Надо было только изобрести нечто совершенно необычное, чего раньше никто не делал.

Нерон (54—68 н. э.), например, издал указ, разрешающий свободным женщинам становиться гладиатрисами, и сразу «большое число знатных женщин... запятнало себя выходом на арену» (Тас. *Ann.* XV. 32). Когда и это приелось, по велению императора зрителям показали сражающихся женщин-эфиопок. Подтверждением реального существования гладиатрис служит хранящийся в Британском музее рельеф из Малой Азии, где представлены в вооружении мирмиллонов две сражающиеся женщины и рядом их имена — Амазонка и Ахиллия.

Скоро стремление ублажить толпу зашло слишком далеко, были сняты вообще все запреты. На арену деревянного амфитеатра на Марсовом поле выходили биться до четырехсот сенаторов и шестисот всадников, многие с нетронутым состоянием и незапятнанным именем. Из тех же сословий император набирал венаторов и служителей арены. Впрочем, тогда он не позволил убить ни одного бойца, даже из числа преступников (Suet. *Ner.* 12. 1). Тяга к личному участию в захватывающем зрелище однажды побудила самого Нерона, вооружившегося охотничьим копьем, вступить в схватку со львом. Правда, ходили упорные слухи о том, что хищника предварительно подготовили к этой встрече: вырвали зубы и порвали главные мышцы.

После смерти Нерона правивший Римом всего несколько месяцев император Вителлий, несмотря на ожесточенную борьбу за власть со своими конкурентами, счел необходимым использовать солдат прибывшего из Паннонии XIII Сдвоенного легиона для строительства новых амфитеатров в Кремоне и Бононии. Не забывал он и о столице, отдав приказ отметить собственный день рождения гладиаторскими боями в каждом из 265 кварталов Рима (Тас. *Hist.* II. 67). Правда, в отличие от Нерона он запрещал участвовать в них сенаторам и всадникам (Cass. Dio. LXIV. 6).

На совершенно новый уровень, уже не в пространственном, а во временном отношении, поднял гладиаторские игры император Тит (79—81 н. э.), который уже имел солидный опыт их организации. В 70 году н. э., сразу после штурма Иерусалима, он пышно справил «день рождения своего брата

и в его честь предал смерти множество евреев из тех, которые подлежали наказанию. Число погибших в битвах со зверями, сожженных и павших в сражениях друг с другом превышало 2500 человек» (Jos. Fl. *Bell. Jud.* VII. 3. 1). То же, но в еще больших масштабах, повторилось в связи с днем рождения его отца. Тит включил гладиаторские бои и в повседневную программу великолепных празднеств, данных по случаю открытия грандиозного амфитеатра Флавиев, более известного под названием Колизей. Помимо собственно поединков и схваток между целыми отрядами бойцов на арене они включали в себя навмахию и венацию с участием 9000 домашних и диких животных, причем в роли «охотников» выступали и женщины из незнатных семейств. Для экзотики сюда добавили бои журавлей и сражение между четырьмя слонами (Cass. Dio. LXVI. 25). При этом император заранее оповестил всех, что устроит гладиаторские бои «не по собственному вкусу, а по вкусу зрителей» (Suet. *Tit.* 8. 2). Зрелища сопровождались разбрасыванием по театру деревянных шариков с надписями, обозначавшими какую-нибудь еду, одежду, серебряный или золотой сосуд, лошадь, рабочий скот либо рабов, а затем следовали раздачи всего изображенного.

Этот откровенный подкуп низших слоев римского общества сработал блестяще и укрепил позиции династии, которую после смерти Тита продолжил его младший брат, Домициан (81—96 н. э.). Этот император был не прочь, по крайней мере раз в году на празднике в честь Минервы, лично насладиться лицезрением звериной травли и состязаний гладиаторов на своей Альбанской вилле недалеко от Рима (Cass. Dio. LXVII. 1. 3). Он внес особую «изюминку» и в проведение роскошных публичных зрелищ, впервые отправив на арену гладиаторов-карликов, там же снова оказались женщины-гладиатрисы (Suet. *Domit.* 4. 1). Звериные травли и гладиаторские бои Домициан любил проводить ночью при свете факелов, часто, в виде особой милости к народу, выпуская в финале две пары профессионалов из собственной школы (Suet. *Domit.* 4. 1). Известен он и своими навмахиями, в которых участвовали порой целые флотилии кораблей. Они проводились на озере поблизости от Тибра в любую погоду, да-

же если там бушевали ураган и сильный ливень. Одно такое зрелище надолго запомнилось римскому плебсу потому, что многие простудившиеся люди потом умерли от лихорадки (Suet. Domit. 4. 2). Естественно, об этом нет ни слова в написанной тогда хвалебной эпитафии Марциала:

Август устроил, чтоб здесь ходили в сражение флоты
И корабельной трубой гладь будоражилась вод...
Все, на что мы глядим и в цирке, и в амфитеатре,
Все это, Цезарь, тебе щедрой водою дано.
Пусть же умолкнут Фуцин и пруды злодея Нерона:
Будут в веках вспоминать лишь навмахию твою.

(*Mart. Spect. 30 (28)*)

Совершенно непревзойденный размах приобрели гладиаторские бои в период правления императора Траяна (98–117 н. э.), когда он отметил свою победу над племенем даков организацией грандиозных празднеств. Они включали выступления десяти тысяч гладиаторов (то есть столько же, сколько за все царствование Августа) и травлю одиннадцати тысяч зверей. Еще более десяти тысяч бойцов были выведены на арену Рима за последующие пять лет¹⁵. Эти цифры подтверждаются находкой в Остии каменной плиты с надписью, отразившей события того времени, но в то же время внесшей в них некоторые коррективы. В частности, стало ясно, что игры Траяна проводились не безостановочно, а по несколько дней подряд с интервалами, что вполне объяснимо, поскольку любые однотипные зрелища нужно дозировать в разумных пределах, чтобы они не приелись публике. Сначала на рубеже 107–108 годов состоялись отборочные бои, продолжавшиеся в течение двенадцати-тринадцати дней. В каждом из них принимали участие по 300 пар гладиаторов. Затем с июня 108 года по ноябрь 109 года в течение 117 дней с перерывами, то есть примерно раз в пять дней, проводились основные бои. Видимо, это свидетельствует о том, что бойцы, одержавшие победу, могли и дальше продолжать выступать на арене. Данное наблюдение подтверждает эпитафия Марка Антония Эксоха, гладиатора-фракийца из Александрии, прибывшего

в Рим на игры 117 года в честь военных побед Траяна. За время представлений он три раза принял участие в поединках¹⁶.

После проявленной Траяном щедрости, о которой в столице империи вспоминали многие поколения завсегдатаев амфитеатров, последующие правители из династии Антонинов казались просто скрягами. Самое большее, на что решился император Адриан (117–138 н. э.), это устроенные им для народа по случаю дня рождения бесплатные зрелища: «гладиаторские бои, продолжавшиеся непрерывно в течение шести дней», и тысяча выпущенных на арену диких зверей (Ael. Spart. Hadr. VII. 12), среди которых были сто львов и столько же львиц, убитых в один день. Другую тысячу хищников он выставил для «охоты» на афинском стадионе, поскольку формально занимал в любимом им городе должность высшего должностного лица — архонта. Известно также, что он почтил память Помпеи Плотины, жены усыновившего его Траяна, играми, в которых участвовали триста гладиаторов. Лишенные прежнего обильного финансирования гладиаторские школы были обязаны своим выживанием в основном знатым римлянам, избранным на различные муниципальные должности. Например, эдилам полагалось устраивать зрелища на протяжении не менее трех дней. Дело это было весьма дорогостоящее даже для состоятельной семьи. Бесплатными были только приговоренные к смерти преступники, предоставлявшиеся местными судебными органами.

Редко раскошеливался на проведение гладиаторских игр и «философ на троне» Марк Аврелий (161–180 н. э.). Единственный случай, когда он не пожалел денег, — это грандиозное представление 175 года в Колизее, где провели 2757 боев гладиаторов. Два года спустя, чтобы смягчить недовольство в провинциях большими расходами, которых требовали игры с участием гладиаторов, император отменил весьма доходный для государственной казны налог на продажу гладиаторов, дававший от двадцати до тридцати миллионов сестерциев ежегодно. Более того, в преамбуле соответствующего законодательного акта говорилось, что государственная казна «не должна быть запятнана замаранными кровью деньгами... аморально пополнять ее за счет мероприятий

и акций, осужденных всеми божьими и человеческими законами». Он установил также предел расходов на игры и условия продажи или найма гладиаторов (Iul. Capit. M. Anton. XI. 4; XXVII. 6). При этом некоторое дозволенное властями количество бойцов их хозяин должен был по более низкой цене уступить организатору зрелищ как человеку, связанному с проведением общегосударственной акции, обеспечивающей не только ему, но и императору поддержку народных масс. Правда, сам Марк Аврелий нередко вызывал недовольство народа тем, что во время представлений демонстративно рассматривал государственные бумаги или перечитывал философские трактаты. В собственном сочинении «Наедине с собой» он высказался по поводу гладиаторских боев вполне определенно, назвав их утомительными и скучными. Луций Вер (161—169 н. э.), соправитель Марка Аврелия, напротив, пережил такое бурное увлечение гладиаторскими боями, что часто устраивал их во время своих пиров, затягивая увеселения на всю ночь (Iul. Capit. Ver. IV. 9).

Страсть к гладиаторским играм захватила и сына Марка Аврелия — Коммода (180—192 н. э.), который не жалел на них денег из государственной казны. Он всерьез собирался сменить дворец на казарму своих любимцев и часто устраивал с ними совместные пирушки. До чего дошла эта страсть, рассказывает Геродиан, написавший труд «История императорской власти после Марка»: «Коммод, уже не сдерживая себя, принял участие в публичных зрелищах, дав обещание... сразиться в единоборстве с мужественнейшими из юношей. Молва об этом распространилась, и со всей Италии и из соседних провинций спешили люди посмотреть на то, чего они раньше не видели и о чем не слыхали». Этот высокий мускулистый человек мастерски владел многими видами оружия и даже мог пронзить пикой слона. Все «толковали о меткости его руки и о том, что он никогда не промахивается... Всех зверей он поражал копьем или дротиком с первого удара. Наконец, когда из подземелий амфитеатра была одновременно выпущена сотня львов, он убил их всех таким же количеством дротиков — трупы их лежали долго, так что все спокойно пересчитали их и не обнаружили лишнего дротика.

До этих пор, хотя его поступки и не соответствовали императорскому положению, однако в них было благодаря мужеству и меткости нечто приятное для простого народа; когда же он обнаженный вышел на арену амфитеатра и, взяв оружие, начал сражаться как гладиатор, тогда уже народ с неодобрением посмотрел на это зрелище — благородный римский император, после стольких трофеев отца и предков, не против варваров берет в руки оружие, подобающее римской власти, но глумится над своим достоинством, принимая позорнейший и постыдный вид. Вступая в единоборство, он легко одолевал противников, и дело доходило до ранений, так как все поддавались ему, думая о нем как об императоре, а не как о гладиаторе» (Her. Hist. I. 15). Нередко в дневной программе император в вооружении секутора принимал участие в показательных поединках с известными гладиаторами. При этом он держал щит в правой руке, а деревянный меч в левой и очень гордился, что от рождения был левшой. Впрочем, император сражался и «острым» оружием, убивая при этом традиционных противников секуторов — ретиариев. Перед народом он любил представать в облике Геракла, и по его приказу бронзового колосса возле Колизея перedelали соответствующим образом, дополнив его головой императора, палицей и фигурой льва у ног. В надписи на постаменте о нем говорилось так: «Перворазрядный секутор, единственный левша, победивший двенадцать раз по тысяче соперников» (Cass. Dio. LXXIII. 22).

Несмотря на бесчисленные выступления на арене, погиб Коммод все-таки не от оружия или звериных когтей, а в результате заговора, составленного людьми из его ближайшего окружения, случайно узнавшими о намерении императора их казнить. В итоге его задушил обычно упражнявшийся с ним в борьбе атлет Нарцисс, позднее, при императоре Септимии Севере, отданный за это на растерзание львам. Когда известие о смерти ненавистного тирана дошло до сената, раздались крики: «Гладиатора — в сполиарий!» (Ael. Lampr. Comm. XVIII. 4), то есть в мертвецкую.

После смерти последнего представителя династии Антонинов, в особенности с вступлением Римской империи в по-

лосу затяжного кризиса III века, когда государственная казна испытывала недостаток денежных средств, гладиаторские игры становятся все более скромными. Впрочем, иногда их пытались разнообразить различными театральными эффектами. В период правления Септимия Севера (193—211 н. э.) после истории с китом, выбросившимся на берег в устье Тибра, на арену Колизея вывезли его чучело, из пасти которого выскочили пятьдесят медведей. Спустя несколько лет в реализации сходной идеи использовали декоративный корабль вместимостью четыре сотни зверей, который постоянно в течение всех семидневных игр «терпел крушение» на арене, и по ней разбегались медведи, львы, пантеры, дикие ослы и зубры, с которыми сражались венаторы. Более экзотических зверей для травли использовали тогда гораздо реже. Так, в отношении гладиаторских игр, устроенных после смерти видного сенатора Квинтилла, специально отмечалось, что «помимо прочего было убито десять тигров» (Cass. Dio. LXXVI. 16; LXXVII. 1. 7).

Кровожадный Каракалла (211—217 н. э.) пробовал свои силы на арене только в отношении животных. Известно, что однажды он лично убил в амфитеатре слона, носорога, тигра и зебру, в другой раз — десять диких кабанов одновременно. Этот правитель неприкрыто радовался гибели как можно большего числа гладиаторов и даже нарушил правила, заставив одного из них сражаться с тремя противниками подряд. Правда, когда тот все-таки пал в поединке, ему устроили пышные похороны. Во время путешествий по империи везде, где он задерживался на зимний период, возводили амфитеатры и ипподромы (Cass. Dio. LXXVIII. 6, 9).

Гелиогабал (218—222 н. э.) предпочитал развлекать себя, а не толпу. С этой целью он использовал небольшой амфитеатр Кастренсе, возведенный в Риме в начале III века. Развратный император «устроивал свою столовую на самом высоком месте... и, когда он завтракал, для него выпускали на арену преступников, которые охотились на диких зверей» (Ael. Lampr. Geliogab. XXV. 7—8). В этот период только немногие богатые провинциалы вроде принадлежавшего к древнему роду будущего императора Гордиана I могли по-

зволить себе ежемесячные игры, в которых участвовали от ста пятидесяти до пятисот пар гладиаторов и от сотни африканских зверей до тысячи германских медведей (Iul. Capit. Gord. III. 5).

Обычно большие официальные игры были приурочены к какому-либо конкретному значимому событию. Например, Юлий Капитолин сообщает о возобновленном — в связи с избранием сенатом в 238 году двух новых императоров, Пупиена Максима и Бальбина, и отправкой одного из них на войну — древнем обычае, согласно которому перед походом «устроивали гладиаторские бои и охоты». Объяснялось это тем, что «готовившиеся идти на войну римляне должны были видеть битвы, раны, оружие и обнаженных людей, нападающих друг на друга, — чтобы на войне не бояться вооруженных врагов и не приходить в ужас от ран и крови» (Iul. Capit. Max. et Balb. VIII. 5—7). С прежними временами, пожалуй, могли сравниться только проведенные императором Филиппом Арабом (244—249) игры 248 года, посвященные 1000-летию основания Рима. Тогда в дело были пушены все зрелищные ресурсы, накопленные в Вечном городе: «...тридцать два слона, десять лосей, десять тигров, шестьдесят прирученных львов, тридцать прирученных леопардов, десять бельб — то есть гиен, тысяча пар казенных гладиаторов, шесть гиппопотамов, один носорог, десять косматых львов, десять жирафов, двадцать диких ослов, сорок диких лошадей и бесчисленное количество всевозможных других животных» (Iul. Capit. Gord. XXXIII. 1).

В меньших масштабах отметил десятилетие своего правления император Галлиен (253—268), и все же его игры были названы «небывалыми» из-за невиданных дотоле торжественных предварительных шествий, в которых участвовали десять слонов, прирученные дикие животные разных пород и тысяча двести гладиаторов в пышных золоченых одеяниях римских матрон (Treb. Poll. Gall. VII. 4; VIII. 1—3). Последнее обстоятельство связано со склонностью Галлиена к различного рода шуткам. Известны две из них, имеющие отношение к тому, что происходило на арене амфитеатра. «Когда однажды он велел выпустить на арену огромного быка и вышел

охотник, который должен был поразить его, но после десяти выходов так и не смог убить, Галлиен послал охотнику венок. Так как все стали вполголоса выражать недоумение, почему такой в высшей степени неумелый человек получает венок, Галлиен велел объявить через глашатая: «Не сумеешь поразить быка столько раз — дело трудное». Когда кто-то продал его жене вместо настоящих драгоценных камней — стеклянные... Галлиен велел схватить продавшего как бы для того, чтобы отдать его на растерзание льву, а затем распорядился выпустить из клетки каплуна. Когда все удивились такой смешной выходке, он велел сказать через глашатая: «Он подделал, и с ним поступили так же», а затем отпустил торговца» (Treb. Poll. Gall. XII. 3—5).

В этот сложный период, когда государство со всех сторон подвергалось нападениям врагов, императоры не упускали случая экономить на организации публичных зрелищ. Так, Проб (276—282) по случаю триумфа над германцами и африканским племенем блеммиев показал римлянам на арене Большого цирка звериные травли и поединки трехсот пар гладиаторов, набранных исключительно среди пленников (Fl. Vor. Prob. XIX. 8). Последние грандиозные гладиаторские игры в духе прежних традиций устраивал император Диоклетиан (284—305), при котором число христианских мучеников, в том числе и принявших смерть на арене, увеличилось почти вдвое.

Понятно, что христиане не могли испытывать симпатий к гладиаторским играм и подвергали их активному осуждению. Уже «Апостольское поучение», приписываемое Ипполиту, Римскому папе конца II века, отлучало от жизни христианских общин гладиаторов и их наставников. Наиболее благоприятной почвой для распространения таких взглядов стала Греция. Историк Плутарх, достигший высоких должностей в период правления императора Траяна, рекомендовал наместникам провинций наложить запрет на гладиаторские поединки. Когда их попытались организовать в Афинах, считавшихся «школой Эллады», один из афинских граждан, Демонакс, выступил с речью, где прозвучали такие слова: «Жители Афин, чтобы принять эту традицию, вы долж-

ны разрушить храм Сострадания». У ранних христиан было свое понимание гуманности: каждый человек достоин уважения и милосердия. Против кровопролития на арене выступил и Тертуллиан, уроженец Северной Африки, подвизавшийся в Риме в качестве адвоката. Став христианином, он обрушил на любителей кровавых зрелищ гневные обличительные речи: «Если я войду в Капитолий или Серапей для жертвоприношений и молитв, то изменю Богу точно так же, как если войду в цирк или театр в качестве зрителя... Амфитеатр посвящен еще большему числу демонов, чем Капитолий. — это поистине храм всех демонов. Там столько же нечистых духов, сколько зрителей... Если можно доказать, что жестокость, свирепость, варварство нам позволительны, тогда пойдем в амфитеатр. Если мы таковы, как о нас говорят, то станем наслаждаться человеческой кровью. Мне могут возразить, что преступники заслуживают наказания. Кто станет спорить, исключая разве самих злодеев? Я согласен, но согласитесь и вы, что доброму человеку нельзя любоваться казнью злого: он должен скорбеть о том, что подобный ему человек имел несчастье впасть в преступление, заслуживающее строгого наказания. Впрочем, можно ли ручаться за то, чтобы одни только виновные предавались на растерзание зверям и подвергались другим казням? Не приговаривают ли иногда к казни невинных по злобе судьи, небрежению адвоката или из-за пристрастного следствия? Лучше не видеть, как кают злодеев, чем видеть, как с ними гибнут и добрые люди, если, конечно, они понимают, в чем благо. Ведь среди гладиаторов есть и невинные люди, приносимые в жертву удовольствию публики... Кто не выносит вида покойников, тот в амфитеатре с удовольствием смотрит на тело, плавающее в луже крови. Кто пришел посмотреть на казнь преступников, тот сам плетью и розгами толкает гладиатора, против его воли, на убийство. Кто требует опасного убийцу отдать на съедение льву, тот просит свободы свирепому гладиатору, а в случае его смерти подбегает и с близкого расстояния сочувственно разглядывает того, чьей гибели требовал издалека» (Tert. De spect. 8; 12; 19; 21). Тертуллиан утверждал, что не сможет учить милосердию тот, кто «с удовольствием смотрит

на разъяренных медведей и щитки ретиариев. Да избавит Бог служителей своих от желания участвовать в столь гибельных увеселениях... и устами, произносившими в храме "Аминь", рассуждать о достоинствах гладиатора» (Tert. De spect. 25).

Конечно, несмотря на все свое возмущение, христианские писатели были не в силах остановить кровопролитие, поощрявшееся властями. Максений (306—312), известный гонитель христиан, давал гладиаторские игры в честь своего дня рождения, даже когда его соперник, будущий Константин I Великий (312—337), со своим войском стоял у стен Рима. Да и сам Константин, позднее признанный церковью равноапостольным, отметил свою победу над Максенцием гладиаторскими играми, на проведение которых он и в дальнейшем выделял деньги. Ситуация начала меняться, только когда император стал открыто поддерживать христианскую церковь. Под ее влиянием был принят эдикт о наказании преступников, где, в частности, указывалось, что магистраты не должны посылать осужденных преступников в гладиаторские школы, вводился запрет на организацию самих игр, а казни заменялись принудительным трудом в каменоломнях.

Впрочем, этот закон не касался Рима и ряда других городов, которым в этом отношении были даны особые привилегии. Но в любом случае масштаб выступлений на арене был уже далеко не тот, что раньше, хотя римлянам было трудно отказаться от укоренившихся привычек, и к 357 году, несмотря на очередной запрет для солдат и офицеров добровольно поступать в гладиаторские школы, волна игр вновь захлестнула всю территорию империи. Как раз в тот год в Рим из Константинополя прибыл император Константин II (337—361), который не преминул посетить амфитеатр Флавиев, и это сооружение показалось ему столь высоким, что его вершины «едва достигает человеческий взор» (Amm. Marc. XVI. 10. 14).

«Высочайший» интерес к играм проявлялся и позднее. Император Валентиниан I (364—375 годы), несмотря на подтверждение эдикта Константина, исключавшего возможность вынесения приговоров «к арене», настолько полюбил двух участниц представлений — свирепых медведиц по клич-

ке Золотая Крошка и Инноценция (Невинность), что «клетки их поместил возле своей спальни, приставил к ним надежных сторожей, которые должны были следить за тем, чтобы злобная ярость этих зверей не ослабевала по какой-нибудь случайности. Инноценцию в конце концов за ее заслуги он выпустил на свободу в лес, после того как на его глазах совершено было погребение немалого числа трупов растерзанных ею людей» (Amm. Marc. XXIX. 3. 9). В то же самое время соправителя Валентиниана I, императора Грациана (367—383), настолько захватила страсть к истреблению животных, что, «убивая стрелами зубастых зверей», он каждый раз испытывал неподдельный восторг (Amm. Marc. XXXI. 10. 18).

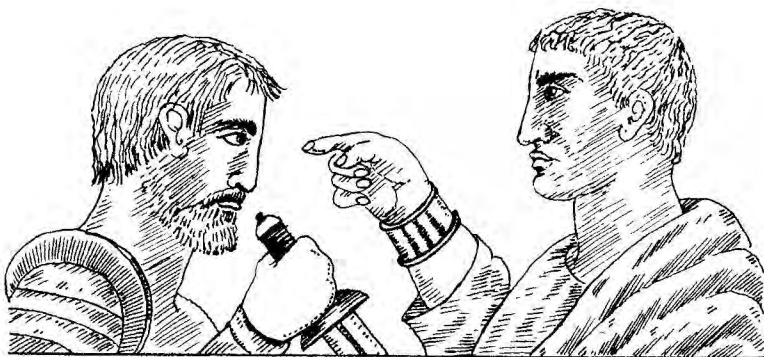
Тем не менее идея проведения игр ради развлечения народа постепенно угасала. Этот процесс распространялся с греческого Востока на латинский Запад. Последний гладиаторский бой (мунус, как его называли римляне) в восточных провинциях Римской империи состоялся в 392 году в Антиохии. В западной части государства ситуация была совершенно иная. На увлечение местного населения играми не могли повлиять никакие военно-политические катастрофы. В одном из сочинений Сальвиана, церковного писателя начала V века, повествуется об уцелевших жителях Трира, четыре раза подряд разграбленного варварами, которые признавались, что совершенно примирились бы со своей участью, если бы им оставили их привычные зрелища. Из сохранившихся писем Квинта Аврелия Симмаха (ок. 340—402), ревностного защитника древних обычаев и противника христианства, мы знаем, что он не раз устраивал игры, чтобы отметить очередной этап в карьере своего сына. Так было и в 393 году, когда тот выдвинул свою кандидатуру на должность квестора. Из письма, описывающего подготовку игр, мы знаем, с какими сложностями пришлось столкнуться их организатору. Подготовка зрелища он начал с обращения к своим друзьям в разных концах империи за помощью в доставке лошадей, медведей, львов, шотландских собак, крокодилов и т. д. По мере приближения игр беспокойство Симмаха все нарастало. Ситуация складывалась далеко не так, как он хотел. Медведи вовремя не прибыли, о львах ничего не было извест-

но, а крокодилов доставили буквально в последнюю минуту. К тому же они наотрез отказывались принимать пищу, а это значило, что их нельзя будет оставить на конец представления, как первоначально планировалось. Оставались, правда, еще гладиаторы: три десятка пленных германцев из племени саксов, но накануне игр двадцать девять человек из них задумали друг друга, чтобы не появляться на арене. Это был жестокий удар, и, по словам Симмаха, ему понадобилась вся его философия, чтобы перенести это несчастье. По поводу мужества гордых саксов он заявил, что «ничего не хочет слышать об этих негодяях, которые оказались хуже Спартака» (Symm. X. 46). Впрочем, эта неудача не остановила его, когда сын собрался в 401 году выставить свою кандидатуру в преторы. Теперь подготовку к играм в Колизее начали почти за три года, и только поэтому удалось собрать медведей из Италии и ряда северных областей; лошадей из Испании; собак из Британии; львов, леопардов, антилоп и крокодилов из Африки. Дополнительные сложности доставило решение императора Гонория (395—423) в 399 году закрыть последние гладиаторские школы. В итоге затраты составили две тысячи фунтов золота, чего вполне хватило бы для пропитания почти двадцати тысяч крестьянских семей в течение года. Возникает вопрос: а часто ли использовался в этот период Колизей по своему прямому назначению? Ответ можно найти в документах, где отмечается, что из 176 праздничных дней в году под гладиаторские бои отводилось всего десять¹⁷.

Возможности «людей меча» хоть как-то устроить свою судьбу ограничивались все больше. Приближался переломный момент в истории игр, который наступил в 404 году. Когда очередная пара гладиаторов готова была вступить в бой на арене Колизея, прекратить кровопролитие призвал монах Телемах из Малой Азии. Возмущенные тем, что их пытаются лишить любимого зрелища, люди на трибунах завязали драку, в которой Телемах погиб. Потрясенный этой смертью Гонорий запретил впредь устраивать в Риме плохо увязывавшиеся с официальной государственной идеологией гладиаторские бои, но, даже если бы этот запрет не состоялся, уже нельзя было и думать о дорогостоящих играх. Целая

волна бедствий обрушилась на Рим: несколько разрушительных землетрясений и три варварских нашествия. К концу V века население города сократилось в десять раз, и он находился в страшном упадке. Теперь было уже не до роскошных представлений, ставших далеким прошлым. Впрочем, та часть обычной зрелищной программы, которая была связана с травлей зверей, продержалась в пределах ранее единой империи еще несколько десятилетий, поскольку отношение общества к «охотам» было достаточно терпимым. Последние выступления венаторов в уже начавшем разрушаться Колизее состоялись в 523 году при остготском короле Теодорихе¹⁸.

Глава 3 На пути к арене: обучение ремеслу гладиатора

Выход гладиаторов на арену был лишь финалом долгой и тщательной подготовки профессиональных бойцов, которая велась сначала частными лицами, а позднее и на средства римских императоров. Людей, для которых содержание и обучение гладиаторов было профессией и единственным источником средств к существованию, называли ланистами (термин, производный от того же корня, что и *lanius* — «мясник»). Такой человек считался запятанным, а занятие его — постыдным, и занимать какие-либо государственные должности он не мог. Ланиста на свой страх и риск скупал и опытных гладиаторов, и молодых рабов с подходящими физическими данными. Видимо, предпочтение отдавалось тем, кто превышал средний рост римлян, составлявший около 165 сантиметров¹⁹. Иногда в гладиаторскую школу (*ludus*) отправляли преступников, и только смертная казнь была для них страшнее. Если по прошествии трех лет осужденный оставался жив, его освобождали от выступлений в амфитеатре, но он должен был еще два года прожить в шко-

на пути к арене: обучение ремеслу гладиатора — 47

ле, после чего получал уже полное освобождение. Пополняли ряды гладиаторов и военнопленные, например, император Тит после взятия Иерусалима часть евреев распределил между школами при амфитеатрах. Кроме того, любой хозяин мог отправить своего раба в гладиаторы за любую провинность или без вины. Только Адриан ограничил этот произвол тем, что теперь требовалось согласие самого раба, если, конечно, он не совершил преступление, за которое полагалось наказание гладиаторской школой (Ael. Spart. Hadr. 18). Порой попадали туда и свободные люди, привлеченные либо даровым кровом, готовой едой и надеждой на сытую жизнь в будущем, либо возможностью обогатиться, а также стремящиеся к блестящим победам и опьяняющей славе. Именно последним обстоятельством можно объяснить появление целого ряда законодательных актов I века до н. э. — I века н. э., касающихся участия римских граждан в гладиаторских боях. Еще в 38 году до н. э. был принят закон, запрещавший сенаторам, а потом и всадникам выступать на арене в качестве гладиаторов, но он слишком часто нарушался. Император Тиберий для исправления нравов общества по этой причине осудил на изгнание многих распутных юношей из высших сословий. Особого успеха такие карательные меры не возымели, и в 69 году н. э. вышел указ императора Вителлия, строжайше запрещающий «римским всадникам позорить себя участием в гладиаторских боях». Сообщающий об этом Тацит добавляет, делая небольшой экскурс в недавнее прошлое: «При прежних принцепсах их склоняли к этому деньгами, а чаще силой; многие муниципии и колонии наперебой старались подкупить наиболее развращенных из своих молодых людей, чтобы сделать их гладиаторами» (Tac. Hist. II. 62). Позднее в одном из своих трактатов Тертуллиан неодобрительно восклицал: «Сколько бездельников тщеславие побудило взяться за ремесло гладиатора, а некоторые из тщеславия даже участвуют в звериных травлях и считают, что шрамы от когтей и зубов сделают их привлекательнее» (Tert. Ad marty. 5).

Могли быть и другие причины: одним из любимых упражнений в риторских школах были сочинения на тему о благо-

родном юноше, который, жертвуя честью и добрым именем, нанимался в гладиаторы за деньги, чтобы предать погребению отцовский прах или помочь другу. В действительности подобные случаи встречались относительно редко, поскольку, по крайней мере в Италии, законодательство ставило перед таким человеком ряд препятствий, которые заставили бы его передумать. Доброволец должен был объявить народному трибуну свое имя, возраст и получаемую сумму, но тот мог не согласиться на заключение сделки, если считал его негодным для такого ремесла по возрасту или состоянию здоровья (Iuv. 11. 5–8). При этом сумма, за которую человек продавал свою жизнь и свободу, была достаточно скромной: по закону не больше 2 тыс. сестерциев. Столько же стоил раб, не обученный никакому ремеслу. Такие волонтеры составляли примерно пятую часть всего населения гладиаторской казармы²⁰. Фактически они становились «юридически мертвыми» и давали официальную клятву в том, что на срок действия договора их можно «жесть, заковывать в цепи, сечь и убивать железом». Платой за каждое выступление становились все те же две тысячи сестерциев. В случае продления договора гонорар увеличивался сразу в шесть раз. С другой стороны, чтобы немедленно разорвать контракт, требовалось заплатить немалый выкуп. Отличительной чертой свободных гладиаторов было обязательное упоминание в связи с ними родового имени, например, Тит Клавдий Фирм, тогда как рабов обозначали просто по именам. Иногда и те, и другие скрывались за псевдонимами, обычно имевшими отношение к птицам (Голубь), животным (Лев, Тигр), мифологическим персонажам (Гермес, Геркулес, Ахиллес) либо к характеристике конкретного человека (Непобежденный, Отважный).

Любой ланиста, практиковавший продажу гладиаторов организаторам игр или сдачу их в наем, имел вполне реальную возможность прилично заработать. В переписке Цицерона упоминается, что его друг Аттик, никогда не упускавший случая нажиться, как-то раз купил хорошо обученный отряд гладиаторов. Это приобретение вызвало полное одобрение знаменитого оратора. Со знанием дела он писал, что если отдать гладиаторов в наем, то уже после двух выступле-

ний можно полностью вернуть свои деньги (Cic. Epist. IV. 4a. 2). Для знатного человека такая коммерческая операция ничуть не считалась позорной, ведь для него это был всего лишь побочный источник дохода. В поисках заказчиков хозяин группы гладиаторов мог переезжать с ними с места на место, подобно бродячему цирку, давая по пути представления, неизменно приносившие хорошую прибыль. Обойтись без его услуг не могли ни городские магистраты, ни частные лица, дававшие игры. Для понимавших толк в этом деле таким образом открывался путь к быстрому обогащению, которое, впрочем, не вызывало уважения в глазах других людей.

Но прежде чем приносить доход, гладиаторы должны были пройти определенный курс обучения. Первые гладиаторские школы появились на юге Италии, в Кампании, с ее прекрасным здоровым климатом. Нередко им покровительствовали или содержали их богатые и влиятельные люди, заинтересованные в том, чтобы в случае необходимости получить поддержку отряда опытных бойцов. В этой ситуации ланиста выступал в роли управляющего заведением. Иногда ему отдавали в науку своих рабов несколько хозяев: у некоего Сальвия Капитона их обучалось девятнадцать человек, и только один был его собственностью, остальные принадлежали разным людям (CIL. IX. 465–466). Мы знаем, что Юлий Цезарь имел школу гладиаторов в Капуе, а в судьбоносную ночь накануне перехода через Рубикон он занимался не чем иным, как обсуждением плана здания другой школы — в Равенне, которая в итоге и была построена в короткие сроки. Из его писем следует, что он уделял обучению все большее количество принадлежавших ему гладиаторов постоянное внимание. Некоторые молодые бойцы получали необходимые навыки в домах римских всадников и даже сенаторов, хорошо владевших оружием и часто лично руководивших занятиями (Suet. Caes. 26. 3). В первые века нашей эры лучшие школы гладиаторов в столице и других городах могли принадлежать только императорам. Среди их выпускников особой известностью пользовались те, кого называли юлианцами и неронианцами — это означало, что они прошли подготовку в школах, основанных Юлием Цезарем и Нероном.

Для начала новичков, оказавшихся в школе, как и молодых легионеров в армии, приучали к суровой дисциплине и заставляли в ходе изматывающих тренировок выполнять определенные упражнения. Им выдавали сплетенные из прутьев закругленные щиты и палки или деревянные мечи двойного веса по отношению к обыкновенным, чтобы, получив настоящее, более легкое оружие, они сражались спокойнее и быстрее. Такие упражнения формировали сильные руки и плечи. Плиний Старший, рассказывая о проявлениях необычайной силы, писал, что «имевший тощее тело, но необыкновенную силу Тристан, славившийся владением самнитским оружием в боях гладиаторов, и его сын, воин Помпея Великого, обладали мышцами, идущими вдоль и поперек, крест-накрест, по всему телу, на плечах и на руках» (Plin. Nat. Hist. VII. 81–82).

Затем начиналась отработка приемов владения мечом на деревянных чучелах высотой в человеческий рост. Как заметил Вегетий в своем трактате «Краткое изложение военного дела», «никогда еще ни на песке арены, ни на поле битвы никто не оказывался непобедимым воином, если он со всем прилежанием не упражнялся и не учился искусству на чучелах...» (Veget. I. 11). Процесс этот он описывает следующим образом: новичок, нападая на чучело, «...старается поразить его в голову и лицо, то грозит его бокам, то, нападая на голени, старается подрезать ему подколенки, отступает, насакивает, бросается на него... При этих предварительных упражнениях всегда особенное внимание обращалось на то, чтобы новобранец, стремясь нанести рану, сам не открывал ни одной части своего тела и не подставлял ее для удара. Кроме того, они учились бить так, что не рубили, а кололи... Удар рубящий, с какой бы силой он ни падал, не часто бывает смертельным, так как жизненно важные части тела защищены и оружием, и костями; наоборот, при колющем ударе достаточно вонзить меч на два дюйма, чтобы рана оказалась смертельной, но при этом необходимо, чтобы то, чем пронзают, вошло в жизненно важные органы. Затем, когда наносится рубящий удар, обнажаются правая рука и правый бок; колющий удар наносится

при прикрытом теле и ранит врага раньше, чем тот успеет заметить» (Veget. I. 11–12).

После приобретения первых необходимых навыков их совершенствованием занимался более опытный боец. На показательных поединках, где требовалось, несмотря ни на что, сохранять самообладание и строжайшую дисциплину, тщательно разбирались ошибки и промахи учеников. В любом случае до их первого выхода на арену обычно должно было пройти не менее года. Несколько удачно проведенных выступлений уже давали право перейти в категорию «ветеранов», которых в соответствии с их силой и умением разделяли на пять рангов (палусов). В эпитафиях родные или друзья никогда не забывали упомянуть, что умерший был гладиатором высших первого или второго ранга. При жизни это повышало его рыночную стоимость, которая определялась подробными записями по каждому бойцу. В тексте закона 177 года указаны предельные цены на гладиаторов, проставленные в сестерциях. Для начала он предусматривал, чтобы на каждом представлении не менее половины от общего числа участников составляли рядовые гладиаторы стоимостью от одной до двух тысяч сестерциев. Такие монеты из аурихалка (латуни) были основной расчетной единицей Римской империи. Одна золотая монета (ауреус) весом 8,19 грамма разменивалась на двадцать пять серебряных денариев или на сто сестерциев. Много это или мало? Для сравнения можно привести такие цифры: пятисот сестерциев крестьянской семье вполне хватало, чтобы прокормиться в течение года.

Опытные бойцы в зависимости от разряда ценились дорого: от трех до пятнадцати тысяч сестерциев. И все же разница в их стоимости была не слишком большой, особенно если сравнить гонорары современных футбольных звезд и рядовых спортсменов. Сами выступления гладиаторов в провинциальных амфитеатрах в отношении цены делились на пять категорий: от тридцати до двухсот тысяч сестерциев. Столичные представления требовали, конечно, большего вложения денег. Например, будущий император Адриан, заняв должность претора, потратил на игры два миллиона сестерциев (Ael. Spart. Hadr. III. 8). Правда, в эту сумму, очевидно, вош-

ли затраты на приобретение животных и подарки зрителям. Возвращаясь к провинциальным представлениям, отметим, что даже при максимальной стоимости игр на них могли выступить в поединках не более 40 бойцов, то есть они были сравнительно небольшими.

Если в дальнейшем хорошо обученный гладиатор, демонстрируя на многих играх свои храбрость и ловкость, презрение к боли и смерти, завоевывал расположение народа, то по требованию публики он мог получить свободу, символом которой служил специальный деревянный меч — рудис. Эти способные «завести толпу» люди вызывали всеобщий интерес и восхищение повсюду — от рыночной площади до императорского двора. Юноши из знатных семейств приходили учиться у них фехтованию, да и сами императоры нередко посещали гладиаторские школы. Порой, подвергая себя опасности насмешек, в гладиаторов влюблялись женщины из высшего общества, увлеченные их силой и славой, даже если они не блистали особой красотой. Причем этой страсти нередко отдавались не юные девушки, а вполне зрелые матроны, такие как Эппия, жена сенатора, в одной из сатир Ювенала (Iuv. VI. 103—112):

Что за краса зажгла, что за юность пленила Эппию?
 Что увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?
 Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
 Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
 А на лице у него уж немало следов безобразных:
 Шлемом натертый желвак, огромный по самому носу,
 Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
 Все ж гладиатор он, и стало быть схож с Гиацинтом.
 Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
 Лучше, чем муж: ведь с оружием он!

В последней строке Ювенал имел в виду и некий вполне очевидный для римского читателя эротический подтекст, ведь использованное в оригинале латинское слово «*fegum*» (железо) имело и другое значение — «меч». Таким образом, гладиус был синонимом пениса, поскольку ножны меча назывались *vagina*. Конечно, Эппия вымышленный персонаж,

но для Рима ее история была вполне реальным явлением. Достаточно вспомнить Фаустину, жену Марка Аврелия, которая, по одной из версий, родила будущего императора Коммода от простого гладиатора. Судя по надписям из Помпей, обитатели гладиаторских казарм пользовались не меньшей популярностью, чем современные спортсмены, киноактеры или музыканты: все знают их имена, карьеру, обсуждают подробности поединков на арене и рисуют их на стенах домов. И все-таки можно было восхищаться гладиаторами и в то же время глубоко презирать их ремесло. Выражая именно такого рода устоявшееся мнение, Ювенал считал гладиаторскую школу последней степенью человеческого падения. Когда хотели утешить человека, потерявшего сына, то говорили, что его ожидало неопределенное и, может быть, мрачное будущее: а вдруг он стал бы гладиатором?²¹ Это бросающееся в глаза противоречие подчеркивал Тертуллиан, когда писал: «Устроители и распорядители игр наказывают бесчестьем и лишением прав тех самых возниц, актеров, атлетов, гладиаторов, которым зрители отдают свои симпатии, а зрительницы, сверх того, и тело, рискуя погубить свое доброе имя и репутацию: им закрыт доступ в Курию и на Ростры, в сенаторское и всадническое сословие, к каким-либо почетным должностям и наградам. Какое извращение! Они любят тех, которых наказывают; презирают тех, кого одобряют; хвалят исполнение, а исполнителя позорят» (Tertul. De spect. 22).

Любой человек, попавший в гладиаторскую школу, обрекал себя на суровую жизнь, постоянно балансируя на грани смерти. Провинившиеся попадали в карцер, за серьезные проступки их беспощадно наказывали. Большинство гладиаторов терпели такой порядок вещей, ведь за попытку побега в назидательных целях полагалось распятие на кресте, но в отдельных случаях людьми полностью овладевала мысль о самоубийстве. Как правило, это касалось непрофессионалов, скажем, осужденных на смерть преступников. Так, взятые в плен участники второго восстания рабов на Сицилии в 104—101 годах до н. э., не желая выступать на арене, перебили друг друга (Diod. Sic. XXXVI). Сенека сохранил рассказ о гладиаторе, который на пути к амфитеатру, где должно

было состояться венацио, сломал шею, засунув голову между спиц вращавшегося колеса. Другой нанес себе смертельный удар, вонзив в горло острую шепку, а один германец закончил счеты с жизнью, засунув в горло губку из уборной, которую использовали в тех же целях, что и современную туалетную бумагу. В какой-то мере чувства человека, испытывавшего страх перед ареной, передает сохранившийся отрывок из риторического упражнения о юноше, случайно попавшем в гладиаторскую школу: «И вот наступил этот день. Публика уже собралась на спектакль, чтобы взглянуть на наши страдания, и люди, обреченные на верную смерть, вышли на арену амфитеатра, образуя процессию в преддверии собственных похорон. Устроитель спектакля, который надеялся снискать себе популярность за счет нашей невинной крови, опустил на свое место... Наставник был невысокого мнения обо мне, и я, несомненно, считался уже покойником. В ожидании своего выхода на арену я с ужасом озирался. Один человек точил меч, другой — нагревал полоски металла (для проверки, не симулирована ли смерть? — В. Г.), третий возился с кнутами, видимо, приготовленными для травли зверей... Трубы заливались от радости, предвкушая мою погибель, появились носилки, чтобы выносить с арены убитых, — меня ждал неотвратимый конец»²².

В научно-популярной литературе часто встречается мнение о том, что гладиаторские игры в ходе представления превращались в какую-то «кровавую баню». Возьмем для примера такие строки: «Со шемящей ясностью можно представить себе, что творится на арене; от этих ручьев крови, от этих сотен трупов становится физически плохо»²³. Пожалуй, это справедливо только по отношению к порой неуклюжим массовым сражениям, в которых заставляли принимать участие осужденных на смерть преступников или военнопленных, недавних врагов Рима. Это была своего рода разновидность массовой казни, где никто, собственно, и не стремился «отпустить» победителей. Для таких бойцов, в подготовку и экипировку которых не было вложено почти никаких средств, существовал особый термин — грегари. Именно о них Сенека писал: «Все прежнее было не боем, а сплошным мило-

сердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет?.. Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень — зрителям. Это они велят убитым идти под удар тех, кто убьет их, а победителей щадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так пока не опустеет арена... Бичи гонят их на меч, чтобы голой грудью встречали противники удар. В представлении перерыв? Так пусть тем временем убивают людей, лишь бы что-нибудь происходило» (Sen. Epist. VII. 3–4).

В отличие от грегариев смерть гладиаторов, обладавших большим опытом выступлений на арене, была слишком дорогим удовольствием. К тому же каждый тип гладиаторов, очевидно, имел широкий круг «фанатов», активно выступавших в защиту своих любимцев, если их выход заканчивался случайным поражением. Не избежали этого увлечения и многие императоры. Светоний сообщает, что Калигула покровительствовал фракийцам и даже убавил вооружение их обычным противникам — мирмиллонам, «а когда один из них, по прозвищу Голубь, одержал победу и был лишь слегка ранен, он положил ему в рану яд и с тех пор называл этот яд “голубиным”» (Suet. Cal. 55. 2). Тит, не скрываясь, также объявил себя «поклонником гладиаторов-фракийцев, из-за этого пристрастия нередко перешучивался с народом и словами и знаками, однако никогда не терял величия и чувства меры» (Suet. Tit. 8. 2). Совсем по-другому вел себя, достигнув императорского достоинства, младший брат Тита — Домициан. Он открыто «болел» за мирмиллонов и, услышав однажды слова уважаемого человека, отца семейства, который сказал, что гладиатор-фракиец не уступит противнику, а уступит распорядителю игр (то есть фракиец уступит мирмиллону не потому, что он слабее, а потому, что мирмиллонов император любит больше. — В. Г.), он приказал вытащить его на арену и бросить собакам, выставив надпись: «Щито-

носец (еще одно название фракийцев. — *В. Г.*) — за дерзкий язык» (Suet. Domit. 10. 1). Видимо, не избежал этого увлечения и император Адриан, который нередко упражнялся с гладиаторским оружием и сам часто смотрел на гладиаторские бои (Ael. Spart. Hadr. XIV. 10; XIX. 8). Еще один высокопоставленный «болельщик» — император Коммод — покровительствовал секторам.

В данном случае рассуждать на тему о «падении римских нравов» с позиций сегодняшнего дня бессмысленно. Видимо, индустрия гладиаторских игр в Риме была настолько отработана, что практически невозможно было сопротивляться всеобщему опьянению захватывающим зрелищем, которое действовало как наркотик. То, что происходило две тысячи лет назад на арене амфитеатра, увлекало порой даже людей изначально добродетельных. В этом отношении показательна история, рассказанная одним из так называемых отцов церкви Августином (354—430) в сочинении под названием «Исповедь». Среди его учеников был некто Алипий, в характере которого отмечались «врожденные задатки ко всему доброму». Он отправился в Рим изучать право, и там захватила его невероятная страсть к гладиаторским играм, хотя сначала подобные зрелища были ему отвратительны и ненавистны. «Однажды он случайно встретился по дороге со своими друзьями и соучениками, возвращавшимися с обеда, и они, несмотря на его резкий отказ и сопротивление, с ласковым насилием увлекли его в амфитеатр. Это были как раз дни жестоких и смертоубийственных игр. “Если вы тащите мое тело в это место и там его усадите, — сказал Алипий, — то неужели вы можете заставить меня впитаться душой и глазами в это зрелище? Я буду присутствовать, отсутствуя, и таким образом одержу победу и над ним, и над вами”. Услышав это, они тем не менее повели его с собой, может быть, желая как раз испытать, сможет ли он сдержать свои слова. Придя, они расселись, где смогли; все вокруг кипело свирепым наслаждением. Он, сомкнув глаза свои, запретил душе броситься в эту бездну зла; о, если бы заткнул он и уши! При каком-то случае боя, потрясенный неистовым воплем всего народа и побежденный любопытством, он открыл глаза, готовый как будто пре-

небредить любым зрелищем, какое бы ему ни представилось. И душа его была поражена раной более тяжелой, чем тело гладиатора, на которого он захотел посмотреть... Как только увидел он эту кровь, он упился свирепостью; он не отвернулся, а глядел, не отводя глаз; он неистовствовал, не замечая того; наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Он был уже не тем человеком, который пришел, а одним из толпы, к которой пришел, настоящим товарищем тех, кто его привел. Чего больше? Он смотрел, кричал, горел и унес с собой безумное желание, гнавшее его обратно. Теперь он не только ходил с теми, кто первоначально увлек его за собой: он опережал их и влек за собой других» (Aug. Conf. VI. 8. 12—13).

А собственно как часто поединок на арене завершался кровавым финалом и какие шансы выжить были у гладиатора во времена Римской империи? Это во многом зависело от степени его профессионализма и отношения публики к побежденным, ведь по правилам, установленным Августом, бои с установкой на смерть одного из участников надолго попали под запрет. Потерпевший поражение, если рана не была смертельна, имел право просить пощады у народа. Исполнение этой просьбы называлось *missio*. Случалось, что противники оказывались равны по силе и ловкости, тогда опять могли вмешаться зрители и потребовать, чтобы оба бойца были отпущены. О них говорилось, что они *stantes missi*, то есть избавлены от смерти, когда еще стояли на ногах и могли продолжать бой. В таком финале не было позора поражения. Между тем преступников, осужденных на смерть, если они выступали в роли гладиаторов, помиловать было нельзя.

Результаты ста поединков I века н. э., проанализированные французским ученым Ж. Виллем, дали следующую картину: шансы остаться в живых, выйдя на арену, примерно 9:1, у проигравшего — 4:1²⁴. Получается, что в тот период помилование фактически было обычным явлением. Кроме того, при подборе сражающихся пар учитывался опыт участников: запрещалось выставлять ветерана против новичка. Об одном из отступлений от правил рассказывают помпейские граффити. Речь идет о подвигах некоего Марка Аттилы, ко-

торый, будучи дебютантом, в вооружении мирмиллона сразился с профессионалом, четырнадцатикратным победителем на арене, и заставил его просить пощады. История повторилась через некоторое время с двенадцатикратным победителем Луцием Феликсом. Спустя двести лет, видимо, как реакция на сокращение числа выступлений, жестокие нравы снова возобладали. Шансы сохранить жизнь в ходе боя снизились до 3:1, а для проигравших составили и вовсе в лучшем случае 1:1.

Известных гладиаторов, расставшихся с жизнью на арене, хоронили согласно римским традициям, с соблюдением всех необходимых религиозных обрядов. О судьбе и жизненном пути многих из прославленных профессиональных бойцов мы знаем по надгробным стелам с пространными эпитафиями. Обычно в них отмечали обладание одной или несколькими победными пальмовыми ветвями. Часто там излагалась вся «боевая биография», например, «сражался 34 раза; одержал 21 победу, 9 раз “был отпущен стоящим на ногах”, 4 раза помилован». Другими наградами могли быть лавровый венок, ожерелье (торквес) или почетное копье (гаста).

О чем умалчивали надгробные надписи, так это о полагавшихся за победы приличных денежных суммах, считавшихся личной собственностью гладиатора даже в том случае, если он был рабом. Другое дело, что величина их зависела от статуса участника игр: получит ли он деньги в размере не более одной пятой (раб) или одной четвертой (волонтер) своей рыночной стоимости. Иногда деньги подносили на дорогих подносах, которые тоже шли в дар победителю. Особой щедрости можно было ждать только от императора. Так, однажды Нерон одарил мирмиллона Спикула домами и землями (Suet. Ner. 30). Самой дорогой, в полном смысле этого слова, и редкой наградой являлся деревянный меч (рудис), дававшийся по требованию публики за великолепное зрелище и доставленное удовольствие или за неоднократные победы после трех лет выступлений на арене. Этот меч означал свободу, и в таком случае эдитор (организатор) игр должен был возместить ланисте полную стоимость гладиатора. Рудиарий чаще всего оставался при гладиаторской школе как

учитель фехтования или устраивался на такую же должность в какой-нибудь богатый дом. Бывало, эти профессионалы вновь нанимались для игр, но уже за большую плату и именовались тогда «ауктораты» (Suet. Tib. 7).

Средняя продолжительность жизни гладиатора, при том, что обычно он выступал на арене два-три раза в год, безусловно, отличалась от соответствующего показателя для простого римлянина. Если взять в качестве точки отсчета возраст семнадцать лет, в котором большая часть молодых людей попадала в гладиаторскую школу, то римский гражданин имел все шансы прожить еще лет тридцать, а они в лучшем случае десять. Конечно, не всем удавалось достигнуть и этого возрастного предела. В надписях, связанных с гладиаторами, обычно указывали имя, тип вооружения, родину, число поединков и годы жизни. Как правило, они скупы на выражение чувств, например «Македону, фракийцу, новобранцу из Александрии, весь отряд фракийцев. Жил 20 лет, 8 месяцев, 12 дней» или «Юлий Балериан, ретиарий, хорошо прожил 20 лет, умер в свой день рождения. Хороший, любимый товарищ, друг до гроба». Гладиатор Главкон закончил свою карьеру на восьмом поединке, когда ему было двадцать три года. Жена по имени Аврелия и «те, кто любил его», поставили памятник, на котором, судя по всему, приведены последние сказанные им слова: «Мой совет: найди себе собственную звезду. Не доверяй Немезиде. Она обманула меня». Надгробная надпись из Флоренции рассказывает о гладиаторе, который после тринадцати выступлений на арене погиб в возрасте 22 лет, оставив жену и двоих детей, а товарищам напоследок дал еще один практический совет: «Убивай каждого, кого бы ни победил».

Надо сказать, что многие из профессиональных гладиаторов были женатыми людьми и имели детей. Их семьи, как правило, разделяли все тяготы казарменной жизни, часто связанной с переездами из одного города в другой. Например, одна эпитафия гласит, что погребенный был воспитанником школы в Аквилее, потом начал выступать в соседних провинциальных амфитеатрах, а нашел свою смерть в Далмации, решив померяться силами с гладиаторами школы

в Спалато (совр. Сплит). В коллекции Эрмитажа есть мраморное надгробие гладиатора, также погибшего во время выездного тура:

Путник, здесь я лежу
Мирмиллон, прославивший Смирну,
Пав, пораженный насмерть в кулачном бою с Гиаканфом.
Дравшись одиннадцать раз,
Никогда я не знал поражения, —
Мойры ж меня погубили: так предназначено было.
Здесь, во фракийской земле
Адрианополитов лежу я.

Из довольно пространной надписи ясно, что этот гладиатор специализировался сразу в двух видах состязаний.

Редко кто проявлял такое благоразумие, как ретиарий Венян, который сразу после освобождения посвятил свои сеть и трезубец в храм, а на заработанные деньги купил поместье, где и умер в собственной постели спустя много лет. Например, удачливый боец по имени Фламма из Сирии за тридцать лет своей жизни участвовал в тридцати восьми поединках, из которых четыре проиграл, но получил *missio*. В описании его судьбы цифра «4» фигурирует еще один раз. Четырежды Фламме вручали деревянный меч как символ освобождения, но он снова и снова возвращался на арену, пока не погиб в схватке. Таким людям нравилось показывать во всем блеске свою отвагу, ловкость, мастерство и хладнокровие. Сенека вспоминал мирмиллона Триумфа, недовольного тем, что при императоре Тиберии редки гладиаторские игры и зря пропадают лучшие годы. Младший современник Сенеки философ-стоик Эпиктет (ок. 50–120 н. э.) в своих беседах упомянул, как императорские гладиаторы жаловались, что слишком редко принимают участие в поединках, и «молили бога и наставников, чтобы им чаще предоставляли возможность показать себя в деле». Видимо, ветераны чувствовали себя на арене достаточно уверенно. В описании боев одного гладиатора из Кампании отмечено, что, выступая в пределах этой области, он за четыре дня провел двадцать два поединка с лучшими местными бойцами²⁵.

Своего рода гладиаторскую элиту готовили четыре существовавшие в Риме императорские школы. Одну из них, так называемую «Большую школу», итальянские археологи обнаружили рядом с Колизеем, куда можно было пройти по подземному переходу. Она вполне оправдывала свое название, так как ежегодно здесь обучались ремеслу гладиаторов сотни молодых людей. Построенное из кирпича здание, по всей вероятности, насчитывало в высоту три этажа. В центре этого комплекса находился огромный двор с портиком и четырьмя фонтанами по углам. В него был встроен небольшой амфитеатр, на девяти рядах сидений которого могло разместиться до 1200 зрителей. Когда наступал момент выхода на арену Колизея, она уже не пугала обучавшегося здесь гладиатора своим непривычным видом. На северной и южной сторонах учебного амфитеатра располагались трибуны для императора или особо почетных гостей. На перпендикулярной оси находились два входа, ведущие на арену. В каморках-кубукулах по другим сторонам здания, как считается, могло разместиться одновременно до тысячи гладиаторов. Это здание оказалось обозначено на обнаруженных при раскопках фрагментах карты Рима, высеченной на мраморной плите во времена императора Септимия Севера.

Другие столичные гладиаторские школы отличались конкретной специализацией. В Утренней школе, называвшейся так соответственно времени выступлений, готовили будущих «звероборцев»: бестиариев и венаторов. Последних учили умело действовать копьем, рогатиной или широким и коротким кинжалом — ведь их жизнь постоянно зависела от меткого глаза и твердой руки. Хорошо обученный венатор порой легко справлялся со своими страшными противниками, например, молодой Карпофор убил за один день 20 зверей и был прославлен за это поэтом Марциалом в следующих стихах:

Высшая честь, Мелеагр, которой ты славен в преданье,
Для Карпофора — пустяк: трудно ли вепря убить?
Он на рогатину взял и медведя в стремительном беге,
Что под арктическим был небом сильнее всех зверей;

Он ведь и льва поразил невиданных раньше размеров,
 Что Геркулесовой мог быть бы достоин руки;
 Он и пантере нанес быстролетной смертельную рану —
 Подвигов столько свершив, был он по-прежнему бодр.

(*Mart. Spect. 15*)

Иногда «охотникам» помогали сильные, хорошо выдрессированные собаки. Тот же Марциал посвятил отдельные стихи собаке Лидии, «обученной в амфитеатре» и погибшей «славною смертью» на арене от «молниеносного удара» дикого кабана. Специализированные школы профессиональных венаторов существовали во II—III веках и в Африке, где звериные травли были особенно популярны.

Еще одна императорская школа — Галльская — готовила мирмиллонов, а в Дакийской, по крайней мере на первых порах, обучали кровавому ремеслу пленников, захваченных в войнах с даками. Гладиаторы из этих школ выступали не только на играх, устраиваемых императором. Он мог продать их или отдать внаем и таким образом получить хороший доход для казны.

Сохранились надписи, позволяющие судить об организационной стороне деятельности такого рода заведений. Во главе каждой школы стояли прокуратор с помощником, в прошлом люди военные или из числа чиновников финансового ведомства. Это были выгодные должности, ведь устроители игр от лица императора могли рассчитывать на заработки не менее 200 тысяч сестерциев в год. Для сравнения: годовое жалованье императорского прокуратора в провинции составляло 60 тысяч сестерциев.

При школе состоял целый штат служащих: хозяйством занимался вилик, учетом доходов и расходов ведал диспенсатор, арсеналом — препозит; мертвецкой, куда попадали убитые или умершие гладиаторы, — куратор. При школе была особая мастерская по изготовлению и починке доспехов (саммирий). Как правило, гладиаторов определенного типа готовили особые мастера фехтования из числа императорских рабов или вольноотпущенников. Иногда среди них встречались специалисты сразу по двум-трем видам вооружения и технике ведения боя.

Особое внимание уделялось поддержанию хорошей физической формы гладиаторов. Об этом заботились опытные массажисты и лекари, так как гладиаторы стоили дорого, и их владельцы были заинтересованы в том, чтобы они выступали на арене долго и наиболее эффектно. Ведь больные и изможденные бойцы никогда бы не смогли привлечь внимание публики. Нередко к их услугам были врачи достаточно высокого уровня, например, знаменитый Гален (ок. 130—200 н. э.), в 28 лет получивший соответствующую должность при гладиаторской школе в Пергаме. Ее питомцы выступали в местном амфитеатре, вмещавшем до 20 тысяч зрителей. Позднее, сделав блестящую карьеру при императорском дворе, Гален не без гордости вспоминал, что при нем за четыре года «ни один гладиатор не умер от ран, хотя раньше смертей было очень много». В его многочисленных сочинениях чувствуется знакомство с теми проблемами, которые возникали в процессе первоначальной профессиональной деятельности, в частности, по поводу вправления кишок в рану, ранений рук и ног.

Следы тщательного лечения выявлены при анализе недавно обнаруженных в Эфесе неподалеку от театра костных останков шестидесяти восьми гладиаторов. В основном здесь обнаружены погребения людей крепкого телосложения ростом до 1,85 метра, в возрасте от 20 до 30 лет. Единственное захоронение человека постарше, около 50 лет, находилось в центре местного некрополя. С ним связано надгробие, поставленное двумя молодыми гладиаторами в память о своем учителе Евксене. При изучении найденных скелетов со следами избыточной физической нагрузки выяснилось, что многие из них имели при жизни отлично вылеченные легкие ранения и даже серьезные травмы, тем не менее не повлекшие за собой летального исхода. Прежде всего это касается следов от ударов трезубцем по голове и, в одном случае, ампутации ноги, что потребовало хирургического вмешательства.

Довольно часто в качестве классического образца провинциальной гладиаторской школы рассматривается постройка, открытая в Помпеях, но это является заблуждением. Настоящая школа была разрушена землетрясением 62 года, и под

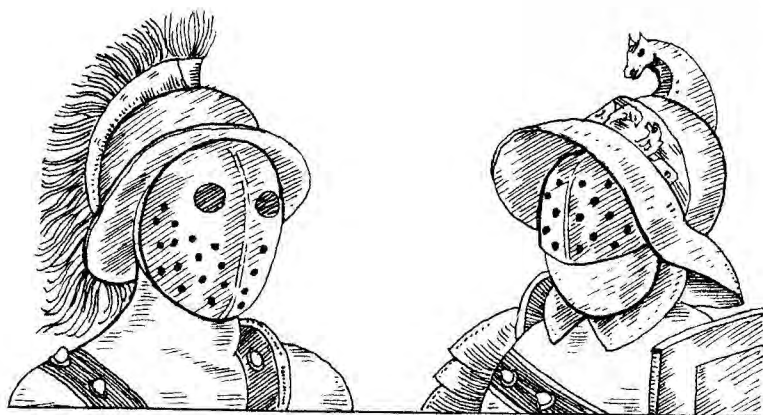
нее наскоро переоборудовали расположенный близ местного театра четырехсторонний портик дорического ордера, первоначально предназначавшийся для прогулок зрителей в антрактах между представлениями²⁶. В результате монументальный вход был замурован, а находившийся в центре постройки большой прямоугольный двор размерами 55 на 44 метра стал использоваться для тренировок. Колоннаду портика дополнили жилые помещения в два этажа, освещавшиеся через двери. На втором этаже находились комнаты ланисты, огромная столовая с фреской, представляющей Марса, Венеру и оружие гладиаторов, а также большая кухня с кладовой. Здесь готовилась обильная и сытная пища, главным образом из ячменной муки и бобов, считавшихся самыми полезными для физического развития тела. Судя по костям гладиаторов из Эфеса с необыкновенно высоким уровнем содержания стронция, значительную долю их рациона составляли овощи. Известно, что стронций гораздо лучше, чем кальций, способствует заживлению костной ткани, при этом прочность ее повышается. Это означает, что у гладиаторов были очень крепкие кости, способные вынести мощные удары на арене. Помимо прочего обильная растительная пища обеспечивала формирование плотной прослойки подкожного жира, служившего дополнительной защитой в случае проникающего ранения. В этом смысле многие художники-помпейисты были абсолютно правы, изображая грузные, слегка оплывшие торсы своих любимых персонажей. Действительно, все указывает на то, что они придерживались в основном вегетарианской диеты, приводившей, правда, к широкому распространению кариеса зубов.

Первый этаж в основном предназначался под низкие тесные каморки площадью около 4 квадратных метров, в каждой из которых размещалось на время сна не более двух человек. Там же могли храниться отдельные предметы защитного вооружения, например шлемы и поножи. Несколько больших размеров был карцер, имевший зарешеченные окна и настолько низкие потолки, что выпрямиться в полный рост было невозможно. Под слоем застывших лавы и пепла здесь обнаружили останки двух человек, прикован-

ных цепями к стене, и ножные колодки. Они представляли собой деревянный брус с прикрепленной к нему железной полосой и кольцами, в которые пропускалась металлическая штанга, наглухо закреплявшаяся тяжелыми замками. Даже несколько часов, проведенных в таком неудобном положении, вызывали мучительные ощущения в теле.

Выход из школы всегда находился под присмотром многочисленных охранников. Спокойно миновать его можно было только в день игр, когда местные обитатели отправлялись отсюда, чтобы убивать или быть убитыми. А что же можно сказать о чувствах самих людей, выходивших на арену амфитеатра? В какой-то мере соприкоснуться с миром их мыслей позволяют надписи на стенах казармы. Конечно, большей частью это просто имена, сопровождаемые указанием на число выступлений и побед, но иногда встречаются памятные записи, сплетни и непристойные шутки. Например, некий Флор отмечает, что 26 июля он одержал победу в Нуцерии, а 14 августа — в Геркулануме. Про фракийца Келада его товарищи по казарме написали, что он, «трижды увенчанный победой, заставляет трепетать девичьи сердца». В другой надписи «Кресцент, ретиарий, ночью ловит девиц в свою сеть». В связи с этим можно вспомнить распространенную в научно-популярной литературе трактовку находки в помпейской казарме останков богатой дамы в том смысле, что она пришла сюда в день катастрофы на любовное свидание. Правда, тогда непонятно, зачем она принесла очень дорогие вещи? Видимо, в действительности все было гораздо прозаичнее: «...как и другие застигнутые врасплох жители Помпей, эта женщина бежала из города, захватив с собой драгоценности, и попыталась переждать каменный дождь под крышей казарм, однако крыша не выдержала и вскоре рухнула. Так что это не поединок любви и смерти, а печальная история тщетной попытки убежать от разъяренной стихии»²⁷.

Глава 4 Типы гладиаторов и их вооружение

Какие же основные типы гладиаторов сложились к тому периоду, когда в 79 году помпейская казарма, раскопки которой дали лучшие из сохранившихся образцов их вооружения, оказалась погребенной под градом вулканических камней и пепла? Каковы были особенности их снаряжения, предполагавшие определенную технику боя? Сразу отметим, что в это время некоторые типы гладиаторов времен Поздней Республики, такие как самниты и галлы, олицетворявшие древних врагов Рима, давно канули в прошлое.

Относительно экипировки и вооружения гладиаторов первых веков нашей эры мнения исследователей часто не совпадают. В сохранившихся материалах наиболее легко определяется тип, именовавшийся «ретиарий» (от *лат.* rete «сеть»). Он был вооружен сетью диаметром около 3 метров, привязанной к запястью веревкой, большим трезубцем с толстой деревянной рукоятью (фусциной) и кинжалом. Из средств защиты у полуобнаженного ретиария были только крепившийся на левой руке многослойный стеганный наруч (маника) из ткани или кожи и пристегивавшийся к нему метал-

лический наплечник (галер), закрывавший отчасти и шею. Низ живота был прикрыт лишь матерчатой набедренной повязкой (сублигакул), которая представляла собой ярко окрашенный кусок ткани в форме равнобедренного треугольника со стороной около 1,2–1,5 метра. Два конца его завязывались спереди, третий пропусклся между ног через узел и свободно свисал спереди. Верхнюю часть повязки перекрывал пояс (балтеус) шириной до 8–12 сантиметров, на кожаной основе которого традиционно крепились бронзовые пластинки. В отдельных случаях ноги ниже колен защищали толстые стеганные обмотки (фасции) из множества слоев шерсти или льна, которые закрепляли с помощью кожаных ремешков.

Общий вес снаряжения ретиария составлял всего около 7–8 килограммов; отсутствие тяжелого вооружения делало его положение весьма непрестижным в глазах римлян, поскольку ретиарий постоянно находился в движении, давая повод для издевательских насмешек. Действительно, при отсутствии доспехов ему больше приходилось рассчитывать на свою скорость и проворство. Сражался он, как большей частью и все прочие гладиаторы, босым, что, очевидно, объясняется стремлением к лучшей устойчивости на песке арены во время поединка. Действительно, обувь гладиаторов на скульптурных изображениях и мозаиках мы видим достаточно редко. Впрочем, считается, что они могли надевать кожаные шнурованные полусапожки без подошвы²⁸.

Сеть ретиарий держал в хорошо защищенной левой руке, чтобы предотвратить во время броска возможность нанесения раны противником. Обычно им был тяжеловооруженный гладиатор — секутор. В случае удаи ретиарий стремился быстрее опутать и повалить его, а затем нанести решающий удар. Если сопернику удавалось завладеть сетью, ретиарий кинжалом перерезал веревку на запястье и высвобождался. Эта пара: ретиарий и секутор — напоминала зрителям поединки рыбака и рыбы. Это сравнение усиливалось, когда «рыбака» ставили на высокий помост, куда вели две узкие доски со ступеньками, и ретиарий должен был с помощью собранных в кучки камней защищать его от атаки сразу двух секуторов (букв.: «преследователей»). Что же до секуторов, то их

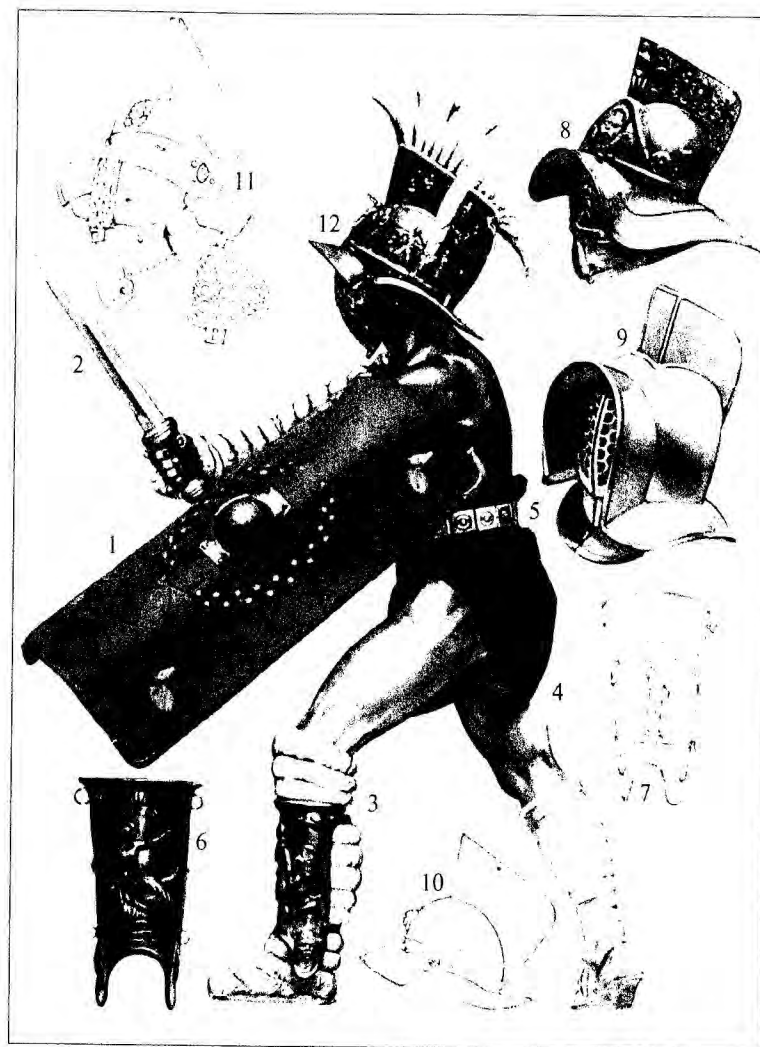

Ретиарий (по S. Wisdom):

- 1 — сеть; 2 — свинцовые грузики; 3 — действия ретиария в бою;
4 — длинная веревка сети; 5 — трезубец; 6 — галер;
7 — крепления галера; 8 — маника; 9 — медальон;
10 — головная повязка

вооружение включало шлем, прямоугольный щит (скутум), поножь на левой ноге, манику на правой руке и меч. Шлем обтекаемой формы имел чрезвычайно гладкую поверхность, небольшие, диаметром не более 3 сантиметров, отверстия для глаз и округлый гребень в виде плавника рыбы. Соответственно, зацепить его сетью или поразить трезубцем было чрезвычайно трудной задачей. Тактика секутора диаметрально отличалась от образа действий ретиария. Это практически тот же мирмиллон, но с усовершенствованной техникой нападения. Чтобы устранить преимущества противника, он стремился к ближнему бою, но предсказать его исход было невозможно. У Светония есть рассказ о том, как при Калигуле «пять гладиаторов-ретиариев в туниках бились против пяти секуторов, поддались без борьбы и уже ждали смерти, как вдруг один из побежденных схватил свой трезубец и перебил всех победителей» (Suet. Cal. 30. 3). То, что такой вариант развития поединка между ретиариями и секуторами вовсе не являлся исключительным событием, доказывает фрагмент рельефа III века с надгробного памятника ретиария на Аппиевой дороге. Здесь присутствуют изображения пяти соответствующих пар гладиаторов, причем ретиарии во всех случаях оказываются победителями. Судя по числу убиваемых секуторов, в данном случае представлен бой *sine missio*, то есть «без отпуска».

Предшественниками секуторов в их противостоянии ретиариям были мирмиллоны, по свидетельству лексикографа периода поздней Империи Феста, ранее именовавшиеся галлами. По мнению одних, галлы появились на арене после завоеваний Юлия Цезаря; согласно другой точке зрения — значительно раньше. В любом случае оба названия уже в I веке н. э. стали синонимами. Слово «мирмиллон» происходит либо от названия морской рыбы (*mormyllos*), которая изображалась на шлеме, либо от *murex* («морская улитка», «утес»), в обоих вариантах морская тематика налицо. Поединок гладиаторов именно этих типов, как наиболее характерный и впечатляющий, подробно описал Р. Джованьоли в первой главе своего романа «Спартак»: «Все затихло, и глаза зрителей устремились на двух гладиаторов, готовых к схват-

Мирмиллон (по S. Wisdom):

- 1 — скутум; 2 — гладиус; 3 — фасции; 4 — сублигакул;
5 — балтеус; 6 — поножь; 7 — поножь из Помпей;
8—11 — образцы бронзовых шлемов мирмиллонов
из европейских музеев; 12 — шлем с плюмажем

ке. Мирмиллон, галл по происхождению, белокурый, высокий, ловкий, сильный красавец, в одной руке держал *небольшой щит*, а в другой — широкий и короткий меч, на голове у него был шлем, увенчанный серебряной рыбой. Ретиарий, вооруженный *только* трезубцем и сетью, одетый в простую голубую тунуку, стоял в двадцати шагах от мирмиллона и, казалось, обдумывал, как лучше поймать его в сеть. Мирмиллон, подавшись корпусом вперед и опираясь на вытянутую левую ногу, держал меч почти опущенным к правому бедру, ожидая нападения. Внезапно, сделав огромный прыжок, ретиарий очутился в нескольких шагах от мирмиллона и с быстротой молнии бросил на противника сеть. Но тот отскочил и, пригнувшись к самой земле, увернулся от сети, затем ринулся на ретиария, который, поняв свой промах, пустился стремительно бежать. Мирмиллон бросился преследовать его, но ретиарий, более ловкий, описав полный круг, успел добежать до того места, где лежала сеть, и подобрал ее. Едва он выпрямился, как мирмиллон настиг его, и в тот миг, когда он готов был обрушить на ретиария страшный удар, тот повернулся и кинул на противника сеть, но мирмиллон на четвереньках отполз в сторону, быстрым прыжком вскочил на ноги, и ретиарий, уже направивший на него трезубец, только царапнул остриями по щиту галла...»²⁹ Как известно, в романе бой заканчивается смертью проигравшего схватку ретиария, но в действительности, как уже отмечалось, все могло быть иначе. У Валерия Максима, закончившего свой труд под названием «Достопамятные деяния и изречения» около 30 года, сохранился рассказ о поединке между ретиарием и мирмиллоном на гладиаторских играх в Сиракузах, когда именно ретиарий повалил своего противника и собирался добить его кинжалом (Val. Max. I. 7. 8). Даже потеряв сеть, трезубцем он мог нанести удары страшной силы в голову или ноги противника, поймать и выбить из рук клинок его меча или сильно надавить на край щита.

Мирмиллон сражался обнаженным по пояс, что давало возможность продемонстрировать публике мощный торс и игру мышц. Его защитное вооружение было представлено шлемом, маникой на правой руке, короткой поножью на

левой ногой и щитом-скутумом. Характерными чертами шлемов мирмиллонов были забрало, широкие поля и огромное украшенное плюмажем из перьев или конского волоса на вершине в форме плавника рыбы. Один из них, хранящийся в коллекции Берлинского музея, был даже посеребрен, подобно рыбьей чешуе, и на солнце, должно быть, представлял собой поистине ослепительное зрелище. Поножь с надевавшимися под нее толстыми стегаными обмотками защищала ногу мирмиллона только ниже колена. Выше защитой служил скутум, укрывавший бойца до самого подбородка. Единственным наступательным оружием был обыкновенный гладиус, который иногда привязывали ремнем к руке, чтобы не выронить при столкновении с противником. В сумме вес вооружения мирмиллона составлял 16–18 килограммов, из которых до 7,5 килограмма приходилось на щит. Возможно, этот тип гладиатора, более других по комплекту вооружения соответствовавший римскому легионеру, использовался на арене для воссоздания картины сражений между римлянами и их многочисленными врагами.

Противостоять ретиарию на арене мог и арбелас — гладиатор с экипировкой в виде шлема, чешуйчатого панциря или кольчуги до колен, стеганой или набранной из металлических полос маники на правой руке и коротких поножей на ногах. Шлем обычно имел продольный гребень. Вместо щита в левой руке арбеласа мы видим на сохранившихся рельефах странное орудие в виде трубчатого наруча, завершающегося полукруглым лезвием, что объясняет происхождение термина, связанного с названием полукруглого ножа сапожника. Видимо, оно было предназначено для разрезания сети ретиария и парирования ударов его трезубца, а при случае могло нанести противнику страшные рваные раны. В правой руке при этом находился гладиус или кинжал. Общий вес вооружения должен был достигать 22–26 килограммов. Без щита, с двумя мечами или изогнутыми кинжалами, выступали и димахеры. На дошедшем до нас рельефе из Фригии изображен боец в шлеме с забралом и полями, на ногах которого поножи и стеганные обмотки. Его защитное вооружение детально не проработано, но скорее всего представляло собой кольчу-

гу, иначе ближний бой при наличии всего двух коротких кинжалов был бы невозможен.

Название еще одного типа гладиатора — гопломах — греческого происхождения и означает «сражающийся оружием». В комплект его снаряжения входило копье в сочетании с коротким мечом или кинжалом. Минимум одежды ограничивался, как и у мирмиллона, набедренной повязкой и широким поясом. Голову защищал шлем с забралом, широкими полями и наверхием, украшенным плюмажем. В боковые стороны шлема втыкались два изогнутых пера. Маленький круглый щит гопломаха диаметром около 45 сантиметров имел сильно изогнутую, чашевидную форму. Он изготавливался из толстого листа бронзы и был очень тяжелым, что позволяло использовать его не только для защиты, но и для нападения. В руке, державшей щит, гопломах сжимал короткий кинжал, на правую руку надевалась маника. Небольшие размеры щита компенсировали высокие, доходившие до середины бедра, поножи, надевавшиеся поверх стеганых обмоток, верхняя часть которых скрывалась под набедренной повязкой. Весь комплект вооружения вряд ли весил больше 17–18 килограммов. В зависимости от вкусов публики в различных областях империи гопломах обычно выступал в паре с мирмиллоном или фракийцем.

Последний из упомянутых типов гладиаторов появился в Риме довольно давно. Во время войны 87–85 годов до н. э., которую полководец Сулла вел на Востоке против понтийского царя Митридата VI Евпатора, в римском плену оказалось много служивших в его войске фракийцев. И вот устроителям очередных игр пришла мысль выпустить на арену гладиаторов с таким названием. Правда, оно оказалось достаточно условным, так как «этническим» вооружение фракийцев назвать нельзя. Их можно легко спутать с гопломахами из-за маники на правой руке, стеганых обмоток на ногах, высоких поножей и шлема с полями и забралом, в котором пробивали множество отверстий. Шлем имел характерный легко узнаваемый изогнутый гребень, часто в виде головы грифона. Этот мифологический образ символизировал Немезиду, богиню возмездия, небольшие храмы которой име-

Гопломах и провокатор (по S. Wisdom):

- А — гопломах: 1 — круглая пармула; 2 — копье;
6 — поножи на ногах; 7, 8 — типы поножей; 9 — способ крепления поножей. В — провокатор: 3 — шлем с перьями;
4 — шлем обычного типа; 5 — шлем из Хаукидона (Англия)

дись во многих местах античного мира, где проводились гладиаторские бои. Украшением шлема могли служить султан из перьев (криста) или два пера на боковых сторонах. Суше-
ственно отличали фракийца маленький щит почти квадрат-
ной формы и небольшой кинжал с лезвием, изгибающимся
под тупым, а иногда и под прямым углом (сика). При почти
равной тяжести вооружения с мирмиллоном и гопломахом
фракиец должен был проявлять большую подвижность, ве-
сти маневренный бой. Зрители ждали от гладиаторов тако-
го типа ловких перебежек, точно рассчитанных проворных
движений, позволявших с легкостью уклоняться от выпадов
соперника или стремительно переходить в атаку. Только бы-
строта действий, учитывая небольшие размеры щита, могла
спасти ему жизнь.

Еще один ранний и очень популярный тип гладиато-
ра — это провокатор, выступавший полуобнаженным (повяз-
ка и металлический пояс-балтеус) с маникой на правой ру-
ке и высокой поножью на левой ноге. Шлем с нашечниками,
как правило, армейского образца, большой прямоугольный
щит и меч с прямым клинком напоминали вооружение рим-
ского легионера. Бросавшаяся в глаза особенность заключа-
лась в наличии на груди большой металлической пластины
(кардиофилакс) в виде прямоугольника или полумесяца, ко-
торая крепилась на спине перекрещивающимися ремнями.
Со II века шлем провокатора стал более закрытым, с надежно
прикрывающим шею широким задним полем. Нашечники
сменило забрало с отверстиями для глаз, закрытых решетка-
ми. Щит отличался от skutuma наличием у него вертикаль-
ного металлического ребра. Вес облегченного варианта воору-
жения составлял 14—15 килограммов. Обычно провокаторы
сражались в паре, и только в отдельных случаях в качестве их
противников выступают гладиаторы других типов³⁰.

Сходились на арене и легковооруженные гладиаторы-
всадники (эквиты). Вот как описывает их позднеантичный
энциклопедист Исидор Севильский: «Два всадника в позо-
лоченных шлемах и очень легко вооруженные выезжают на
белых конях, один с восточной, другой с западной сторо-
ны» (Isid. Ethim. 18. 53). Они начинали бой, используя ко-

Фракиец и секутор (по S. Wisdom):

А — фракиец: 1 — короткий щит; 2 — маника из металлических пластин; 2а — конструкция маники; 2b — пряжка кожаного ремня для крепления маники; 3 — шлем с гребнем; 3а — решетка, отверстия для глаз в шлеме; 5 — сика. В — секутор: 4 — гладиус; 6 — скутум; 7 — конструкция шлема; 8 — поножи.

пья с листовидным наконечником, а когда те ломались, то, оказавшись на земле, продолжали его с помощью коротких мечей. Обычно этот момент и изображался в произведениях античного изобразительного искусства. Голову эквита защищал шлем округлой формы с забралом и широкими полями, иногда с двумя перьями по бокам. Другими защитными элементами были круглый кавалерийский щит (парма эквестрис) из толстой тисненой кожи диаметром около 60 сантиметров и маника на правой руке. В начале нашей эры, судя по сохранившимся изображениям, они выступали в чешуйчатых панцирях (лорика сквамата), позднее — в простых подпоясанных туниках без рукавов, с широкими вертикальными цветными полосами. В отдельных случаях ноги всадников были защищены стегаными накладками-фасциями.

Много пока неясного в отношении упоминаемых у ряда античных авторов и в различных надписях эсседариев (колесничих). Сам термин происходит от названия легкой двухколесной кельтской колесницы и входит в употребление по крайней мере с середины I века. Соответственно, можно полагать, что бои на колесницах вошли в обиход после 43 года, когда в период правления Клавдия была завоевана Британия. Желание развлечь публику вполне могло побудить императора включить в программу гладиаторских игр необычное для римлян зрелище. Вот как описывал его Юлий Цезарь, первым предпринявший попытку захватить остров: «Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британны соскакивают с колесниц и сражаются пешими... И благодаря ежедневному опыту и упражнению британны достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу» (Caes. De bello gall. IV. 33).

Выступление эсседариев скорее всего начиналось с демонстрации искусства управления колесницей, затем, как

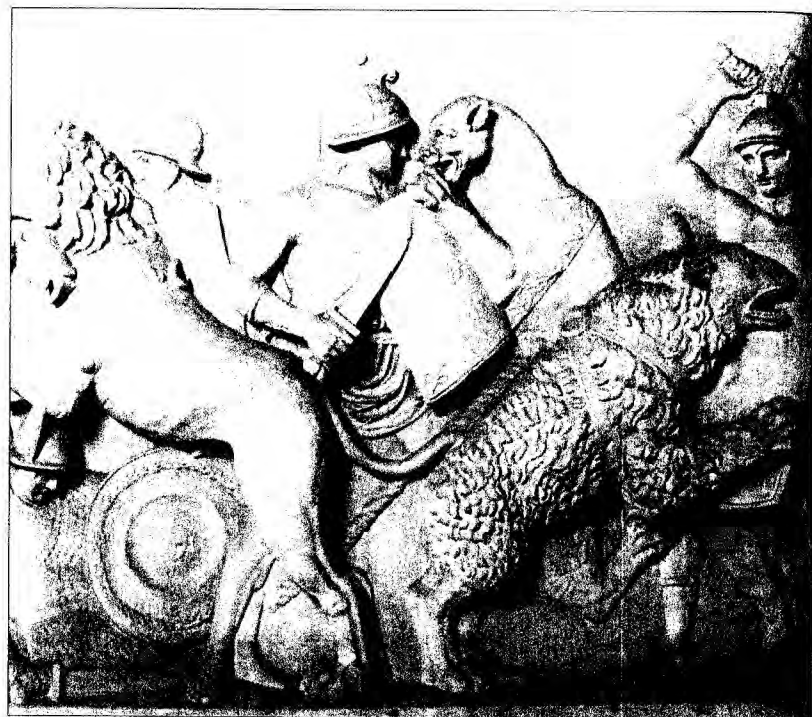
и в случае с эквитами, конное сражение переходило в поединок пеших бойцов. Как они выглядели? Не так давно появилось мнение, что представление об этом можно составить на основании изображений тех гладиаторов, экипировку которых нельзя соотнести ни с каким другим типом³¹. Следуя этому принципу, предпринимались попытки выделить характерные черты их вооружения: шлем без полей с забралом (иногда с двумя перьями), выгнутый овальный щит, манника на правой руке, короткие обмотки на ногах. В качестве дополнительного аргумента в пользу атрибуции гладиаторов с выгнутым овальным щитом и соответствующим набором прочего вооружения как эсседариев может фигурировать следующее наблюдение: на тех изображениях, где проработаны детали поверхности этого щита, хорошо виден вытянутый умбон — выпуклая металлическая пластина, связанная с продольным ребром жесткости. Такой щит носил название «тюреос» и стал известен в античном мире благодаря кельтам, к которым относились и галлы, и бритты, и малоазийские галаты. В греко-римском искусстве овальный кельтский щит часто являлся своего рода этнической эмблемой, в данном случае вполне логичной для экипировки типа гладиаторов, связанного своим происхождением с Британией.

Совсем мало сведений о таких гладиаторах, как андабат (сражался вслепую, в глухом шлеме без прорезей для глаз), велит (возможно, с вооружением одноименного легкого пешотинца периода Республики), крупелларий (имел сплошной железный доспех), лакверарий (разновидность ретиария, но вместо сети лассо и короткое копье), сагиттарий (с мощным сложносоставным луком, в коническом шлеме и чешуйчатых доспехах), самнит (в комплект вооружения, видимо, входили шлем с гребнем, трехдисковый панцирь, большой щит, поножь на левой ноге, копье и меч).

Представление о тех ассоциациях, которые возникали в сознании римлян, в связи с различными типами гладиаторов и их манерой ведения боя можно почерпнуть из «Онейрокритики» толкователя снов Артемидора Далдианского, написанной во второй половине II века. Автор этого труда писал: «Я не раз замечал, что такой сон (где приснился пое-

динок гладиаторов. — *В. Г.*) предвещает женитьбу на женщине, подобной или оружию, которым бьешься, или противнику, с которым снится борьба... Итак, кто бьется с фракийцем, тот возьмет жену богатую, коварную, потому что меч у него кривой, а первенствующую, потому что он наступает. Если кто бьется... при серебряном оружии, то возьмет жену красивую, не очень богатую, верную, хозяйственную и уступчивую — потому что такой боец отступает, прикрыт латами, а оружие у него красивее, чем у первого. Если кто бьется с секутором, то возьмет жену красивую и богатую, но гордую богатством, а поэтому пренебрежительную к мужу и причину многих бед, потому что секутор всегда преследует. Кто во сне бьется с ретиарием, тот возьмет жену бедную, страстную, распутную, легко отдающуюся желающим. Всадник означает, что жена будет богатая, знатная, но умом недалая. Колесничник означает жену бездельную и глупую; провокатор — красивую и милую, но жадную и страстную; гладиатор с двумя мечами или с кривым серпом — отравительницу или иную коварную и безобразную женщину» (*Artem. Oneirokr. II. 32*).

Отдельно остановимся на такой фигуре из числа выступавших на арене с оружием, как венатор, сражавшийся исключительно с дикими зверями. Экипировка бойца этого типа вплоть до середины I века н. э. весьма напоминала обличие тяжеловооруженных гладиаторов: из одежды — набедренные повязки или туники, стеганные обмотки на ногах; из защитного вооружения — поножи, маника, щит (круглый, овальный или прямоугольный), из наступательного — меч и копье. Для характеристики снаряжения венаторов на этом этапе наибольший интерес представляет часть рельефа, обнаруженного в Риме, во дворце Орсини, при постройке которого использовали мраморные плиты из театра Марцелла. Сюжет рельефа перекликается с событием, ознаменовавшим торжественное открытие театра императором Августом в 13 году до н. э. — грандиозным венацио, в котором приняли участие 600 диких зверей. Мы видим здесь бой нескольких венаторов со львом, леопардом и медведем. Один из них, вооруженный мечом, в шлеме открытого типа и чешуйчатом

Мраморный рельеф конца I в. до н. э.
с изображением венаторов

панцире, сбитый с ног львом, лежит на земле. В пасти этого зверя рука другого неудачливого «охотника». Оба венатора в правой части рельефа представлены в туниках с открытым правым плечом, в шлемах с загнутым вперед гребнем, они вооружены квадратными щитами и короткими мечами. Особо отметим еще одну интересную деталь — это показанные на всех животных широкие ремни, соединенные на спине и снабженные кольцом. Дело в том, что в клетках под ареной их прочно привязывали за эти кольца особым способом, чтобы звери не травмировали себя слишком резкими движениями. В данном случае за кольцо толстым канатом привязан медведь, видимо, чтобы уравнивать шансы человека и зверя. Со второй половины I века н. э. тяжелая экипировка венаторов, не обеспечивавшая ожидаемый публикой драматизм при встрече человека с животным, коренным образом изменилась. Основным облачением их стала туника, на ногах появились короткие фасции, а в качестве единственного оружия использовалось только короткое охотничье копье (венабул). Позднее, во II веке н. э., для этого типа бойцов входят в моду штаны до колен в сочетании с широким поясом и небольшим орнаментированным нагрудником.

Если подвести некоторый итог, можно сделать такой вывод: доспехи гладиаторов каждого типа имели уязвимые места, но все было продумано таким образом, чтобы исключить быструю победу и уравновесить шансы противоборствующих сторон. Поэтому во время состязаний не было никакой возможности предугадать по экипировке, кто из гладиаторов сможет победить, что подогревало у зрителей особый интерес к происходящему на арене. Действительно, поразить противника в грудь при защищенных конечностях достаточно сложно, что предполагает эффектное активное ведение боя, большое мастерство и сноровку, иначе искушенной римской публике просто стало бы скучно. Конечно, фехтования в современном смысле этого слова в те времена не было. Использовались в основном колющие удары, для парирования которых применялся щит. Нередко он и сам использовался как средство нападения, чтобы неожиданным ударом его ребра или умбона — выпуклого выступа в центральной части — вы-

вести врага из равновесия (Ср.: Тас. Agric. 36). Только два типа гладиаторов в силу отсутствия щита должны были применять парирование клинка клинком — димахер и арбелас.

Некоторые профессионалы среди гладиаторов могли освоить и несколько видов вооружения и соответственно методов ведения боя. Именно такому любимцу завсегдатаев римских амфитеатров по имени Гермес посвящена одна из эпиграмм римского поэта Марциала:

Гермес — с бранным копьем непобедимый,
Гермес грозный своим морским трезубцем,
Гермес страшный и в шлеме под забралом,
Гермес славен во всех деяниях Марса,
Гермес вечно един и триединный.

(Mart. V. 24)

Наибольшие преимущества в бою для всех типов гладиаторов давала левосторонняя стойка с развернутым под углом 45 градусов к противнику корпусом³². Она позволяла как наносить, так и парировать мощные удары, особенно если основным средством защиты был большой щит. Когда ноги были слегка согнуты в коленях, он практически полностью закрывал тело от нижнего края забрала до верхнего края поножей. В этой стойке правая рука с мечом находилась на уровне бедра. Чтобы не открыться, удар на близкой дистанции старались наносить поверх щита либо атаковали, отводя щит и одновременно делая шаг вперед. Использование гопломами копья предполагало предпочтение дальней дистанции ведения боя, так как при тесном контакте оно становилось бесполезным. Самую серьезную опасность ближний бой представлял для ретиария. В этой ситуации выигрыш даже нескольких мгновений обеспечивал ему возможность нанесения решающего удара трезубцем. Фракиец, наоборот, мог наносить удары за линию щита своим изогнутым кинжалом только в ближнем бою.

Основным оружием гладиаторов, как это явствует из их названия, был гладиус — меч, использовавшийся в римской армии с конца III века до н. э. Знаменитый «испанский» гла-

диус имел лезвие длиной 64–69 сантиметров при ширине 4,0–5,5 сантиметра. Его двусторонний клинок с продольным ребром жесткости и четко выраженным острием позволял не только рубить, но и колоть, что в тесноте боя было немало важно. В период правления императора Августа его быстро вытеснил гладиус типа Майнц, применявшийся вплоть до середины I века н. э. Длина клинка в данном случае составляла около 50 сантиметров при ширине до 8,7 сантиметра. Общая длина меча весом до 1,2–1,6 килограмма в отдельных случаях достигала 75 сантиметров. Позднее получают распространение облегченные гладиусы так называемого помпейского типа весом около 1 килограмма. Соответственно, их клинок имел меньшие размеры: длина около 45 сантиметров при ширине 5–6 сантиметров, с острием, грани которого располагались под углом 45 градусов. Во времена поздней Римской империи, с конца II — начала III века, гладиус сменяет длинный меч — спата с клинком длиной до 85 сантиметров. Из сохранившихся надписей известно о существовании в этот период мирмиллонов-спатариев, провокаторов-спатариев и др.

Наряду с мечами ретиарии и ряд гладиаторов с облегченным вооружением широко использовали кинжалы, которые, если судить по находкам в Помпеях, имели костяные рукояти и широкие прямые клинки ромбовидного сечения длиной до 35 сантиметров. Такие кинжалы практически мало отличаются от «пугио», принятых на вооружение в римской армии начиная с конца II века до н. э. О кинжалах с тонким изогнутым лезвием (сика) можно судить лишь по двум образцам с равномерным изгибом по всей длине. Один из них, с небольшой круглой гардой, имеет длину около 60 сантиметров, причем 45 сантиметров приходится на сам клинок. Другой происходит из римского лагеря в Оберадене и является деревянной моделью с резко выделенной рукоятью и клинком длиной 30,5 сантиметра³³. После середины I века н. э. лезвие таких кинжалов стали делать более широким и имеющим резкий перелом под углом 45 градусов, что позволяло их владельцам наносить противнику колющие или рубящие удары.

Не менее распространенным оружием гладиаторов было копье длиной 2,0–2,3 метра, которым пользовались гопло-

махи, эквиты и венаторы. Найденные в школе гладиаторов в Помпеях бронзовые наконечники копий демонстрируют наличие втулки и листовидного или ланцетовидного пера с выделенным ребром жесткости. По поводу единственного трехлопастного наконечника треугольной формы высказано вполне вероятное предположение, что он является частью трезубца ретиария³⁴, длина которого, судя по сохранившимся изображениям, была не менее 1,6—1,8 метра. Как известно, ретиарий пользовался также сетью, рассматривавшейся в древности как метательный снаряд, поэтому иногда его называли якулатор (метатель). Вес ее, как показывает реконструкция, составлял от 1,5 до 3 килограммов. Она была круглой с широкими ячейками около 10—20 сантиметров и свинцовыми грузиками на концах³⁵.

Если наступательное оружие гладиаторов мало отличалось от обычного армейского, то, говоря о защитном вооружении, следует отметить для него ряд существенных особенностей. Чтобы в них разобраться, придется обратиться к анализу находок из Помпей. Эта удивительная коллекция включает пятнадцать шлемов, пять пар длинных и шесть коротких одиночных поножей, три наплечника-галера и маленький круглый щит. Большой частью они щедро украшены различными рельефными изображениями, что обусловило появление распространенной точки зрения — что это парадное вооружение, которое надевали только для участия в помпе — торжественной процессии открытия игр. Приводились такие аргументы: 1) эти предметы вооружения слишком дорогие, чтобы их могли подвергать опасности повреждения; 2) на них нет следов воздействия оружия; 3) они слишком тяжелые для использования в бою; 4) металлическая поверхность с рельефными украшениями не является достаточно прочной, чтобы выдержать сильные удары³⁶. Однако эти доводы легко можно оспорить. Нельзя забывать, что гладиаторы были участниками пышных, почти театральных представлений и должны были произвести впечатление на публику, в том числе и роскошью своего вооружения. К тому же преимущественное использование колющих, а не рубящих ударов вряд ли предполагает значительное число повреждений.

В шлемах чаще всего должна была страдать решетка забрала, но починить или заменить ее было несложно. Поэтому только на двух помпейских шлемах имеются боевые отметки в виде зарубок или бронзовой заплатки. Что касается веса шлемов, то он действительно варьирует от 2,72 килограмма до 6,8 килограмма, что даже при среднем значении в два раза тяжелее шлема римского легионера I века. Но ведь пользовались ими в совершенно разных условиях! Гладиаторы надевали шлем непосредственно перед боем, а не тащили его на себе во время длительного перехода. Непродолжительный поединок на арене нельзя даже сравнивать со сражением, которое могло затянуться на несколько часов.

И все же физические нагрузки, выпадавшие на долю гладиаторов, были достаточно велики. При исследований скелетов людей, выступавших на арене амфитеатра, обнаружено недалеко от города Майнц в Германии, несмотря на их достаточно молодой возраст (20—30 лет), почти у всех выявлены следы деформации нижней части позвоночника. Это следствие увеличенного веса шлемов, для которых использовалась листовая бронза, по толщине почти в полтора раза превышающая ту, что применялась при изготовлении шлемов в римской армии. Таким образом, комплекты так называемого парадного вооружения на самом деле являлись атрибутом обычного выступления на арене, очевидно, периодически меняя владельцев.

Гладиаторские шлемы I века до н. э., как правило, представляли собой комбинацию беотийского и аттического шлемов, от которых были заимствованы широкие отогнутые вниз поля, а также характерная налобная пластина и широкие нащечники. Следующий этап в развитии шлемов связан с появлением около 20 года до н. э. забрала. Оно скрывало индивидуальные черты человека и позволяло зрителям лучше сосредоточиться на искусстве боя. Это «обезличивание» оказывало своего рода психологическую помощь и самим гладиаторам, когда приходилось сражаться со своими приятелями по казарменной жизни. Само забрало состояло из двух частей, подвешенных на петлях, и открывалось в разные стороны наподобие створок ворот. Часто имелись

специальные круглые отверстия для глаз диаметром около 8 сантиметров. Обычно их закрывали съемные пластины с отверстиями. Спереди, на стыке частей забрала, находились защелки для фиксации их на металлической полосе, образующей вертикальное ребро. К концу I века забрало почти целиком стало состоять из решетки с выступами, входившими в соответствующие прорезы в шлеме. Конструкция шлемов вышеописанных типов характерна только для экипировки мирмиллонов, гопломахов, фракийцев и эквитов. У секуторов и арбеласов диаметр глазных отверстий всего 3 сантиметра, что было мерой предосторожности против удара трезубцем ретиария. Впрочем, в одной из разновидностей шлема секутора все забрало было покрыто маленькими круглыми отверстиями для облегчения дыхания и расширения сектора обзора.

Если использовать разработанную М. Юнкельманом типологию шлемов, то наиболее ранние образцы I века имеют горизонтальные поля либо по всему периметру (Кьети G), либо только по боковым сторонам и сзади, образуя спереди выгнутый козырек (Помпеи G). Приблизительно во второй четверти II века н. э. появился тип шлема (Берлин G), который оставался популярным еще почти три столетия. Он имеет на боковых сторонах и сзади низкие поля, сочетающиеся с резко выделенным обрамлением решетки забрала.

Характерным элементом формы гладиаторских шлемов было навершие. У секуторов и арбеласов оно представляло собой изогнутый полукруглый гребень. В шлеме мирмиллона навершие поднималось сзади вертикально, затем изгибалось почти под прямым углом вперед, имея паз для крепления плюмажа из конского волоса. Шлем фракийца, как и гопломаха, на равномерно изогнутом вперед навершии мог иметь султан из перьев. О шлемах эсседариев можно говорить только предположительно. Считается, что единственными отличиями их были отсутствие гребня и два пера по бокам тульи.

Обычно все шлемы имели отполированную до блеска бронзовую поверхность, которую могли украсить рельефными изображениями в технике глубокой чеканки или посеребрить. В этом отношении привлекает внимание прекрас-

но сохранившийся шлем фракийца из казармы гладиаторов в Помпеях. Его гребень украшен головой грифона, налобная часть — изображением пальмы как символа победы, а забрало — отчеканенными в невысоком рельефе круглыми щитами и копьями. Для пышно украшенных шлемов мирмиллонов характерны прежде всего сюжеты, связанные с мифологическими персонажами.

Защитой руки у гладиаторов — у ретиария левой, а у всех остальных правой — служила маника, обычно изготавливавшаяся из нескольких слоев простеганной материи или кожаных ремней. Она крепилась на руке с помощью многочисленных кожаных ремешков, защищая кисть и большой палец только снаружи. Реконструкция маники с использованием в качестве наполнителя конского волоса показала, что это изделие весит не более 1 килограмма, хорошо держит рубящий удар и рука в нем достаточно подвижна³⁷. С начала II века н. э. и вплоть до IV века получили распространение маники чешуйчатой конструкции с металлическими пластинками. Для них использовалась более сложная система крепления: ремни, охватывавшие грудь, спину и левое плечо. Специфическим защитным приспособлением исключительно ретиария был галер — почти квадратный, с округлыми верхними краями бронзовый щиток с выступом для руки и двумя парами петель для привязывания с внутренней стороны. Обычно его высота не превышала 35 сантиметров, а вес — 1,2 килограмма. Предназначение щитка, выступавшего вверх на 12–13 сантиметров, заключалось в защите шеи и головы от боковых ударов.

Щиты, входившие в состав вооружения мирмиллонов и секуторов, практически не отличались от известного скутума римских легионеров и менялись в соответствии с изменениями в его конструкции. До начала I века н. э. скutum имел овальную форму, которая сменилась прямоугольной, полуцилиндрической, обеспечивавшей лучшую защиту для воина. Размеры щитов варьировали: 100–130 сантиметров в высоту и 60–80 сантиметров в ширину. С учетом обычной практики того времени можно говорить, что при изготовлении такого рода защитного вооружения для придания ему

особой прочности склеивали перпендикулярно друг другу два-три слоя тонких деревянных пластин толщиной около 2 миллиметров каждый. Затем с обеих сторон их обтягивали сначала полотном, потом одним или несколькими слоями плотной кожи. Впрочем, иногда наблюдается и обратный порядок структуры внешнего покрытия. В любом случае обтяжка внутренней стороны была нужна для предотвращения трения руки о деревянную подложку щита. Представление о конструкции раннего skutuma дает находка щита I века до н. э. из Фаюмского оазиса в Египте. Овальный щит высотой 1,28 метра и шириной 0,635 метра имел выпуклую поверхность. Основа его изготовлена из девяти тонких березовых дощечек, склеенных между собой боковыми сторонами. На нее с обеих сторон плотно наклеены узкие (от 2,5 до 5,0 сантиметров) пластины из той же породы дерева. С наружной стороны в центре щита железными гвоздями прибита выпуклая накладка — деревянный умбон удлинённой формы. От него отходят треугольные в сечении рейки, образующие продольный гребень. Края внутреннего войлочного покрытия щита заворачивались наружу и пришивались к дереву, образуя валик шириной 5—6 сантиметров. Судя по реконструкции П. Коннолли, вес такого щита мог достигать 10 килограммов³⁸.

Единственный сохранившийся экземпляр позднего skutuma, датируемый III веком, был обнаружен в Дуре Европос (Сирия). Края его отделаны сыромятной кожей, пришитой к дереву, хотя чаще их обивали металлической полосой шириной около 5 сантиметров, на нее можно было принять рубящий удар (Ср.: Polyaeu. 8. 7. 2) или использовать ее для того, чтобы в свою очередь нанести удар противнику и сбить его с ног. Толщина края щита была около 6 миллиметров, но к середине он, вероятно, мог утолщаться до 1 сантиметра. Изнутри его основа укреплена образующими прямоугольник наклеенными деревянными планками. Ручка образована утолщением дополнительной планки, проходящей по горизонтальной оси через центр. С внешней стороны такую рукоять прикрывал металлический умбон. В бою большой щит держали за нее горизонтальной хваткой на вертикально опу-

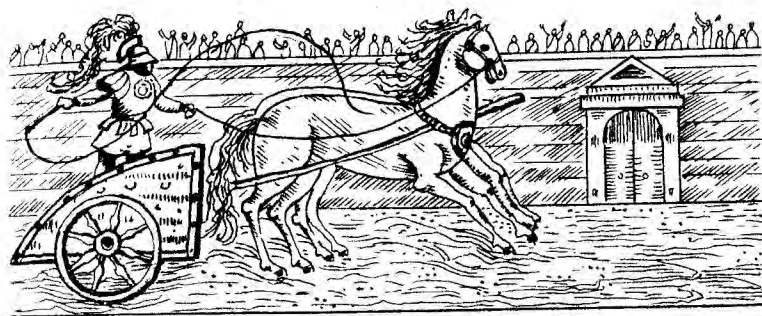
щенной руке, продетой через специальную петлю. Внешнюю поверхность щита, как в данном случае, могли украшать разноцветными изображениями или орнаментом. Skutum, реконструированный П. Коннолли на основе находки в Дуре Европос, весил около 5,5—7,5 килограмма. Соответственно, использование его в индивидуальном поединке требовало хорошей физической подготовки.

Провокаторы пользовались щитом меньшего веса и меньших размеров — около 70—80 сантиметров высотой. Сильно изогнутый небольшой щит фракийцев (пармула) с рукоятью, очевидно, располагавшейся вертикально, был прямоугольным (около 55 на 60 сантиметров) и, как правило, без обычного круглого умбона. Вес реконструированного щита составил 3 килограмма. Помпейский образец круглого бронзового щита гопломаха при диаметре 37 сантиметров весил 1,6 килограмма и был богато украшен серебряной и медной чеканкой в виде двух concentрических лавровых венков и головы горгоны Медузы в центре. Щит удерживался левой рукой, в которой мог находиться и кинжал, тогда как в правой было копьё. Несколько больших размеров (диаметром около 60 сантиметров) был щит эквитов — парма эквестрис, изготовленный из толстой прессованной кожи. По аналогии с турецкими щитами нового времени он должен был легко отражать удары, направленные с разных сторон. Круглыми, овальными или прямоугольными щитами вплоть до середины I века н. э. снабжали и венаторов. Какая-либо стандартизация в этом отношении отсутствовала.

У нескольких типов гладиаторов в обязательный комплект защитного вооружения входили поножи (окреа), которые в римской армии носили только центурионы. Изготовленные из бронзы поножи крепились на голени с помощью кожаных ремней, пропущенных через несколько пар колец и завязанных сзади. По-видимому, их длина зависела главным образом от размеров щита; отогнутый верхний край поножей мирмиллонов и секуторов предохранял ногу от ударов его нижней кромки. С другой стороны, удивляет отсутствие поножей у не имевших щита арбеласов и димахеров, а также у сражавшихся в качестве всадников эсседариев и экви-

тов. При этом мирмиллоны, секуторы и провокаторы имели поножь только на левой ноге, и если она была короткой, то обязательно снабжалась высоким округлым вырезом под верхнюю часть стопы. В свою очередь, высокие поножи имели выпуклость для коленной чашечки. Роль подкладки играли стеганные обмотки (фасции) весом, судя по реконструкциям, до 3,5 килограмма. Наличие примерно на половине поножей коротких надписей из нескольких букв — NCA, NER, NER.AVG, — скорее всего, указывает на то, что они были изготовлены в мастерских при гладиаторской школе Нерона, пускавших в продажу часть сделанного оружия. Наличие сразу на десяти других предметах одной надписи MCR заставляет предполагать в человеке, который скрывается за этой монограммой, либо мастера-оружейника, либо местного ланисту³⁹. Поверхность гладиаторских поножей зачастую покрывал богатый рельефный декор, например, на одной из них изображены голова бога вина и виноделия Диониса, свойственные ему атрибуты и головки его спутников — сатиров и менад.

Глава 5 Гладиаторы на «суше» и на «море»: римские амфитеатры и навахии

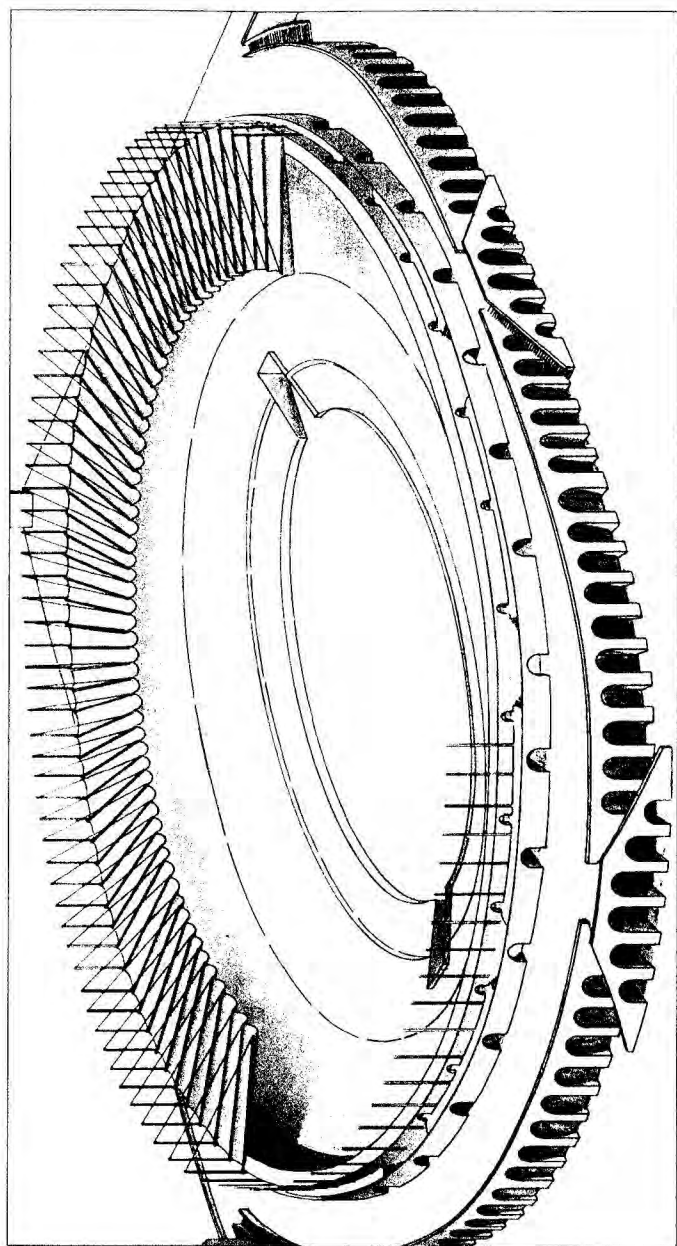
Для выступлений гладиаторов были предназначены специальные архитектурные сооружения — амфитеатры и навахии, тип которых сложился далеко не сразу. Первые амфитеатры появились в той области Италии, где, собственно, и начали проводить гладиаторские игры, — в Кампании. Здесь во второй половине II века до н. э. были впервые опробованы казавшиеся наиболее приемлемыми инженерные решения в отношении предназначенных для этого зданий. Некоторые из них использованием естественного рельефа местности при сооружении мест для зрителей еще довольно близко напоминали греческие театры. В то же время новым конструктивным подходом стало применение арочных перекрытий с опорой на радиальные линии стен, расходившихся от центральной площадки. В данном случае главной задачей было обеспечить возможность наибольшему числу зрителей увидеть происходящее на арене. Это обстоятельство в конечном итоге обусловило выбор эллиптической формы здания,

которая, помимо всего прочего, допускала большую маневренность участников зрелищ.

Самыми ранними постройками, относящимися к прототипам амфитеатров, стали сооружения в Теане, Капуе, Литерне и Кумах. Следующим по времени возведения является достаточно хорошо изученный амфитеатр в Помпеях (ок. 70 г. до н. э.), наглядно демонстрирующий, что к тому времени данная архитектурная форма почти окончательно сформировалась. В памятной надписи говорится, что его воздвигли на собственные средства Гай Квинтий Валг и Марк Порций в благодарность за избрание их в квинквенналы и «отдали это место на вечное владение» жителям города⁴⁰. Правда, для обозначения такого щедрого дара в тексте надписи использован термин «спектакула», что буквально значит «здание для представлений». Его конструкция в форме эллипса (136 на 104 метра) довольно оригинальна: во избежание расходов на слишком высокую внешнюю стену арена размерами 66,7 на 35 метров и 35 рядов зрительских мест вместимостью 20 тысяч человек наполовину были углублены в землю. Вынутый при этом грунт использовали для земляного вала под трибунами. Его подпирала массивная кладка с мощными контрфорсами. Для восточной части здания естественной опорой стала городская стена. На арках, переброшенных между контрфорсами, покоилась крытая галерея, по которой зрители добирались до верхних рядов. Снизу сюда вели шесть лестниц, пристроенных снаружи к контрфорсам и также опиравшихся на арочные конструкции. Наверно, гладиаторские бои в Помпеях славились на всю округу и городские власти не упускали возможность по мере возможности облегчить кошельки жителей соседних городков за счет посещения амфитеатра, а также продажи сопутствующих товаров и услуг. Тем более что мест здесь должно было хватать на всех: ведь их количество соответствовало общей численности населения города, включая младенцев.

Чтобы избежать толкотни и давки в толпе зрителей, спешащих занять или покинуть свои места, помпейские архитекторы остроумно использовали внутренние коридоры

и наружные лестницы. Из шести входов два, каждый шириной 5 м, вели прямо на арену. Через них входили гладиаторы, здесь же выпускали зверей. С западной стороны, где амфитеатр подходил слишком близко к городской стене, вход повернули под прямым углом в сторону арены. Параллельно ему с той же стороны сделали два узких прохода в коридор, идущий вокруг всего здания под нижними рядами второго яруса, и два таких же прохода устроили с противоположной стороны. Коридор этот не был сквозным: по центру большой оси его с обеих сторон перегородили глухой стеной. Таким образом, толпа разбивалась на два потока и расходилась по рядам первого и второго ярусов, куда из коридора вели лестницы. Первый ярус предназначался для представителей городских властей и знати, а также прочих официальных лиц. Находившиеся здесь широкие ступени, видимо, заставлялись переносными скамьями. Великолепно сохранившийся высокий парапет отделял их от зрительских мест на втором ярусе, куда всех желающих пускали за деньги. На третий бесплатный ярус, где всегда толпился народ, можно было либо подняться со второго яруса по лестницам, делящим внутреннее пространство амфитеатра на отдельные секторы-клинья, либо, что было гораздо удобнее, спуститься на него с верхней террасы. В случае необходимости использовался узкий и темный выход прямо с арены наружу: своеобразная «дверь смерти», через которую выносили тела павших гладиаторов и трупы животных. Маленькая комната рядом с этим проходом, скорее всего, использовалась как споларий или пункт оказания первой помощи. От первых рядов зрительских мест арену отделяла узкая двухметровая стена, на которой, видимо, крепилась металлическая решетка, служившая защитой от диких зверей. Первые исследователи помпейского амфитеатра еще могли видеть на поверхности этой стены росписи со сценами из жизни гладиаторов и изображениями травли зверей. Один из самых интересных сюжетов связан с подготовкой к бою: два соперника стоят напротив друг друга в присутствии судьи, очерчивающего место поединка на песке, а рабы уже готовы помочь бойцам надеть их доспехи⁴¹. Крышу

Реконструкция амфитеатра в Помпеях

над амфитеатром заменял тент (веларий), который периодически натягивали в жару или в дождь. Как писал один из римских поэтов, такой тент «похишал сидящих под ним у дневного света и погружал в забавы». В целом углубленное в землю здание помпейского амфитеатра выглядит скромным и приземистым. Другие сооружения такой конструкции неизвестны, ведь, как правило, римские амфитеатры возводились на ровной поверхности независимо от строительного материала.

Сама столица государства, несмотря на огромную популярность различного рода зрелищ, долгое время не имела постоянного сооружения, предназначенного для гладиаторских игр. Но если вспомнить политическую подоплеку организации этих представлений, то становится понятной консервативная позиция сената, который долгое время считал строительство долговременных зрелищных зданий в Риме противоречащим общественным интересам. В дальнейшем, когда судьба Республики оказалась в руках нескольких влиятельных политиков, прежние ограничения быстро утратили свое значение. Как известно, первый театр, возведенный из камня, появился в пределах городской черты лишь в 55 году до н. э. благодаря влиянию и богатству Гнея Помпея, устроившего там для начала надолго запомнившиеся звериные травли. Всего через два года построили и первое здание амфитеатра классической формы. Тогда же скорее всего появился и соответствующий термин, впервые употребленный Витрувием в его труде под названием «Десять книг об архитектуре» (Vitr. VII. 1).

Произошло это следующим образом. У Плиния Старшего сохранилось известие о гладиаторских играх, устроенных Гаем Скрибонием Курионом в память об умершем отце, бывшем консуле и известном ораторе. Молодой патриций построил для них, с точки зрения Плиния, совершенно «сумасбродное сооружение... Он соорудил вплотную друг к другу два обширнейших театра из дерева, каждый из которых держался на вращающейся на оси уравновешенной плоскости, и после того как кончалось дополуденное представление зрелищ в обоих театрах, обращенных сценами в противо-

положные стороны, чтобы не заглушать друг друга, он, вмиг повернув их, причем после первых дней, как известно, даже с некоторыми сидевшими, и сомкнув их углы между собой, превращал в амфитеатр и устраивал сражения гладиаторов» (Plin. Nat. Hist. XXXVI. 116–120). Конечно, для зрителей это оказалось полной неожиданностью и, несомненно, вызвало бурный восторг. Стоит отметить, что Курион, показавший народу яркое и необычное зрелище, сумел-таки получить от него определенные дивиденды: почти сразу он был избран народным трибуном, а впоследствии стал проконсулом Сицилии и занимал высокие военные посты, пока не погиб в гражданской войне, сражаясь на стороне Юлия Цезаря в Северной Африке против помпеянцев. А в 46 году до н. э. уже сам могущественный диктатор озабочился возведением для народа деревянного амфитеатра, над которым для защиты зрителей от солнца был натянут такой огромный тент, — по словам Плиния Старшего, он выглядел великолепно сам по себе.

Скоро пришло время и для каменных построек подобного рода. Первый такой амфитеатр, еще наполовину деревянный, был сооружен в 29 году до н. э. на Марсовом поле. В тот год один малоизвестный полководец, зато богатейший человек по имени Статилий Тавр завершил успешный военный поход в Северную Африку и, как знак благоволения императора Августа, получил разрешение провести гладиаторские игры. Единственным условием было возведение для них постоянного сооружения. Дион Кассий, скептически описывая это, судя по всему, весьма скромное здание, обозвал его «театром для псовой охоты» (Dio Cass. LI. 23. 1). В дальнейшем ни Август, ни его преемники никогда не использовали эту неприязательную и далеко не вместительную постройку для официальных представлений. И все же с тех пор новая архитектурная традиция в Риме практически не прерывалась, хотя для проведения масштабных зрелищ в период правления императоров от Августа до Калигулы часто предпочитали использовать Септу (*лат.* «ограда») — место для голосования в народном собрании, представлявшее собой обнесенную мраморной стеной с портиками просторную прямоугольную

площадь размерами 310 на 120 метров на Марсовом поле. Там же, всего за один год, император Нерон выстроил грандиозный деревянный амфитеатр (Suet. Ner. 12. 1). Его описание поэт I века Кальпурний Сикул вложил в уста юного пастуха Коридона, впервые в жизни пришедшего в Рим, чтобы посмотреть на великолепие организованных юным императором гладиаторских игр: «Мы увидели амфитеатр, взметнувшийся высотой до небес; перекрещивающиеся балки были вровень с Капитолийским холмом, в разные стороны плавно уступами спускались лестницы. Мы занимаем места рядом с простолюдинами, пришедшими на зрелище, они в темных одеждах; для женщин отведены отдельные, не закрытые портиком места. Эти места свободны, и их занимают всадники и трибуны в белых одеждах. Подобно тому как долина, опоясанная аркой гор, спускается в котловину, а вокруг шумят леса, так и здесь впадина повторяет изогнутые очертания арены... Вот коридор, отделанный драгоценными камнями, поодаль мерцающий позолотой портик; там, где мраморной стеной заканчивается арена, стоят скамьи, покрытые великолепными пластинами из слоновой кости... Сколько раз, охваченный страхом, я видел, как из разломленного на две части чрева арены, бездны земной, выходят дикие хищники» (Calp. 7. 23).

За пределами Вечного города подобные деревянные сооружения не всегда отличались достаточной надежностью. Порой это приводило к трагическим последствиям. Так, в 27 году в Фиденах, маленьком городке под Римом, некий вольноотпущенник Атилий решил построить амфитеатр, «предприняв это дело ради грязной наживы». Он правильно рассчитал, что неизбалованные при императоре Тиберии зрелищами римляне толпой хлынут на выступления гладиаторов и богатая прибыль для него будет обеспечена. Действительно, наспех возведенное сооружение оказалось переполненным до отказа, но прямо на представлении ряды сидений рухнули. В итоге погибло больше 20 тысяч человек и около 30 тысяч было перекалечено (Tac. Ann. IV. 52–53). Специальное решение сената по данному поводу гласило, что теперь строительство возможно только после предварительного об-

следования грунта, а чтобы исключить стремление к экономии средств, был введен запрет на проведение гладиаторских игр для тех, чье состояние оценивалось в сумму менее 400 тысяч сестерциев. Впрочем, вряд ли это постановление касалось тех, кто был занят только организацией зрелищ, ведь гладиаторские бои можно было провести и просто на городской площади или на каком-нибудь другом ровном месте. Известно, что император Вителлий в 69 году н. э. продал своего любимца Азиатика бродячему ланисте (Suet. Vit. 12), хотя большие деньги у того явно не водились.

Так или иначе, число амфитеатров быстро росло: к концу I века н. э. только в ближайшей к Риму области Лаций их было по крайней мере 14, в Кампании — 9. И это неудивительно: муниципальные магистраты и, наконец, просто богатые и влиятельные люди не упускали случая развлечь сограждан в благодарность за избрание или из желания сохранить их доброе расположение. В качестве примера можно привести надписи, сохранившие для нас сообщения о том, что в маленьком Ланувии эдил Марк Валерий, известный ремонтом мужских и женских бань, «дал гладиаторов» (CIL. XIV. 2121), а в Габиях жрица Агусия Присцилла «устроила изрядное зрелище игр о здравии императора Антонина Пия, отца отечества, и детей его» (CIL. XIV. 2804).

Самым грандиозным по праву считается сооружение, вошедшее в историю архитектуры как амфитеатр Флавиев. Это название связано с династией правителей Рима, начало которой было положено вышедшим из военной среды императором Веспасианом (69–79 н. э.). Другое всем известное название — Колизей (от итальянского *colosso* — «огромный») вошло в употребление гораздо позже, не ранее VII века, поскольку рядом находилась гигантская статуя из позолоченной бронзы, не уступавшая по своим размерам (около 35 метров) знаменитому Колоссу Родосскому, одному из семи чудес света. Когда ее решили передвинуть поближе к амфитеатру, потребовалась платформа, в которую запрягли двадцать четыре слона (Ael. Spart. Hadr. 19). Сама статуя первоначально изображала Нерона (Suet. Ner. 31. 1), а потом, будучи дополнена лучистой диадемой, — бога солнца Гелиоса (Mart.

De spect. 2). Этого изваяния давно уже нет, а связанное с ним название осталось.

Строительство амфитеатра Флавиев развернулось на месте искусственного озера, вырытого когда-то в садах так называемого «Золотого Дома», грандиозного дворца Нерона, занимавшего в центре города территорию площадью 120 гектаров. Это место было выбрано не случайно: в Риме последовательно уничтожались памятники, связанные с именем ненавистного жителям столицы императора. Кроме того, новому владыке государства, чтобы укрепить династию, было необходимо добиться расположения народа. Самым простым решением вопроса стало возведение в столице нового постоянного сооружения для массовых развлечений, ведь оба римских амфитеатра, каменный — Статилия Тавра, и деревянный — Нерона, сгорели во время великого пожара 64 года н. э. Сначала озеро в ложбине между холмами Велием, Эсквилином и Целием осушили и заполнили раствором, напоминающим современный бетон. Глубина созданного таким образом фундамента составила 13 метров, что изначально гарантировало необыкновенную прочность и долговечность всего сооружения в целом.

Финансовые и людские ресурсы для грандиозной стройки, начатой в 72 году н. э., обеспечило успешное завершение Иудейской войны. Недавно этому нашлось археологическое подтверждение: на одной из каменных плит, окружавших арену, удалось обнаружить следы прикрепления бронзовых букв, которые сложились в надпись: «Император Веспасиан повелел возвести этот амфитеатр за счет военной добычи»⁴². Военнопленные, обращенные в рабство после взятия Иерусалима, добывали и основной строительный материал — местный белый известняк-травертин, прочный и достаточно декоративный. Каменоломни в Тибуре, где они работали, соединили со столицей империи специальной дорогой, которую проложили 30 тысяч рабов-иудеев. В общей сложности за десять лет по ней было доставлено на место строительства около 100 000 кубических метров камня. Итогом этой стройки стал самый вместительный и красивый амфитеатр античного мира, восторженно воспетый в стихах поэ-

та Марциала, сравнившего это сооружение с известными чудесами света:

О чудесах пирамид пусть молчит Мемфис иноземный,
Ты, ассириец, оставь превозносить Вавилон;
Тривии (то есть Артемиды. — В. Г.)
храмом пускай иониец не хвалится нежный,
Пусть и алтарь из рогов Делос оставит теперь;
Пусть и карийцы свои мавзолеи в воздушном пространстве,
Меры не зная хвалам, не превозносят до звезд:
Сооружения все перед цезарским амфитеатром
Меркнут, и только его пусть превозносит молва.

(*Mart. Spect. 1*)

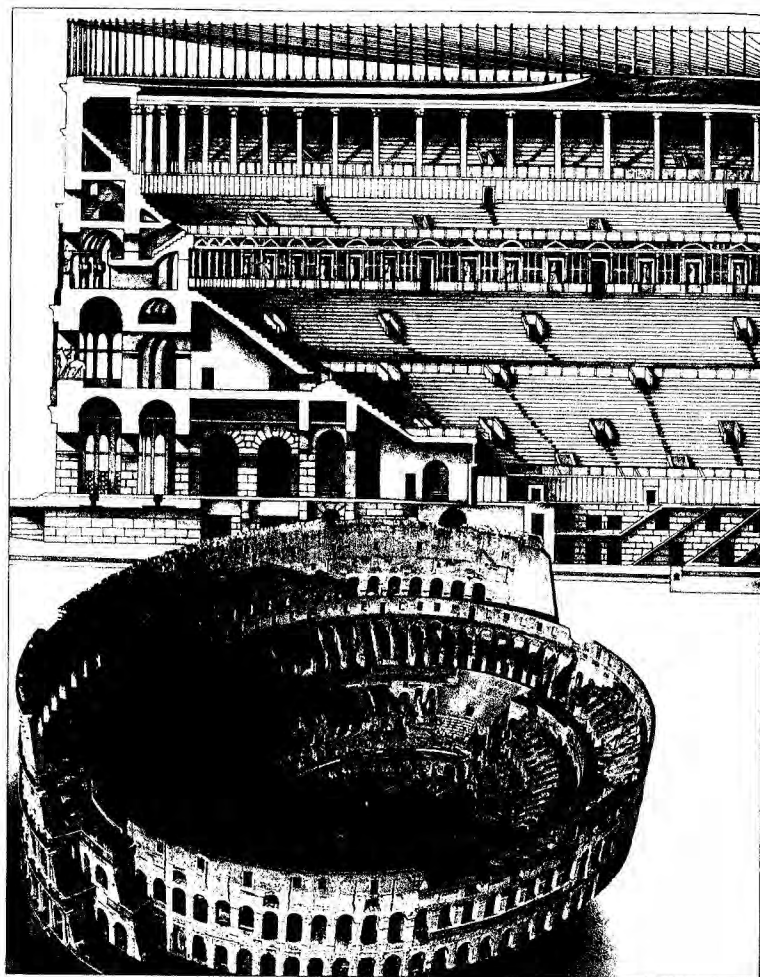
Амфитеатр Флавиев открылся для проведения первых игр в 80 году н. э. при сыне Веспасиана, императоре Тите, который показал народу много удивительных вещей. «Бились друг с другом... четыре слона, было убито около 9 тысяч животных, домашних и диких, и женщины, правда незнатные, принимали участие в их избиении. Много мужей вступало в единоборство, многие же сражались сомкнутыми рядами в пешем и морском боях» (Cass. Dio. LXVI. 25).

На примере Колизея можно рассмотреть основные элементы конструкции римского амфитеатра. Он имеет форму эллипса с размерами по диагоналям 188 и 156 метров и внешним периметром 527 метров. Внутри, как бы на дне огромной чаши, находится овальная арена 86 на 54 метра. Каркас здания составляют восемьдесят радиальных и семь кольцевых стен, которые держат конструкцию зрительских мест. Внешняя стена сооружения, в полную высоту сохранившаяся только с северной стороны, делилась на три арочных яруса, в каждом из которых были использованы полуколонны разных архитектурных ордеров: в первом — сдержанного тосканского, во втором — изящного ионического, в третьем — нарядного коринфского. В проемах второго и третьего ярусов стояли мраморные статуи. Позднее высота внешней стены, после надстройки ее до четвертого яруса, составила 52 метра. Верхний ярус расчленен на ряд секций, выделенных легкими коринфскими пилястрами, между которыми

через равные промежутки прорезаны окна и когда-то были набиты круглые бронзовые щиты. При таком расположении по вертикали различных архитектурных элементов здания его низ зрительно несет на себе основную нагрузку, облегчая верхнюю часть.

Первый этаж включал 80 пронумерованных арок, через которые можно было попасть в определенный сектор амфитеатра. Два прохода (вомитория) на его длинной оси предназначались для участников представлений. Один из них, называвшийся Порта Триумфалис, служил для выхода победителей, через другой, Порта Либицина, посвященный богине смерти и похорон, выносили мертвые тела. На короткой оси сооружения находились два входа для привилегированных посетителей, а благодаря остальным огромная масса зрителей всего за пять минут могла оказаться на пронумерованных местах, которые были рассчитаны максимум на 60–70 тысяч человек, а после представления покинуть их без давки, не теснясь и не толкаясь. В немалой степени этому способствовали четыре круговых коридора на первом этаже, которые вели не только к лестницам, но и к помещениям, приспособленным для отдыха, где били струи фонтанов. Надо сказать, что без эффективной водопроводной системы скопление огромных масс людей в амфитеатре было бы немыслимо. Недавние исследования позволили восстановить тщательно продуманную схему водоканализационных коммуникаций, которая обеспечивала работу не только фонтанов, но и многочисленных общественных уборных. Все это говорит о высоком инженерном и архитектурном уровне конструкции сооружения в целом.

Сиденья для зрителей, расположенные в гигантской воронке амфитеатра, разделялись на несколько ярусов, представляя собой как бы срез древнеримского общества в миниатюре. Наиболее привилегированными местами считались ложи с отдельными входами. Сохранилась только северная из них, предназначенная для магистратов и устроителя игр. Напротив находилась императорская ложа, к которой был проложен подземный ход, начинавшийся где-то к востоку от Колизея и прослеженный на протяжении около 40 метров.

Амфитеатр Флавиев (Колизей). Общий вид и разрез

При этом установлено, что он имел богатую внутреннюю отделку — покрытые мрамором стены и мозаичные полы. Таким образом, император мог попасть в свою ложу либо через парадный вход, либо пройдя по подземному переходу.

Самый нижний ярус из четырех рядов мраморных сидений предназначался для девственных весталок — жриц богини домашнего очага Весты, сенаторов и членов их семей. Второй, состоявший из восьми рядов, — для состоятельных граждан из сословия всадников, а третий — для простого люда и женщин. Четвертый ярус представлял собой деревянную трибуну, отделенную от остальных большой галереей. Здесь, на самом верхнем уровне, помимо зрителей располагались моряки императорского Мизенского флота, управлявшие огромным льняным веларием, покрывавшим Колизей сверху для защиты трибун от непогоды или яркого света. Этой цели служила сложная конструкция из опиравшихся на специальные кронштейны 240 мачт, на которых растягивались гигантские полосы материи, перемещавшиеся в зависимости от положения солнца. По сообщениям современников, они были окрашены в самые различные цвета — от желтого и голубого до красного и пурпурного — и представляли собой весьма красочное зрелище.

Восьмилетняя реставрация Колизея, завершившаяся в июле 2000 года, позволила получить более четкое представление о его высоких акустических и визуальных возможностях, особенно в отношении мест сенаторов и всадников. Нижние ряды расположенных выше зрительских мест для простых зрителей также позволяли достаточно четко различать фигуры сражающихся на арене людей. Только с последних рядов обзор был несколько затруднен, и вряд ли удавалось хорошо слышать крики глашатаев и звуки музыки. Для сидевших там зрителей все происходящее на арене превращалось в движение каких-то ярких пятен. В данном случае средством опознания конкретных участников игр служили яркие одежды и сверкающее вооружение гладиаторов⁴³.

Арена Колизея представляла собой деревянный настил, покрытый песком для впитывания крови и мочи. Иногда его могли окрашивать с помощью сурика или горной зеле-

ни в красный или зеленый цвет (Suet. Calig. 18. 3; Pl. Nat. Hist. XXXIII. 27. 90). Под ареной первоначально находились приспособления для заполнения внутреннего пространства амфитеатра водой из близлежащих водоемов. В таких случаях давались представления на мифологические сюжеты, устраивались при помощи моделей кораблей имитации морских сражений или охота на водных животных — крокодилов и гиппопотамов. Затем, около середины II века н. э., под ареной соорудили целый комплекс подземных помещений (гипогеум) высотой от 5,50 до 6,08 метра, разделенных специальными проходами, а также клетки для диких зверей. Два подвальных коридора делили все пространство под ареной на четыре части. Центральный коридор находился на главной оси здания. Отсюда начинался проход, который вел в так называемую «Большую школу» для подготовки императорских гладиаторов.

Обширный гипогеум был открыт археологами в начале XIX века, в годы оккупации Рима наполеоновскими войсками. По площади он намного превосходит саму арену, так как по краям подземелья располагались вместительные склады декораций и оружия, комнаты для переодевания и обслуживающего персонала. Судя по надгробным надписям, среди тех, кто обеспечивал проведение зрелищ, были врачи, оружейники, архивариусы, посыльные, привратники, смотрители за дикими животными. Специальные служители помогали гладиаторам надевать доспехи и готовить оружие перед выступлением, а массажисты постоянно поддерживали их спортивную форму. Большую роль в период проведения игр играл оркестр, который пронзительными звуками оповещал зрителей о различных моментах состязаний. Сначала ведущая роль в оркестре принадлежала горнисту и трубачу, а в период правления Нерона к ним добавился музыкант с гидравлическим органом.

Во время утренних представлений с помощью 60 лифтов, каждый из которых обслуживали восемь человек, животных или декорации с людьми, которые должны были их устанавливать, в считанные минуты доставляли наверх, почти до уровня арены. Подъем шел либо по вертикали (клетки

с животными), либо по наклонным брускам под углом около 30 градусов (платформы с декорациями). Еще один ряд подсобных помещений размещался в галерее, называвшейся «карцер», непосредственно вокруг арены. Для безопасности зрителей арену окружала стена высотой до 4 метров, но, разумеется, этого было мало и, судя по найденному в Колизее граффито, ее дополняла металлическая решетка.

Отдельной мерой безопасности могло стать размещение по всему амфитеатру солдат, которые также препятствовали возникновению беспорядков из-за столкновений болельщиков. О том, какого накала могли достигать страсти в такой момент, свидетельствует характерный эпизод из истории Помпей, удостоившийся упоминания в «Анналах» Тацита: «Начавшись с безделицы во время представления гладиаторов... вспыхнуло жестокое побоище между жителями Нуцерии и Помпей... Задирая сначала друг друга насмешками и поношениями, они схватились затем за камни и наконец за оружие, причем взяла верх помпейская чернь, в городе которой давались игры. В Рим были доставлены многие нуцерийцы с телесными увечьями, и еще большее их число оплакивало гибель детей или родителей» (Tac. Ann. XIV. 17). В итоге разбушевавшиеся помпейские «фанаты» были наказаны запретом на организацию гладиаторских игр в течение долгих десяти лет. Правда, три года спустя это жесткое решение было отменено, возможно, в связи с поразившим город мощным землетрясением 62 года н. э., ставшим предвестием уничтожившей его катастрофы. Надо полагать, что даже сокращенный срок наказания был для жителей Помпей тяжелым испытанием, и событие, которое ему предшествовало, часто вспоминали.

Один из помпейских гладиаторов, успевший обзавестись собственным домом, заказал художнику представить стычку между помпейцами и нуцерийцами в настенной росписи. Здание амфитеатра изображено на фреске с высоты птичьего полета. Мы можем видеть сцену боя на арене, натянутый над частью зрительских мест веларий, вокруг скопище различных лавок со всякой снедью и мелкими товарами для пришедших на представление людей, и буквально повсюду — де-

рущихся горожан. Вероятно, такие кровавые побоища могли периодически происходить и в других городах. Впрочем, это и неудивительно при огромной популярности отдельных гладиаторских школ или типов гладиаторов. Отражением такого состояния умов является разнообразная сувенирная продукция, связанная с тематикой игр. В то время любой мог приобрести и хранить в доме в качестве памятной вещицы зеркало, статуэтку, столовую посуду, светильник, стеклянный стакан или рукоять ножа и многое другое, где были запечатлены наиболее выдающиеся местные бойцы. Довольно часто образы героев арены сопровождалась их именами. Некоторые из них, например гладиаторы Петраит и Прудент, не только воспроизведены на помпейской фреске, но и упоминаются в «Сатириконе» Петрония. Особой популярностью пользовался сюжет со сценой отказа от продолжения сражения, то есть момент, когда публика распоряжалась судьбой побежденного человека. В терракотовых медальонах II века из Южной Галлии указывалось не только имя гладиатора, но и его заслуги, число одержанных побед и каким образом он закончил свою жизнь. Определенным спросом пользовались даже вошедшие в повседневный обиход тарелки и светильники с изображением смертников, растерзанных львами и быками.

Об особой популярности гладиаторских игр, прежде всего на территории Италии, говорит тот факт, что здесь обнаружены остатки 99 амфитеатров, сооруженных за счет городской казны или частных лиц, иногда при финансовой поддержке самого императора. Многие из них возведены по образцу Колизея — в Сполето, Путеолах, Пренесте и других городах. В качестве наиболее характерного примера можно упомянуть украшенный арками и статуями амфитеатр в Капуе, перестроенный в конце I — начале II века н.э. Впрочем, провинциальные итальянские амфитеатры, дошедшие до наших дней, не всегда демонстрируют хорошую сохранность. В Вероне на знаменитой «Арене», где периодически ставятся оперы Дж. Верди, почти полностью уцелели места для зрителей, зато от внешней стены осталось всего несколько пролетов.

На средства частных граждан — магистратов, женщин и даже вольноотпущенников, среди которых было достаточно богатых людей, — были построены пятнадцать итальянских амфитеатров. В Тибуре (Тиволи) 20 тысяч сестерциев на строительство амфитеатра согласно завещанию своего отца пожертвовал Марк Туллий Руф. В Казине (Монтекассино) богатая дама Умидия Квадратилла, которую упоминает в своей переписке Плиний Младший, сделала родному городу просто роскошный подарок — амфитеатр и храм. Конечно, все это не было чистой благотворительностью. Наряду с проявлениями местного патриотизма явно прослеживается желание прославить самих себя. При Тиберии, как уже упоминалось, даже пришлось ограничить участие частных граждан в подобных начинаниях из-за несоблюдения в ряде случаев необходимых технических требований. При императоре Траяне дело дошло до того, что был принят закон, согласно которому человек, начавший строительство амфитеатра за собственный счет, брал на себя обязательство довести его до полного завершения. С III века, когда империя вступает в полосу кризиса, сооружение амфитеатров на частные средства почти прекратилось. От следующего столетия до нас дошла всего лишь одна надпись, связанная со строительными работами в амфитеатре. Она сообщает о том, что некто Лоллий Кирий, глава городской курии, вернул в прежнее состояние обветшавший старый амфитеатр, то есть речь идет просто о реставрации прежней постройки.

За пределами Италии амфитеатры становятся признаком принадлежности к Римской империи. Больше всего их — тридцать шесть — обнаружено в Северной Африке. Самый лучший, получивший прозвище «Сморщенный Колизей», находится в Фисдрусе (Эль-Джем, Тунис). Действительно, он лишь немногим уступает по масштабам амфитеатру Флавиев — размеры по главным осям 148 на 122 метра, высота наружных стен достигает 36 метров. Возведение амфитеатра такого уровня могли позволить себе только преуспевающие горожане. И не случайно строительство его началось после 238 года, когда восставший против непомерно высоких налогов Фисдрус выдвинул своего претендента на император-

ский трон — проконсула провинции Африка Марка Антония Гордиана. И когда в Риме окончательно утвердился его внук, Гордиан III, город не был обойден вниманием и финансовой поддержкой юного императора, который обеспечивал ему свое высокое покровительство. Для строительства амфитеатра, в котором принимало участие около двадцати четырех тысяч человек, использовался песчаник, доставлявшийся из каменоломни на берегу Средиземного моря. Места, располагающиеся тремя ярусами на шестидесяти довольно мощных аркадах, могли вместить сорок пять тысяч зрителей, то есть практически все взрослое население города. В центре напротив выхода, через который на арене появлялись гладиаторы, находилась почетная ложа, вытянутая в высоту на два яруса. Под рядами сидений для зрителей сохранились высокие сводчатые галереи, игравшие роль своеобразных фойе. Возможную давку исключала хорошо продуманная система лестниц. На случай дождливой погоды были предусмотрены специальные трубы, служившие для отвода воды. Ниже уровня арены по продольной оси амфитеатра проходит туннель, связанный боковыми проходами с секциями, где находились клетки для диких зверей и помещения для гладиаторов. Эти небольшие комнатки были обнаружены археологами еще в 1904 году. Тогда же установили, что на арену из помещений под ней поднимались по пологому пандусу, проходя через двери по обеим ее сторонам. Всего таких дверей было восемь: из них две парадные, шириной около 4,5 метра, для торжественных процессий в начале и конце представления, и шесть более узких, обычных.

Совершенно особые сооружения — навахи — предназначались для проведения дорогостоящих морских сражений, в которых участвовали десятки кораблей с тысячами гребцов и воинов. Среди них, видимо, преобладали либурны — наиболее типичные корабли римского военного флота водоизмещением до 80 тонн с двумя рядами весел по каждому борту и шестьюдесятью гребцами. Длина их составляла около 34 метров при ширине 5 метров. В носовой части, ниже уровня воды, у них находились остроконечные тараны, обшитые листами бронзы. При умелом маневрировании та-

раном можно было пробить дыру в обшивке вражеского корабля и потопить его. На платформах, расположенных в носовой и кормовой частях судна, обычно размещалось сорок воинов, готовых, если возникнет возможность, ринуться на борт корабля противника и немедленно вступить в бой.

Большой частью навахи проводились на искусственных озерах в самом Риме. Первое из них, как уже говорилось, было выкопано в 46 году до н. э. на Марсовом поле, где над большим неглубоким водоемом выстроили диковинное для римлян здание со скамьями для зрителей. Следующая навахия состоялась только 44 года спустя после освящения Августом храма Марса Мстителя, построенного в честь Юлия Цезаря, которого император в силу усыновления почитал как своего отца. На правом берегу Тибра, в районе, известном в наши дни как Трастевере, выкопали бассейн длиной более 500 метров и шириной около 350 метров и наполнили его свежей водой из ближайшего источника, подведенной по акведуку длиной 24 километра. Посередине озера насыпали искусственный остров диаметром около ста метров в соответствии с запланированной инсценировкой исторического события — знаменитого сражения у острова Саламин, где в 480 году до н. э. греческий флот одержал победу над персами. Историческая точность, конечно, не имела здесь никакого значения. Достаточно было ярко раскрасить «персидские» корабли в соответствии с римскими представлениями о восточной роскоши. Выбор сюжета навахи из области истории Греции или Востока определялся в этом, да и в других случаях, нежеланием римлян видеть, хотя бы и ненастоящее, поражение своих военных сил. Это был грандиозный спектакль, только актеры погибали в нем на самом деле. В проведении зрелища, организованного Августом с участием трех десятков военных кораблей и еще большего количества судов меньших размеров, было занято более 3 тысяч человек, очевидно, набранных среди приговоренных к смерти преступников. По мысли дальновидного императора сооружение в целом было продумано таким образом, чтобы в будущем использовать его как городское водохранилище.

Развлечения на воде устраивали и другие повелители Рима, стремившиеся превзойти своих предшественников. Так, в навмахии Нерона, устроенной в возведенном на Марсовом поле деревянном амфитеатре, оборудованном сложной водопроводной системой, перед «морским» сражением между «афинянами» и «персами» показали чудовищных рыб и морских животных, а после — быстро спустили воду и на сухом дне провели гладиаторские бои (Dio Cass. LXI. 9). Продолжали иногда использовать и созданный в свое время по приказу Августа бассейн для навмахий. Еще одно грандиозное зрелище было организовано здесь по случаю открытия Колизея. По завершении большой навмахии на озере возвели помост для проведения венацио и гладиаторских боев. Одновременно небольшие корабли сразились прямо на заполненной водой арене нового амфитеатра, имитируя известное сражение 434 года до н. э. между керкирянами и коринфянами. На третий день состоялась новая «историческая» навмахия между «афинянами» и «сиракузянами», причем «афинянам», в реальности проигравшим битву 413 года до н. э., удалось не только одержать победу на воде, но и, высадившись на небольшом острове, захватить возведенную на нем «крепость» (Dio Cass. LXVI. 25. 4).

Последние упоминания о таких представлениях относятся к III веку. Одно из них стало верхом излишества, когда не знавший меры император Гелиогабал (218—222) приказал наполнить доверху вином прорытые для него каналы (Ael. Lampr. Geliog. XXII. 1). Конечно, не обошлось без навмахии и на праздновании тысячелетия города Рима в 248 году при императоре Филиппе Арабе (244—249). Наконец, самым поздним из известных нам «морских» представлений стала навмахия, устроенная Аврелианом (270—275).

Организация гладиаторских игр на суше или на воде была сложной и дорогостоящей задачей. В Риме официальным организатором (эдитором) игр являлся, как правило, император. Фактически же эта обязанность была возложена на городских чиновников — преторов или квесторов, которые не зависели от рыночной стоимости игр, поскольку у их повелителя хватало собственных гладиаторов, поставлявшихся

принадлежавшими ему школами. В провинции организацией игр должны были заниматься магистраты, которые могли тратить на эти нужды часть поступавших к ним доходов. Порой это ставило должностных лиц буквально на грань разорения. При Марке Аврелии и Коммодe для небольших городов максимум расходов определялся усреднением счетов за предшествовавшие десять лет. Чтобы превысить допустимое число гладиаторов, нужно было обращаться за специальным разрешением в сенат либо к самому императору.

Провинциальные эдиторы прежде всего заключали договор с ланистой, сразу оговаривая в деталях, сколько и каких гладиаторов требуется представить для продажи или аренды. В последнем случае наниматель платил полную стоимость только за убитых и небольшую сумму за выступления оставшихся в живых. Один сохранившийся юридический документ сообщает среднюю цену за убитого или тяжело раненого гладиатора — четыре тысячи сестерциев. Поэтому никто из организаторов не был заинтересован в массовом уничтожении профессионалов на арене, особенно ланиста, который в таком случае лишался ценного товара и гарантированного источника дохода в будущем.

Часто уровень гладиаторских игр в провинциях был довольно невысоким. Скептический взгляд на подобного рода представления отразил Петроний, современник императора Нерона, в своем романе «Сатирикон», где один из персонажей рассуждает следующим образом: «...что хорошего сделал нам Норбан? Дал гладиаторов дешевых, полудохлых, — дунешь на них, и повалятся; и бестиариев видывал я получше; всадников, которых он дал убить, можно было счесть за челоуечков с щитка светильника — сушие цыплята: один — увалень, другой — кривоногий, а тертиарий-то (в данном случае секундант побежденного гладиатора. — В. Г.) — мертвец за мертвеца, с подрезанными жилами. Пожалуй, еще фракиец был ничего себе: дрался по правилам. Словом, всех после секли; а вся публика кричала: “Наддай! Настоящие зайцы!”» (Petр. 45).

Очень важно было привлечь внимание народных масс к предстоящим играм объявлениями. Они писались крас-

ной краской на стенах домов и общественных зданий или читались глашатаями на городских площадях. Как правило, в них указывалось следующее: событие, по поводу которого проводятся игры, имя эдителя, количество пар гладиаторов и наименование их группы («фамилия гладиатория»), перечислялись прочие элементы программы, например звериная травля, выступления атлетов, казни преступников. Нередко заранее объявлялось о бесплатном приложении в виде тента от солнца, раздачи подарков или разбрызгивания благовоний. Комфортные условия, конечно, были весьма привлекательным моментом: ведь благовония или своеобразный дождь из цветов так освежали в душной атмосфере амфитеатра. К тому же многих любителей гладиаторских игр манила возможность получения всяческих подарков — «разных птиц по тысяче в день, снедь любого рода, тессеры (жетоны. — В. Г.) на зерно, платье, золото, серебро, драгоценные камни, жемчужины, картины, рабов, скотину, даже на ручных зверей, а потом и на корабли, и на дома, и на поместья» (Suet. Ner. 11. 11). Все было делом случая — их просто бросали в народ.

Объявления об играх и бонусах для зрителей сохранились на помпейских улицах, например, «20 пар гладиаторов Децима Лукреция Сатрия Валента, бессменного фламينا Нерона Цезаря, сына Августа, и 10 пар гладиаторов Децима Лукреция, сына Валента, сразятся в Помпеях за 6, 5, 4, 3 дня и накануне апрельских ид, а также будет охота по всем правилам и веларий. Написал Эмилий Целер, один при лунном свете». Другие надписи были менее многословными: «Гладиаторы Н. Попидия Руфа будут биться с 12-го дня до майских календ; будет звериная травля». Иногда такая реклама политиков местного масштаба делалась более долговечной. В тунисском городе Сусе сохранилась мозаика жившего в III веке эдителя игр Магерия, украшенная надписью, до небес возносящей этого человека и устроенные им игры. Особенно подробно представлена там сцена травли леопардов, погибающих под ударами копий четырех венаторов. В центре мозаики слуга с длинными волосами держит поднос с четырьмя мешочками по тысяче сестерциев в каждом. По обе сторо-

ны от него длинная надпись следующего содержания: «Через глашатая заявляю о событии, господа мои, чтобы представители школы Телегении получили вознаграждение за вашу благосклонность, дайте им взамен за одного леопарда по пятьсот монет». Надо полагать, эта фраза прозвучала на арене, призывая к вознаграждению охотников за их выступление. Продолжение надписи напоминает стенограмму, передающую живую атмосферу переполненного толпой зрителей амфитеатра: «Приветственные крики: твой пример — образец для будущих устроителей гладиаторских игр. Столько, сколько ты заплатил за это зрелище, только устроители давно ушедших времен платили. С какими иными гладиаторскими играми могут сравниться эти?! Да и когда это было?! Устрой игры, как это делают квесторы, устрой: это будет твой день — Магерий, плати! [следуют возгласы]. Вот что значит — быть богатым! Быть богатым — значит быть всемогущим. Уже ночь: пусть твои венаторы из школы Телегении уйдут с твоих игр с вознаграждением».

Кроме надписей-извещений, были и своего рода программки — листки, в которых сообщались все подробности, касающиеся игр. В помпейском амфитеатре сохранились нацарапанные прямо на стене программы двух дней гладиаторских боев с перечислением имен сражавшихся гладиаторов, указанием типа вооружения и списком побед каждого бойца. Позднее сюда внесли результаты поединков с пометками, кому из побежденных сохранили жизнь, а кто был убит.

Своеобразная иллюстрированная программа гладиаторских игр с отражением их результатов была представлена на рельефах гробницы молодого дуумвира Авла Умбриция Скавра в живописнейшем месте за Геркуланскими воротами в Помпеях⁴⁴. В комичном виде мода на подобные изображения представлена у Петрония следующим образом. Персонаж «Сатирикона» Трималхион говорит скульптору: «Я очень прошу тебя, изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита гладиатора, чтобы я по милости твоей еще и после смерти пожил» (Petр. 71). К сожалению, помпейские рельефы, свидетельствующие о высоком социальном статусе владельца гробницы, не

сохранились и известны лишь по зарисовкам художников XIX века. Тем не менее даже в копиях они производят сильное впечатление, поскольку проникнуты идеей борьбы, где для всех ее участников существует только один выбор: победа или смерть. В частности, в различных вариантах даны сцены звериной травли, например, антилопа, загнанная собаками, и преследуемый ими дикий кабан. Далее на памятнике Скавра присутствует бестиарий, дразнящий медведя лоскутом материи, и несколько венаторов: один вонзает в грудь упавшего медведя копьё, другой пронзил насквозь промчавшегося мимо огромного быка.

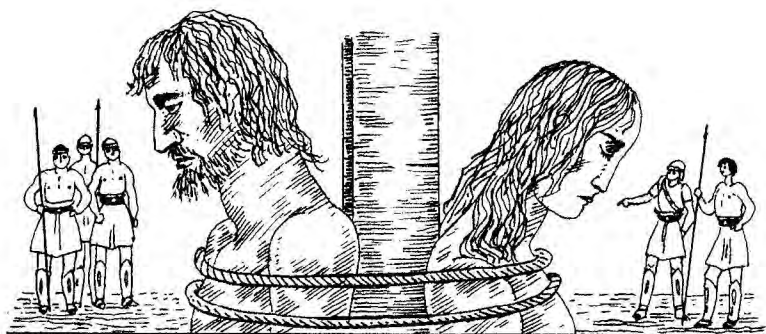
Большая часть изображений связана с поединками гладиаторов, относительно которых сообщаются их имена, принадлежность к определенной школе (в данном случае все юлианцы), число побед и исход последней схватки. К сожалению, не все надписи можно разобрать, тем не менее содержащуюся в рельефах информацию о вооружении и доспехах гладиаторов трудно переоценить. Серия соответствующих сцен открывается изображением двух всадников (эквитов) — Бибриса (15 побед) и Нобилиора (11 побед), из которых первый нападает, а второй вяло защищается. В следующей паре, уже пеших бойцов, впереди стоит полный достоинства мирмиллон, раненный в грудь и опершийся на щит. Он поднял вверх руку с вытянутым пальцем, прося у публики помилования, и спокойно ожидает своей участи; за ним — столь же спокойный его победитель-фракиец. Третья пара выглядит гораздо оживленнее. Слева опытный гопломах (34 победы) готовится нанести смертельный удар побежденному сопернику — мирмиллону (15 побед). Тот ранен в грудь, бросил щит и поднял левую руку с просьбой о пощаде, с опаской оглядываясь назад. Далее обращает на себя внимание группа из четырех фигур, отличающихся размерами. Слева два крупно изображенных бойца, один из которых, левша по имени Ипполит, вонзает меч в горло побежденного гладиатора, обхватившего его колено. Справа — две небольшие фигуры ретиариев с трезубцами. Наконец, в последней паре этого ряда секутор-победитель театральным жестом вскидывает щит, видимо, ожидая восхищенной реакции публики,

а рядом проигравший схватку фракиец жестом просит, чтобы его «отпустили» с арены. На рельефе, расположенном выше, представлены еще две пары гладиаторов. Слева мирмиллон, которого судья удерживает от нападения на бросившего щит раненого фракийца; справа другой фракиец, судя по всему, нанесший удар краем щита своему падающему противнику-мирмиллону.

Всех участников предстоящих игр обычно заранее показывали зрителям, выводя их на форум, а вечером, накануне игр, устраивали для них угощение, при этом любой человек имел туда свободный доступ, мог вблизи рассмотреть всех героев арены и оценить их шансы на победу.

Глава 6

Один день из жизни гладиаторов

Попробуем представить себе, как протекал обычный день, связанный с традиционной программой гладиаторских игр, например во времена правления императора Траяна. Рано утром у входа в амфитеатр собирается многотысячная толпа, ожидающая вождельного зрелища. Люди берут напрокат подушки, чтобы высидеть целый день на каменных скамьях, бурно обсуждают зверей, которых они увидят, достоинства и недостатки сегодняшних бойцов, едят, пьют, заключают пари. Приличная публика занимает нижние места, тогда как выше шумят и отпускают остроты ремесленники, погонщики мулов, солдаты и крестьяне. Представление открывается прохождением торжественной процессии — помпы. Сначала на арене появляются музыканты и четыре человека, несущие на плечах носилки со статуями богов — покровителей города. За ними идут люди с табличками, где перечисляются приговоры для преступников и указывается состав пар гладиаторов. Далее шествуют ликторы — охрана эдителя (организатора) игр, он сам в роскошной праздничной одежде и его помощники, демонстрирующие всем сверкающие шлемы

Один день из жизни гладиаторов _____ 117

и щиты гладиаторов. Неимоверный шум производит большой отряд трубачей, после которого последними обходят арену наиболее ожидаемые участники представления — венаторы, эквиты, ретиарии, фракийцы, мирмиллоны и другие гладиаторы.

Все знают, что утренняя часть программы включает травлю зверей и казни. Вслед за показом экзотических животных зрители видят чудеса дрессировки: обезьян, подобно наездникам, скачущих на лошадях или собаках; танцующих слонов и многое другое. Наконец наступает время схваток между крупными и опасными животными, которых полуголые бестиарии понуждают к этому хлопаньем бичей, уколами или горящими головнями. Наибольший восторг вызывают представленные пары: лев — тигр, медведь — зубр и носорог — бык. Скоро всеобщее внимание привлекает носорог, которого долго пытались раздражить красной тряпкой. Постепенно его маленькие сонные глазки наливаются страшной яростью, и он, низко нагнув неуклюжую голову, неожиданно бросается на выставленного против него быка. Тело животного взлетает в воздух и бесформенной массой падает на песок. Теперь носорог устался на медведя, успевшего в тяжелой схватке победить зубра, и стремительно атакует могучего зверя. Тот, заревев, встал на задние лапы и пытается навалиться на своего врага сверху, но и его поразил удар тяжелого двойного рога. Спасаясь от него, заматавшиеся по арене лев и тигр не смогли ее покинуть и вскоре с безопасного расстояния были перебиты стрелами. Наконец носорога загоняют в клетку, а трупы павших животных вытаскивают и засыпают оставшиеся кровавые пятна свежим песком.

Далее на арене устанавливают двадцать вырванных с корнями деревьев, присыпав их у основания камнями, и выпускают среди этого подобия зеленеющего леса достаточно безобидных животных: антилоп, оленей и диких ослов. Их безжалостно начинают истреблять конные венаторы, вооруженные дротиками и луками со стрелами. Впрочем, заметно, что такая охота мало возбуждает чувства зрителей. Они ждут другого — боя пешеходных бойцов с хищниками — львами и лео-

пардами. Наконец эти звери, выпущенные из клеток, наполняют амфитеатр своим рычанием. Одновременно по краям арены устанавливаются различные приспособления для защиты «охотников» на случай непредвиденной ситуации. Вот один из них, стремительно преследуемый львом с роскошной темной гривой, укрылся и переводит дух за большой деревянной дверью, вращающейся вокруг своей оси, другой залез в деревянную бочку. От зрительских мест несется недовольный ропот: пресыщенным римским гражданам хочется видеть подлинное искусство в противостоянии человека и зверя. Какой-то венатор выходит против разъяренного леопарда вообще без оружия, лишь с длинной палкой в руках. Когда тот, припав к земле, готовится кинуться на человека, он с помощью шеста делает огромный прыжок, перелетает через растерявшегося хищника и убегает. На смену выходит более опытный боец, который не собирается отступать перед натасканным на убийство страшным противником, хотя стоит хоть немного зазеваться, и зверь вцепится клыками прямо в шею, одновременно разрывая когтями грудь. В этот момент на арену выпускают любимца публики — медведя по кличке Круделис («Жестокий»). Лишь на секунду леопард отводит взгляд в его сторону, и тяжелое охотничье копьё тут же впиывается ему в ребра. Хлынувший из раны поток крови толпа приветствует восторженными криками. Через минуту серьезно задетый ударом львиной лапы другой боец поднимает вверх указательный палец и этим знаком просит разрешения покинуть арену, но разгоряченные зрители вопят, чтобы он продолжал сражаться. В то же время раненому медведю оказали милость и сохранили жизнь.

После небольшого перерыва с помощью зверей производятся казни преступников: отравителей, насильников и дезертиров. Десяти из них выдают для защиты только короткие копья, предоставив шанс дорого продать свою жизнь. Остальных просто выставляют привязанными к столбам и совершенно беспомощными перед свирепыми хищниками. Это зрелище не для слабонервных, особенно когда клыки впиваются прямо в лицо обреченного на страшную смерть человека, превращая его в какую-то кровавую маску. В цен-

тре арены на кресте распят недавно захваченный разбойник, которого долго терзает тигр, быстро возбудившийся от запаха льющейся кругом крови. Скоро гибель настигает и других преступников, тела которых, разорванные в клочья, валяются на песке арены.

Наконец из подземной тюрьмы наверх поднимают кучку истерзанных пытками людей, среди которых много стариков и женщин. Многие зрители, увидев их, возбужденно кричат: «Смерть христианам, которые не хотят почитать жертвами наших богов!» Как бы в ответ им стоявший в центре обреченных на растерзание людей христианский епископ с фанатичным блеском в глазах громко и отчетливо произносит: «Да стану я пищей диких зверей! Я есмь пшеница Господня, и их зубы превратят ее в хлеб для Иисуса Христа. Разве приведут меня в трепет львы, когда увижу их? Пусть затрешат мои кости! Пусть все члены мои превратятся в кровавое месиво, пусть испытаю адовы муки, но зато я вознесусь к Иисусу!» Очень быстро то, о чем он говорил, начинает сбываться. Огромные голодные львы, которых специально не кормили несколько дней, начинают кружить вокруг плотно сбившихся вместе мучеников и выхватывать одну жертву за другой, пока все они не погибают. Особый номер запланированной программы, которого ждали многие, — казнь молодой христианки, предварительно подвергнутой бичеванию. Во время предшествующих игр она уже появлялась на арене, но звери ее не тронули. Всем интересно, а что произойдет сейчас? Неужели христианский бог снова ее спасет? Кто-то вспомнил и рассказал чудесную историю, случившуюся во времена императора Августа: «Она началась с того, что раб Андрокл, пытаясь избежать наказания, сбежал от своего жестокого хозяина в африканскую пустыню. Там, в одной из пещер, он наткнулся на страдающего от сильной боли льва с глубоко засевшей занозой в лапе. Раб набрался мужества и помог зверю, а благодарный лев стал каждый день приносить ему пищу. Эта дружба продолжалась, пока Андрокл, устав от одиночества, не покинул пещеру. Его схватили солдаты, за побег он был осужден и попал в Рим как приговоренный к смерти через растерзание.

Мозаика со сценой поединка двух эсседариев из Куриона (Кипр)

Но ему повезло: на арене оказался знакомый лев, пойманный охотниками и тоже доставленный в столицу империи. Вместо того чтобы растерзать человека, он стал ласкаться и улегся у его ног. Более того, зверь стал защищать друга от нападений других животных. Удивленный Август подзвал Андрокла к своей ложе. Тот объяснил странное поведение хищника, и, к всеобщей радости, император повелел избавить его от казни, даровал свободу и даже напоследок подарил льва». «Думаю, на этот раз чуда не произойдет», — сказал кто-то из зрителей. И действительно, когда жертву посадили в ивовую корзину, оставив на растерзание доведенному до бешенства быку, тот убил мученицу, несколько раз высоко подбросив рогами ее тело.

Около полудня на смену кровавым казням под музыкальное сопровождение труб, цимбал и водяных органов приходит следующий этап игр — выступления комических актеров и состязания атлетов. Среди последних выделяются пегниарии (от *греч.* — «игра») в перехваченных поясом длинных штанах с обмотками. Они бьются между собой палками и кнутами и расходятся без тяжелых ран, наградив друг друга только синяками и ссадинами. Еще один элемент этой части представления — казнь преступника, которую обставили как пышное театральное действо. Предварительно глашатай объявил, что зрители увидят наказание Иксиона, согласно греческим мифам посягнувшего на Геру, супругу Зевса. Осужденного на смерть человека, облаченного в пропитанные воспламеняющейся жидкостью роскошные одеяния, привязывают к вращающемуся колесу. Когда его поджигают, он долго извивается в пламени, как будто исполняя какой-то странный танец.

После небольшого перерыва возбужденные зрители снова занимают свои места, предвкушая кульминацию программы в виде гладиаторских боев, пришедшихся на вторую половину дня. Перед их началом на арену выходят рабы и заново посыпают ее чистым песком. Одновременно на огромных мачтах, подобно парусам, растягивают разноцветные тенты — спасительную защиту от палящего зноя. Теперь солнце освещает только арену.

Мозаика из Куриона (Кипр)
с изображением боя между фракийцем и провокатором,
который останавливает судью

Бои начинаются разминкой с использованием безопасного деревянного оружия. В показательных выступлениях по собственной инициативе даже приняли участие два городских магистрата, чтобы показать, что подлинное мастерство доступно не только гладиаторам. Между тем зрительское нетерпение нарастает, и вот наконец сигнал трубы подает знак к началу более серьезной борьбы. После публичной проверки настоящего оружия его тут же пускают в ход. Первыми это делают два молодых эсседария, Эллин и Жемчуг, вихрем промчавшиеся по арене, демонстрируя искусство управления лошадьми и колесницей. Показав различные акробатические трюки с оружием, они спешили и сходятся в поединке. В руках у них мечи с клинками без обычного острого завершения, они как будто обломлены. Ряд удачных колющих выпадов заканчивается для обоих гладиаторов только легкими поверхностными ранениями, правда, впечатлившими зрителей обилием пролитой крови. В целом особого восторга эта схватка не вызвала, недаром говорят, если тебе приснился эсседарий, то жена достанется глупая и ленивая.

Потом на арене выступают конные бойцы — эквиты. Вслед за ними выходят два отряда грегариев. Начинается массовая резня, которая настолько захватывает зрителей, что крики толпы напоминают завывания бушующего моря. Многие вскакивают и топают ногами. Особенно удачные выпады сопровождаются бурными рукоплесканиями, просчеты — оглушительным свистом. Тех, кто стремится убить противника сразу, громко бранят, как и тех, кто пытается сберечь силы. На уклоняющихся от сражения бойцов обрушивается буря негодования: «Почему он так трусит мечей и не умирает с охотой?» С робкими грегариями особо не церемонятся — их гонят в бой факелами, раскаленными железными прутьями или бичами. Когда схватка заканчивается, тела погибших на всякий случай — вдруг кто-то просто притворился мертвым — прижигают раскаленным железом и утаскивают крюками через Порта Либитина (Ворота Смерти).

Когда публика достаточно разогрелась, приходит очередь выступления первоклассных гладиаторов, сражающихся по-

парно. Предварительно глашатай громко произносит их имена и перечисляет победы. Одна схватка продолжается пятнадцать-двадцать минут, и в течение часа следуют два-три боя, за которыми внимательно наблюдают главный судья по имени Дарий и его ассистент. Они держат длинные палки, которые немедленно пускаются в ход, чтобы остановить поединок, если у одного из бойцов сломалась деталь экипировки. Это случилось во время затянувшегося противостояния фракийца Лутраса и провокатора Астианакта. У каждого на счету было по три схватки, и Дарий по ходу дела порой выкрикивал советы, как атаковать или защищаться. Несколько раз он объявлял дилидиум (временный перерыв), чтобы участники поединка могли привести себя в порядок. Невежливо подвижный фракиец постоянно кружил вокруг своего противника и атаковал, пытаясь найти слабое место в его обороне. Наконец умело защищавшийся провокатор с более тяжелым вооружением выдохся, бросил щит и поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем в знак того, что не может продолжать сражаться и сдается. Судья тут же встает между победителем и побежденным и прекращает бой. Все взгляды устремляются на эдителя игр, от решения которого зависит дальнейшая судьба побежденного. Чувствуя, что провокатор вызвал симпатию людей, поднявших вверх правую руку со сжатым кулаком, он отпускает его живым.

Иначе закончился поединок мирмиллона Астака и гопломаха Родана. Последний действовал вяло и неумело, из-за чего сломал свое копье и сдался. В данном случае общее мнение было единодушным: вытянутые вперед руки демонстрируют его недвусмысленно — добить. После вынесения смертельного приговора гопломах спокойно встает на колени перед победителем и подставляет спину под меч противника. Последний удар наносится сверху вниз через ключицу и проникает глубоко в сердце. Напряженно следившая за этим толпа, как один человек, откликается: «Habet!» («Получил!»). В минутной тишине кто-то произносит: «Вот что значит умереть как гладиатор».

Другой финал поединка намечился на противоположном конце арены. Ретирий Календий долго кружил вокруг секу-

тора Деметрия, пытаясь выбрать наиболее удачный момент для нападения. Наконец он резко останавливается, и через мгновение его противник оказывается в ловушке, под тяжестью опутавшей со всех сторон сети. Секатор не успевает опомниться, как получает страшный удар трезубца, но, скользя по поверхности прочного шлема, смертоносное оружие застревает в ячейках грубо переплетенных веревок. Деметрий использует свой последний шанс и, отступив назад, увлекает за собой ретиария. Один выпад короткого меча — и на груди Календия появляется глубокая рана, из которой струей бьет кровь. Судьба упавшего на песок арены гладиатора решена. Он в любом случае не сможет подняться и умереть красиво, поэтому его добивает ударом тяжелого молота в висок специальный служитель.

Участники еще одного парного боя мирмиллон Приск и фракиец Вар мужественно сражались, но оказались равными по силе и мастерству. В конце концов, обессиленные, они одновременно опускаются на колени. Бой закончился вничью. Публика показала, что хочет отпустить Приска и Вара с арены, и разразилась громкими рукоплесканиями, которые еще больше усиливаются после распоряжения эдителя о том, чтобы обоим гладиаторам вручили деревянные мечи в знак получения свободы. Кроме того, они получают денежные призы и победные пальмовые ветви. Ответственно размахивая ими, два героя завершившихся игр в числе других победителей совершают по арене круг почета. Осталось только убрать тела павших, чем занялись два человека: один в костюме и маске Меркурия, проводника душ умерших, другой — Харона, перевозчика душ через реку Стикс в подземном царстве. Они грузят убитых на тележку и везут ее в сполиарий для обмывания тел и подготовки их к погребению. Туда же направляются суеверные люди, готовые за несколько ассов купить «целебную» кровь гладиаторов, чтобы давать ее больным эпилепсией. Приобретают такую кровь и для других целей: многие верят, что если смочить ею наконечник железного копья и расчесать им волосы невесты во время свадебной церемонии, то счастливая семейная жизнь обеспечена.

Вечером результаты выступления тщательно вносят в послужные списки гладиаторов, навсегда закрыв некоторые из них. Для этого применяют следующие обозначения: V (от *vicit* — «победил»), M (*missus* — «отпущен»), P (*perit* — «погиб»), иногда ST.M (*stans missus*) или M. P (*missus, perit*), что означало в первом случае ничью, а во втором — помилованного, но затем умершего от ран бойца⁴⁵.

Глава 7 Герои арены на службе у римских политиков

На излете существования Римской республики и в императорский период гладиаторы нередко превращались в существенный фактор внутренней политики не только как средство воздействия на массы через зрелишные представления, но и просто как вооруженная сила, которую в сложной ситуации можно было использовать на городских улицах в качестве охраны или для устранения соперников в борьбе за власть. Во времена гражданских войн многие богатые и знатные люди стали формировать личные гладиаторские отряды, как это сделал, например, Публий Корнелий Сулла, родственник уже покойного к тому времени диктатора (*Cic. pro Sull. 19. 54*). Появились патриции, ставшие владельцами собственных гладиаторских школ, питомцы которых становились послушными исполнителями чужой воли. Они могли помочь хозяину проложить дорогу через разъяренную толпу или разоружить нападающего. В 63 году до н. э., когда рвавшийся к власти Луций Сергий Катилина вербовал сторонников и готовил мятеж, сенат даже принял специальное ре-

шение о размещении отрядов гладиаторов из Рима в Капуе и других городах (Sallust. De Catil. 30. 7).

По тому же пути пошел Публий Клодий, народный трибун 58 года до н. э. Авантюрист по натуре, он с помощью отрядов, сформированных из числа людей без определенных занятий, вольноотпущенников и рабов, среди которых были и гладиаторы, проводил нужные решения через народное собрание и угрожал своим врагам в сенате. Эти обстоятельства заставили одного из преторов включить гладиаторов в свою свиту (Cic. pro Sest. XXXIX. 85). Влиятельный противник Клодия народный трибун Тит Анний Милон действовал таким же образом (Cass. Dio. XXXIX. 9; Cic. pro Sest. XLI. 88). Спустя несколько лет между их сторонниками на улицах Рима стали происходить настоящие сражения. Утром 18 января 52 года до н. э. случайная встреча двух непримиримых противников на Аппиевой дороге закончилась тем, что два известных гладиатора из свиты Милона, Евдам и Биррия, затеяли ссору с людьми Клодия. Когда тот обернулся на шум, один из гладиаторов пронзил ему плечо копьем (Asc. Ped. Comm. pro Mil. 5). Рабы отнесли Клодия в ближайшую таверну, где его вскоре обнаружили и добились, нанеся множество ран. Сторонники погибшего ответили на это массовыми убийствами и грабежами. Надо полагать, что гладиаторы продолжали принимать в этих событиях самое непосредственное участие.

Еще до начала очередного витка гражданских войн собственной гладиаторской школой в Капуе, одной из лучших, обзавелся Юлий Цезарь. По словам Светония, «знаменитых гладиаторов, в какой-нибудь схватке навлекших немилость зрителей, он велел отбивать силой и сохранять для себя. Молодых бойцов он отдавал в обучение не в школы и не к ланистам, а в дома римских всадников и даже сенаторов, которые хорошо владели оружием; по письмам видно, как настойчиво просил он следить за обучением каждого и лично руководить их занятиями» (Suet. Div. Jul. 26. 3). В конце концов в Риме скопилось так много гладиаторов Цезаря, что в 49 году до н. э. Помпей, опасаясь их совместного выступления в поддержку его политического оппонента, распределил этих людей между римскими семьями в качестве телохранителей (App. Bell.

Civ. I. 14. 4). Прочие столичные гладиаторы, видимо, были не прочь выступить на стороне той политической группировки, которая предложила бы им достаточно крупную сумму за услуги. В марте 44 года до н. э. участники хорошо подготовленного заговора против ставшего диктатором Юлия Цезаря собирались использовать такую потенциальную вооруженную силу для своей защиты в случае провала. Николай Дамасский сообщает, что по настоянию претора Децима Брута, в прошлом одного из любимых военачальников Цезаря, множество гладиаторов было спрятано в портике между курией Помпея и театром его же имени. Само присутствие их там не должно было вызвать подозрений, так как в это время в городе происходили игры, и Децим Брут тоже собирался устроить представление (Nic. Dam. Vita Aug. XXVI. 98). После убийства диктатора «гладиаторы, которые уже с утра были вооружены для показа зрелища, теперь прибежали из театра к ограде сената, а самый театр опустел, так как зрителей охватили страх и ужас, и все пустились в бегство. Все товары были расхищены. Все закрывали двери и готовились защищаться с крыш» (App. Bell. Civ. II. 118). Только когда заговорщики стали кричать, что они убили царя и тирана, населению Рима стало известно о происшедшем.

Не доверяя народу и ветеранам Цезаря, в большом количестве находившимся в городе, убийцы вместе с гладиаторами решили захватить и укрепить Капитолий (App. Bell. Civ. II. 120). В первые два дня к ним присоединилось много людей, но потом, когда из соседних городов пришли колонисты, которым Цезарь роздал там надель, и обещали его товарищу по консульству Марку Антонию отомстить за смерть своего благодетеля, многие из лагеря заговорщиков рассеялись. «Тогда они, оставшись без людей, стали набирать гладиаторов и других, у кого была непримиримая вражда к Цезарю» (Nic. Dam. Vita Aug. XVII. 49), и спустились с Капитолия, только получив обещание безопасности от Антония, который к тому времени успел собрать большую военную силу.

Преданных ему лично гладиаторов Децим Брут продолжал держать при себе и позднее в качестве своего рода гвардии. Они отправились вместе с ним на север Италии, когда был

назначен наместником провинции Цизальпийская Галлия. Но уже в декабре 44 года до н. э. у него вспыхнул конфликт с лидером цезарианцев Марком Антонием, который привел к так называемой Мутинской войне. Дециму Бруту удалось удачно избежать полевых сражений и закрепиться в богатом и удобном для обороны городе Мутине. Согласно Аппиану, его войско, выдержавшее более чем четырехмесячную тяжелейшую осаду, «состояло из множества гладиаторов и трех легионов тяжеловооруженных» солдат (App. Bell. Civ. III. 49).

Два года спустя, уже после смерти Децима Брута, гладиаторов включил в состав своего войска Луций, брат Марка Антония. Спеша установить контроль над Римом, он «послал туда вперед три отряда, которые ночью вступили тайно в город; сам он последовал за ними с многочисленным войском, конницей и гладиаторами» (App. Bell. Civ. V. 30). Позже вынужденный покинуть столицу Луций Антоний ушел на север и укрепился в Перузии, где был окружен армией еще одного претендента на власть — Октавиана. Скоро всякое сообщение осажденного гарнизона с внешним миром полностью прервалось после возведения обводной стены с деревянными башнями и рвом. Конечно, воины Луция пытались этому помешать, и неудивительно, что в рукопашных стычках, когда не требовалось действовать в строю, особенно хорошо проявили себя гладиаторы: «в этих боях они истребили большое количество людей» (App. Bell. Civ. V. 33). Однажды под стенами Перузии во время внезапной для противника вылазки отряд гладиаторов едва не захватил совершавшего жертвоприношение вражеского полководца — самого Октавиана (Suet. Aug. 14). Какая судьба постигла этих людей после капитуляции Луция Антония и сражались ли они на арене по случаю победы Октавиана? Об этом остается только догадываться.

После завершения Перузинской войны римской знати уже не разрешалось содержать целые отряды гладиаторов. В дальнейшем традиция их использования для усиления личной охраны была в полной мере унаследована только императорами. Например, Калигула поставил гладиаторов-фракийцев во главе своих германских телохранителей (Suet.

Cal. 55. 2), а Нерон во время своих хулиганских вылазок на ночные улицы столицы «окружил себя воинами и большим числом гладиаторов, которые оставались в стороне от завязавшейся драки, пока она не отличалась особой ожесточенностью, но если подвергавшиеся нападению начинали одолевать, брались за оружие» (Tac. Ann. XIII. 25). Впрочем, они могли стать и участниками убийства носителя высшей власти. Вот что рассказывает Светоний о смерти Домициана: Стефан, управляющий его племянницы Домициллы, тайно пронес во дворец кинжал, подал императору записку о якобы раскрытом заговоре и, пока тот читал, «нанес ему удар в пах. Раненый пытался сопротивляться, но... декурион спальников Сатур и кто-то из гладиаторов набросились на него и добились семью ударами» (Suet. Dom. 17. 1–2).

Иногда гладиаторов продолжали использовать в качестве армейского резерва в военных конфликтах. После смерти Нерона претенденты на трон неоднократно зачисляли их на службу для усиления собственных армий. В итоге только у признанного сенатом императора Отона в период его борьбы с получившим поддержку легионов в Германии Вителлием таких воинов набралось до двух тысяч, что соответствовало примерно восьмой части от общего числа гладиаторов на территории империи⁴⁶. Как писал Тацит, это была «постыдная разновидность вспомогательного войска, которой, однако, в пору гражданских войн не брезговали и более взыскательные полководцы» (Tac. Hist. II. 11). Столь резкий отзыв обусловлен тем, что лишь в отдельных случаях гладиаторы добивались успеха, например под командованием Марция Макра, консула 69 года в войске Отона. «Человек храбрый и решительный, он на лодках перевез через Пад отряды гладиаторов и внезапно появился с ними на том берегу реки. Вспомогательные отряды вителлианцев были смяты, те, кто оказал сопротивление, вырезаны, остальные бежали по направлению к Кремоне» (Tac. Hist. II. 23). Дальнейшие действия отоновских гладиаторов были менее удачны. Отборные бойцы из числа тех, кто сражался под началом Марция Макра, попытались на быстроходных судах отбить остров посреди реки Пад, занятый германскими воинами Вителлия,

но «по своему боевому опыту не смогли сравниться с солдатами, да и стрелять с качающихся кораблей им было гораздо труднее, чем германцам, стоявшим на твердой земле. Они перебегали от одного борта к другому, суда от этого раскачивались все сильнее, пока наконец бойцы, назначенные первыми выскочить на берег, не смешались в одну беспорядочную толпу с гребцами. Тут-то германцы по мелководью бросились к кораблям, хватались за корму, вскакивали на борт, тащили суда за собой и топили их» (Тас. Hist. II. 35), а в конечном итоге сражение закончилось тем, что гладиаторы Отона, не привыкшие сражаться в боевых порядках, были разбиты, и «немалое число их положили на месте» (Plut. Oton. 10). Позднее, когда воины из состава этого подразделения, «которые считались и искушенными, и отважными в рукопашных схватках», еще раз предприняли попытку переправиться через реку, отряд батавов, служивших Вителлию, атаковал непосредственно их корабли (Тас. Hist. II. 43). «Лишь немногие из гладиаторов выдержали их удар, остальные бежали к реке, натолкнулись на выстроенные там вражеские когорты и все до последнего погибли в бою» (Plut. Oton. 12).

После смерти Отона остатки его гладиаторов перешли на сторону Веспасиана, которого в борьбе за трон поддержали легионы, размещенные в Сирии и Иудее. Впрочем, и ему от них было мало толку: при штурме войсками утвердившегося в Риме Вителлия одного из городов в Средней Италии всего «несколько гладиаторов оказали отпор врагу и дорого продали свою жизнь, остальные устремились к кораблям, где их ждала та же гибель» (Тас. Hist. III. 77). Продолжение борьбы сторонников Веспасиана против императора Вителлия привело к обострению ситуации в государстве. Военных сил катастрофически не хватало, и опять пришлось прибегнуть к помощи гладиаторов. Чтобы переломить ход событий в лучшую для себя сторону, Вителлий отправил в Кампанию, где от него отпали флот и прибрежные города, своего брата с военными кораблями, «новобранцами и отрядом гладиаторов... Но повсюду он был или разбит, или предан» (Suet. Vit. 15. 1–2). Приведенные примеры показывают, что обученные единоборству гладиаторы, как правило, плохо взаи-

модействовали в строю и, во всяком случае, не принесли особого успеха своим военачальникам.

Позднее Марк Аврелий в период затяжной войны 167–174 годов на дунайской границе с германскими племенами квадов и маркоманнов пополнил свои изрядно поредевшие войска специальным отрядом из гладиаторов, присвоив ему многообещающее название «Услужливые» (Iul. Capit. M. Anton. XXI. 7). Правда, это не прибавило ему популярности в народе: люди говорили, что, «отняв развлечение, он хочет заставить народ заниматься философией» (Iul. Capit. M. Anton. XXIII. 5). В последний раз римская армия была усилена гладиаторами из знаменитых капуанских школ во время гражданской войны 193 года по личному почину любившего поупражняться с гладиаторским оружием императора Дидия Юлиана, ожидавшего подхода к Риму войск своего соперника Септимия Севера (Ael. Spart. Did. Iul. VIII. 3; IX. 1).

Глава 8 Спартакоская война и другие восстания гладиаторов

Среди известных нам примеров участия гладиаторов в войнах на первом месте не только по хронологии, но и по своему масштабу, безусловно, стоит грандиозное движение рабов под предводительством Спартакоса (73–71 до н. э.), которое считается одним из самых значительных проявлений кризиса Римской республики в I веке до н. э. Начало восстанию было положено группой рабов-гладиаторов из частной школы Лентула Батиата в Капуе. Среди двухсот обитателей здешних казарм нашлись люди, которые не желали стать предметом развлечения для римской публики и были готовы рискнуть жизнью ради свободы. Никто из них не был запятнан какими-либо преступлениями, и попали они в эту школу «исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиатора» (Plut. Crass. 8). Мы знаем, что Спартакос выступал на арене в качестве мирмиллона (Flor. III. 20. 12). При этом, судя по тому, что с ним была жена, он находился в несравненно лучшем положении, чем все остальные, ведь избранным профессионалам в таком

случае полагалась отдельная комната или комнаты. Тем не менее он принял участие в заговоре, который был раскрыт, но несколько десятков человек (античные авторы называют разные цифры — от 30 до 78), вооружившись кухонными ножами и вполне способными заменить копья длинными железными вертелами, напали на стражу и вырвались на свободу. Среди выбранных ими предводителей наряду с фракийцем Спартакосом упоминаются еще двое — галлы Крикс и Эномай (Oros. V. 24. 1).

Кто же такой был Спартакос и как он попал в Италию? К сожалению, его жизнь до гладиаторской школы во многом окутана тайной. Одно мы знаем вполне определенно: его родиной была Фракия — страна на севере Балканского полуострова, а если более конкретно — область племени медов, упоминаемых Страбоном в числе «народностей, чрезвычайно склонных к разбойничеству» (Strab. VII. 5. 12). Если попытаться нанести на современную политическую карту территорию их обитания в среднем течении реки Стримон, на западных отрогах Родопских гор, то она сопоставима с Юго-Западной Болгарией, где в городе Сандански установлен памятник Спартакосу. По словам историка Луция Аннея Флора, сначала он был римским «солдатом из фракийских наемников», затем дезертировал и стал разбойником, и только потом, когда он попал в плен к римлянам, за огромную физическую силу его продали в гладиаторы (Flor. III. 20. 8; см. также App. Bell. Civ. I. 116). Отсюда по крайней мере ясно, что Спартакос какое-то время провел в римской армии. Как и когда это могло произойти? Исходя из анализа исторической ситуации, можно предположить здесь какую-то связь с событиями 85 года до н. э., когда римский полководец Сулла в период войны с понтийским царем Митридатом VI Евпатором вторгся «в страну медов и, сильно опустошив ее», заключил с ними мир (Plut. Sulla. 23; Eutrop. V. 7. 1). Одним из условий этого договора могло быть право набора наемных воинских контингентов.

За время своей военной службы Спартакос успел основательно познакомиться с организацией и тактикой римской армии, достигнув, быть может, командных должностей.

Позднее это дало Юлию Цезарю повод упомянуть о пользе, которую принес восстанию рабов «полученный от нас опыт и дисциплина» (Caes. De bello Gall. I. 40). Служба Спартака продолжалась скорее всего до 78 года до н. э. Именно в этом году Аппий Клавдий Пульхр в ранге проконсула Македонии начал покорение той области Фракии, которую занимали меды. Видимо, это и послужило причиной дезертирства молодого фракийца, превратившегося в «разбойника», воевавшего с римлянами. Сколько лет могла продолжаться его вооруженная борьба за свободу, трудно сказать, но восннные действия во Фракии велись почти три года, завершившись в 75 году до н. э. В любом случае для нас важен тот факт, что еще до пребывания в гладиаторской школе будущий вождь восстания уже обладал вполне определенными военными навыками.

Из общей массы рабов Спартак выделялся «выдающейся отвагой и физической силой», а «по уму и мягкости характера» вообще больше походил на эллина и человека более высокого положения, чем то, в котором он оказался (Plut. Crass. 8). В этих словах Плутарха, одного из самых образованных людей своего времени, скрыта очень лестная оценка человека, бывшего по происхождению варваром, но носившего имя, принадлежавшее к числу тех, что бытовали в среде фракийской знати. Если следовать предложенной выше схеме, то Спартаку, когда он попал в гладиаторскую школу, было около тридцати лет, так что авторы поставленного в Болгарии памятника, изобразив его в расцвете сил, наверно, были не так уж далеки от истины. Ведь в гладиаторы отдавали, как правило, молодых людей, чтобы максимально продлить срок их выступлений на арене, обычно не слишком долгий. Сорок пять лет, до которых дожил мирмиллон Ульпий Феликс, — это самый высокий возрастной предел для действующих профессионалов, известный по дошедшим до нас надписям⁴⁷.

Но вернемся к выступлению гладиаторов из школы Лентула Батиата, которое стало сигналом для начала великого восстания. Уже на этом этапе к беглецам присоединилось более десяти тысяч рабов (Flor. III. 20. 3), которые волей

случая наткнулись на повозки с гладиаторской экипировкой, перевозившейся в другой город. Мгновенно расхватав мечи (Vell. Pat. II. 5), они, видимо, легко справились с охраной городских ворот и бежали из Капуи, по пути отбирая кинжалы и дубины у случайных путников. Римские власти сначала не придали большого значения этому инциденту. Конечно, несколько отрядов были посланы в погоню за рабами, но те не только отбили нападение, но и захватили большое количество воинского снаряжения, при этом свое гладиаторское вооружение бросили как позорное и недостойное (Plut. Crass. 9). Преодолев расстояние, примерно равное одному дневному переходу (около 35 километров), восставшие укрылись на давно потухшем вулкане Везувий, который стал для них, используя выражение Флора, своеобразным «алтарем Венеры» (Flor. III. 20. 4), возле которого по традиции рабы получали свободу.

Такое место мало соответствовало задачам обороны и устройства укрепленного лагеря. Очевидно, в этих целях восставшие использовали примыкающую к скалам древнего кратера с юга и юго-востока плоскую террасу. Туда вела только одна узкая и чрезвычайно крутая тропинка, которую было удобно охранять, но вскоре доступ наверх преградил посланный против мятежных рабов военный отряд численностью в три тысячи человек под командованием претора Гая Клавдия Пульхра, родственника того самого проконсула Македонии, который вел военные действия в Южной Фракии и, возможно, стал виновником превращения Спартака из свободного человека в раба (Flor. III. 4. 6).

Римский военачальник, казалось, правильно рассчитал, что голод и жажда в конце концов вынудят восставших сдаться. Однако он глубоко заблуждался. Люди Спартака сплели прочные лестницы из лесных прутьев и лозы дикого винограда, а потом благополучно спустились со скал. Здесь следует обратить внимание на сообщение Флора о том, что осажденные «опустились через жерло поллой горы и сошли к самой ее подошве» (Flor. III. 20. 4). Очевидно, они воспользовались тем, что не столь высокий отвесный склон внутренней стороны кратера, естественно, не охранялся. Среди воинов Спар-

така должны были быть люди, хорошо знавшие эту местность, и они могли показать незаметный выход из кратера к подножию горы. Обойдя римлян с тыла, мятежники неожиданно, скорее всего на рассвете, напали на их лагерь и навели «такой страх, что несколько когорт потерпели поражение от семидесяти четырех гладиаторов» (Front. Strat. V. 21). Римляне были разбиты наголову и в страшной панике бежали, и все же сообщение о численности нападавших, безусловно, является преувеличением и отражает только роль гладиаторов как командиров в повстанческом войске. Кстати, один из них, Эномай, если понимать буквально сообщение Павла Орозия о его смерти (Oros. V. 23), погиб именно в этом бою.

После первой победы восставшие, по-видимому, оставили прежние позиции и разместились на территории бывшего римского лагеря у подножия вулкана. Вскоре сюда стали стекаться сельские и городские рабы из ближайшей округи, пастухи — «народ все крепкий и проворный» — и даже кое-кто из «свободных с полей» (App. Bell. Civ. I. 116). Конечно, большей частью эти люди не имели военного опыта, но под началом Спартака одни из них «стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных» (Plut. Crass. 9). Тогда же, видимо, было положено начало формированию конницы, достаточно многочисленной за счет использования бывших пастухов.

Период временной передышки вождь рабов использовал для усиленной подготовки своих воинов к противостоянию с Римом. Он проявил прекрасные организаторские способности, создав в кратчайшие сроки свою армию по образцу римской, лучшей для того времени. Надо полагать, что основными подразделениями в ней, как и у римлян, были легионы, формировавшиеся, судя по всему, на определенной этнической основе. Соответственно, каждый легион численностью не менее 4800 человек состоял из десяти когорт, имевших самостоятельное тактическое значение. По-видимому, восставшие использовали и принятые у римлян воинские знаки, удобные для управления войсками в бою. В их обозе, судя по ряду упоминаний древних авторов, находилось все необходимое для развертыва-

ния мастерских по изготовлению оружия (Flor. III. 20. 6; App. Bell. Civ. I. 116).

Благодаря усиленной подготовке и постоянно приобретаемому боевому опыту воины Спартака скоро прекрасно усвоили, как им реагировать на те или иные действия врага. Роль инструкторов по многим вопросам, в том числе и относительно обращения с оружием, в данном случае продолжали играть первоначальные участники восстания — гладиаторы (Flor. III. 20. 2). Правда, оружия катастрофически не хватало. Очевидно, к этому периоду относится сообщение Фронтинна о том, что «у Спартака и его войска были щиты из прутьев, покрытых корой» (Front. Strat. VII. 6), и Саллюстия о беглых рабах, обжигавших «на огне копья, которыми, хотя они не походили на оружие, пригодное для военных действий, можно было разить врага точно так же, как железными» (Sallust. Hist. III. 96). Конечно, со временем ситуация должна была измениться, и после ряда победных сражений воины Спартака вряд ли особенно отличались от римлян по составу наступательного и защитного вооружения.

Между тем в Риме по-прежнему продолжали рассматривать действия Спартака как обыкновенные разбойничьи нападения, и скоро была предпринята еще одна попытка изолировать восставших в районе Везувия. К горе подошли значительные военные силы под командованием претора Публия Вариния Глабра, численностью не менее двух легионов. Спартак, как показали дальнейшие события, никогда не упускал случая уничтожить силы противника поодиночке, в полной мере используя прекрасно знакомую ему тактику ведения боя в горной и пересеченной местности. Образно выражаясь, он «побеждал римлян тем, что избегал невыгодных сражений», выжидая удобный момент для нападения на врага⁴⁸. Вступив в бой с передовым отрядом из трех тысяч человек во главе с Фурием, легатом Вариния, гладиаторы обратили его в бегство. Затем настал черед большего по численности и расположившегося отдельным лагерем войска Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности. Спартак подстерг его и едва не взял в плен, когда тот купался близ Салин, селения между Геркуланумом и Помпе-

ями. Преследуя по пятам бежавшего римского военачальника, он после кровопролитного боя захватил его лагерь. Сам Коссиний при этом погиб (Plut. Crass. 9).

От известия о поражении Коссиния армия Вариния пришла в полное смятение, началось бегство солдат. Эти обстоятельства, а также заболевшие от суровой непогоды люди заставили римского полководца разбить «неподалеку от врага лагерь» и укрепить его валом и рвом (Sallust. Hist. III. 96). Организованная Варинием блокада лагеря повстанцев, где, несмотря на перебои с продовольствием, поддерживалась строгая дисциплина, оказалась достаточно жесткой, но и на этот раз Спартак удачно использовал очередную военную хитрость. Римляне были обмануты тем, что он оставил в лагере трубача для подачи обычных сигналов, приказал воткнуть в землю перед воротами столбы с небольшими интервалами, привязал к ним стоямя трупы в одежде и с оружием, так чтобы на расстоянии они казались часовыми, и развел по всему лагерю костры (Front. Strat. V. 22). Во вторую ночную стражу, то есть около полуночи, мятежникам удалось скрытно в полном молчании вывести свое войско и надолго оторваться от преследования. «Вариний же, когда совсем рассвело, тщетно ожидал, что беглецы начнут обычную перебранку и станут швырять камни в лагерь, а кроме того, возникнет шум, беспорядок и слышны будут громкие возгласы со всех сторон» (Sallust. Hist. III. 96). Скоро стало ясно, что следы противника потеряны, и римский полководец, опасаясь засады, отступил в надежде скоро пополнить свое войско.

Когда Вариний все же отважился напасть на новый лагерь Спартака, его сопровождали не испытанные ветераны, а наспех собранные случайные люди, совсем не рвавшиеся в бой. Вопреки здравому смыслу Вариний неосмотрительно повел «быстрым шагом к лагерю новых и незнакомых ему беглых солдат, к тому же напуганных чужими неудачами, хранящих молчание и вступающих в сражение вовсе не с тем мужеством, какое от них требовалось» (Sallust. Hist. III. 96). Между тем среди вождей восстания вспыхнули раздоры из-за плана дальнейших действий. Как писал Саллюстий, «Крик и его соплеменники — галлы и германцы — рвались вперед,

чтобы самим начать бой, а Спартак отговаривал их от нападения» (Sallust. Hist. III. 96). Вероятно, его план заключался в том, чтобы дать противнику растратить силы при штурме лагеря, а потом нанести ему неожиданный удар. Детали этой битвы нам не известны, зато итог очевиден: Вариний не только потерпел поражение и потерял свои полевые укрепления, но и в столкновении с самим Спартаком утратил коня, ликторов — свою почетную стражу, и чуть было сам не попал в плен (Plut. Crass. 9). Когда весть об этом разнеслась повсюду, на многих в Италии она, конечно, произвела впечатление. Вождь восставших рабов еще раз показал себя великолепным тактиком, умело сочетающим оборону и нападение, военные хитрости и сокрушительные атаки.

Флор писал, что отнятые в ходе сражений у преторов (Клавдия и Вариния. — *В. Г.*) фасции — связанные ремнями красного цвета пучки березовых или вязовых прутьев, в которые на период ведения военных действий втыкали по двустороннему топору — мятежники отдали своему предводителю (Flor. III. 20. 7). Отсюда можно сделать вывод о том, что в итоге у него оказалось такое количество этих знаков власти, какое положено консулу, то есть двенадцать. Вряд ли приходится сомневаться в том, что с этого времени Спартак носил консульское облачение, набрал ликторов и пользовался этими символами достоинства высшего должностного лица в Римской республике, чтобы еще больше возвыситься в глазах своих воинов и тех италийцев, которые встали на его сторону.

Теперь многие из восставших требовали идти навстречу врагу, «полагаясь безрассудно на прибывающие к ним огромные силы и на свою храбрость... большинство же — из-за того, что, будучи рабами по натуре, хотели лишь пограбить и проявить свою жестокость...» (Sallust. Hist. III. 98). В конце концов Спартак сумел доказать преимущества следующего решения: не вступая в соприкосновение с врагом, двинуть армию в соседнюю область — Луканию, чтобы пополнить ее отборными воинами из числа рабов-пастухов. С помощью подходящего проводника из пленных отрядам рабов удалось незаметно подойти к Луканским Нарам, а оттуда так же скрытно, на

рассвете — к Форуму Анния. И вот здесь до тех пор сдерживаемые страсти, обуревавшие многих повстанцев, вырвались наружу. Примкнувшие к восстанию случайные люди, пренебрегая приказом Спартака о тайном и быстром передвижении, хватали и насиловали девушек и матрон, «поджигали дома, а многие местные рабы, естественные союзники беглых, тащили добро, спрятанное их господами, и самих их вытаскивали из потаенных мест; гнев и произвол варваров не знал ничего святого и запретного» (Sallust. Hist. III. 98). Спартак был бессилён бороться с этим, хотя много раз просил быстротой действий предупреждать известия о происшедшем. По-видимому, именно тогда произошло следующее сражение, в котором потерпел неудачу еще один римский военачальник, Гай Тораний: его лагерь тоже был захвачен рабами. Это поражение отдало в руки войска восставших почти всю Южную Италию. Снова и снова по пути его движения вспыхивала жестокая резня, горели усадьбы и поселения, страшному опустошению, грабёжам и кровопролитию подверглись такие города, как Нола и Нуцерия в Кампании, Фурии, Консенция и Метапонт в Лукании. Наконец Спартак отдал приказ разбить лагерь на обширной равнине среди еще стоявших на полях созревших осенних хлебов, где можно было не испытывать никаких проблем с продовольствием.

Итак, в ходе кампании 73 года до н. э. римлянам был нанесен серьезный урон, а численность войска Спартака за счет продолжавших приходить к нему беглых рабов, крестьян, пастухов и перебежчиков, напротив, достигла 70 тысяч человек. Тогда же, видимо, при наличии захваченных табунов коней в армии рабов началось новое усиленное формирование отрядов кавалерии из числа все тех же пастухов со скотоводческих пастбищ Лукании и Апулии. Мятежники ковали оружие и собирали припасы, готовясь к продолжению войны.

Весной следующего года Спартак, по словам Плутарха, «стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию» (Plut.

Grass. 9). Общая политическая ситуация в этот момент складывалась для Рима крайне сложно, и не один только Спартак занимал умы римских граждан. Незадолго до бегства гладиаторов из Капуи на востоке началась уже третья по счету война с понтийским царем Митридатом VI Евпатором (111–63 до н. э.), отвлекшая на себя лучшие военные силы государства во главе с наиболее одаренным римским полководцем Луцием Лицинием Лукуллом. В Испании еще с 80 года до н. э. велась безуспешная война с мятежным военачальником Квинтом Сергаторием, который, подчинив своему влиянию испанские племена, сумел создать там своего рода «государство в государстве» с «сенатом» из 300 римских эмигрантов. В 72 году до н. э. могущество Сергатория оказалось подорвано действиями отправленной в Испанию армии Гнея Помпея. Теперь, когда положение сергаторианцев, располагавших еще достаточно большой военной мощью, становилось все более сложным, в Риме появились слухи о скором нападении на Италию «второго Ганнибала». Если бы это произошло, вывести восставших за пределы Апеннинского полуострова, конечно, было бы несравненно легче.

Только тогда римский сенат в полной мере осознал всю серьезность положения и отправил на борьбу с рабами обоих консулов 72 года до н. э. — Гнея Лентула Клодиана и Луция Геллия Публикола, каждый из которых после произведенного набора солдат вел за собой два легиона. Относительно первого из упомянутых полководцев можно сказать, что это был не самый лучший выбор, поскольку на его счету числились только неудачные действия против сергаторианцев в Испании под началом Гнея Помпея, тогда как Луция Геллия все знали как достаточно опытного в военном отношении человека. Кстати, тогда под его командованием служил ставший позднее известным политическим деятелем Катон Младший (95–46 до н. э.). Он вступил в армию добровольно, что для представителей «золотой молодежи» периода заката Республики было большой редкостью, из-за своего брата, назначенного на должность военного трибуна. В биографии Катона Плутарх приводит некоторые детали этой кампании, которые отчасти объясняют причины постигших римлян не-

удач, и на контрасте с его поведением демонстрируют состояние римской армии на тот момент: «...начальники вели войну плохо, все же среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда солдатами, он обнаружил такое умение повиноваться, столько выдержки, столько отваги, неизменно соединявшейся с трезвым расчетом», что «Геллий отметил его наградами и славными почестями» (Plut. Cat. 8).

План консулов заключался в действиях против Спартака сразу на двух направлениях: с севера наступал Лентул, с юга — Геллий. Казалось, ситуация безвыходная, но тут от войска восставших, продолжившего движение в сторону Альп, отделился двадцатитысячный отряд Крикса. Он занял позиции у горы Гаргана, на поросшем дубовым лесом полуострове между устьем реки Френто и городом Сипонтом, к востоку от дороги, по которой шла армия под командованием Геллия, нависая над ее правым флангом. Предполагать в такой сложный момент сознательный раскол армии рабов из-за принципиальных разногласий между ее вождями нет никаких оснований. Стратегически это был верный ход: если бы римляне продвинулись дальше, то оказались бы под угрозой нападения с тыла сил, численно превосходивших воинов Геллия почти вдвое.

Верный сподвижник Спартака выполнил свою задачу: дал ему возможность оторваться от преследователей и с основными силами оказаться один на один с двумя легионами Лентула, но сам, как и две трети его воинов, погиб в ожесточенной битве с отправленным против него Геллием претором Квинтом Аррием (Liv. Ep. 96). Это поражение стало тяжелым ударом для восставших, тем не менее бывший гладиатор вновь проявил себя как блестящий полководец и смог, умело маневрируя, успешно разгромить армии консулов поочередно. Первым пришлось спасаться бегством Гнею Лентулу, а затем, после очередной упорной битвы, уже и виновникам смерти Крикса, Луцию Геллию и Квинту Аррию. Римляне отошли с поля боя в полном беспорядке, многие из них попали в плен, был потерян весь обоз. Тремстам из них пришлось на деле познать, какие чувства испытывали выходившие на арену люди. В данном случае все они были вынуждены сра-

жаться между собой подобно гладиаторам, чтобы стать своеобразной жертвой у погребального костра погибшего Крикса, тело которого доставили в лагерь Спартака. Флор, достаточно злобно относившийся к рабскому предводителю, по этому поводу писал: «Он совершал погребения своих павших вожаков — с почетом, подобающим полководцам, и приказывал пленным сражаться вокруг погребального костра, как будто хотел искупить позор гладиаторской службы, став устроителем игр» (Flor. III. 20. 9). Возможно, это было не столько проявлением мести по отношению к римлянам, сколько данью традиционным представлениям соплеменников Крикса и Эномая о проходах героя в загробный мир.

Двигаясь к Альпам вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова через города Фирм, Анкону, Аримин, Мутину на Плаценцию, Спартак одерживал все новые и новые победы. Очень важной для осуществления его дальнейших планов была битва при Мутине, сильной крепости на пути к реке Пад (совр. река По). Там он встретился с десяти тысячным войском наместника Цизальпинской Галлии Гая Кассия Лонгина, который «был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством» (Plut. Crass. 9). Не более успешно пытался остановить армию Спартака и отряд претора Гнея Манлия (Liv. Ep. 96), который до того был известен только тем, что во времена диктатуры Суллы нажил себе большое состояние за счет конфискации имущества осужденных на казнь. Провинция, захваченная Спартаком, была исключительно богатой: она изобиловала хлебом и виноградниками, славилась небывалыми урожаями гречихи и проса, в широко раскинувшихся дубовых лесах кормилось желудями огромное количество диких и домашних свиней. Здесь армия Спартака отдохнула после боев и пополнила свои ряды, вероятно, за счет рабов и перешедших на его сторону галльских крестьян.

Наконец, когда, казалось бы, на пути к альпийским перевалам не осталось никаких препятствий, вождь восстания неожиданно отказался от прежнего плана и повернул обратно. Удовлетворительного объяснения такой перемены замыслов нет. Многие исследователи полагали, что рабов

могли испугать неблагоприятные условия местности или тяжесть перехода через горы, либо на настроения восставших повлияли их италийские победы и ненависть к Риму. Высказывалось также мнение, что Спартак мог поддерживать контакты с Серторием и двигался на соединение с ним для дальнейших совместных действий в Испании, но, со смертью Сертория от руки убийцы, такая необходимость отпала.

Действительно, такие контакты между всеми антиримскими силами, действовавшими одновременно в различных областях Средиземноморья, включая Митридата VI Евпатора, были вполне возможны⁴⁹, особенно если учесть, что союзниками понтийского царя были киликийские пираты, с которыми приходилось иметь дело и Серторию, и Спартаку. Но, к сожалению, никаких документальных свидетельств, дающих полное представление о дипломатии Сертория, не сохранилось. Помпей, опасаясь каких-либо разоблачений и обострения политической ситуации, сжег, не читая, всю его переписку, где были послания от «некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию» (Plut. Crass. 20). Существующие версии причин изменения планов Спартака можно дополнить предположением, что, учитывая заметное увеличение численности его армии в Цизальпинской Галлии, на этом этапе восстания весьма значительную, если не большую часть его участников составили те, кто связывал свою дальнейшую судьбу именно с Италией и не собирался никуда уходить.

Так или иначе, известие о разгроме серторианцев означало, что теперь некому сковывать действовавшую против них закаленную в боях армию Гнея Помпея, и она в скором времени может появиться на Апеннинском полуострове. Видимо, именно тогда в окружении Спартака возобладало мнение о нанесении внезапного удара по Риму или возвращении на юг Италии с тем, чтобы переправиться на остров Сицилию и превратить его в свою новую базу. Восставшие двинулись в обратную сторону, и тогда Рим «оказался охвачен не меньшим страхом, чем когда он дрожал, крича, что Ганнибал у во-

рот» (Oros. V. 24. 5). Правда, Спартак, будучи вполне разумным человеком, все-таки повел свою армию не на столицу государства, а по старой Эмилиевой дороге к слабо укрепленным городам Кампании и Лукании. Для быстроты передвижения был отдан суровый приказ: «...сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке» (App. Bell. Civ. I. 117). Перебежчики, во множестве приходившие со всех сторон, не принимались. В области Пицен войско мятежных рабов снова попытались остановить объединенные силы двух консулов, и опять они были разбиты.

Узнав об этих неудачных действиях, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места. Теперь Спартак окончательно доказал, что его победы не были случайностью. Римские военачальники вынужденно признали: этот бывший раб действительно обладает огромным военным талантом. Из массы не привыкших к военной дисциплине людей, без денег, не имея базы для изготовления в нужных количествах вооружения, создать боеспособную армию и наносить в течение долгого времени тяжелые поражения знаменитым римским легионам мог только выдающийся полководец и организатор.

Теперь никто из влиятельных римлян не решался рискнуть своей военной репутацией и взять на себя столь неблагоприятное дело, как командование в «рабской войне». Единственным человеком, выдвинувшим свою кандидатуру, оказался самый богатый и влиятельный на тот момент человек в Риме — Марк Лициний Красс (114—53 до н. э.). С одной стороны, он был известен своими сомнительными денежными операциями, с другой — обладал достаточными познаниями в области военного искусства. В молодости Красс воевал под командованием своего отца в Испании против племен лузитан, сражался против италиков в Союзнической войне, затем принял активное участие в гражданской войне на стороне Суллы, возглавляя значительную часть его армии. Наделенный сенатом проконсульской властью, он сразу энергично взялся за дело, спешно набрав шесть легионов, к которым он, прибыв на место, присоединил еще два кон-

сульских. Таким образом, с учетом вспомогательных войск под началом этого полководца оказалось не менее шестидесяти тысяч солдат. Это было признанием крайней опасности положения. Обычно считали, что для участия в военных действиях достаточно максимум четырех легионов. Учитывая серьезность положения, за Крассом последовали многие представители знати, кто по дружбе с ним, а кто в силу имевшихся долговых обязательств. Таким образом, среди его офицеров появились тщательно подобранные люди. Среди них можно упомянуть Марка Муммия, потомка видной плебейской фамилии; квестора Гнея Тремеллия Скрофу, друга Цицерона, который отзывался о нем как о «человеке старых правил», «личности в высшей степени совестливой и добросовестной»; Луция Квинкция, народного трибуна 74 года до н. э., занявшего должность начальника конницы.

Поначалу Крассу сопутствовал небольшой успех в битве с повстанцами: шесть тысяч из них были убиты и девятьсот взяты в плен (Oros. V. 6). Тем временем Спартак, никогда не переоценивавший свои силы, использовал любой промах своих врагов. На границе области Пицен два легиона под командованием легата Марка Муммия, судя по всему, из числа полностью деморализованных бывших консульских, были посланы в обход со строгим приказом не вступать в сражение и избегать даже мелких стычек. Однако этот уже достаточно опытный военачальник, видимо, пренебрежительно относившийся к недостойному противнику, горел желанием отличиться и воспользовался первым же случаем завязать сражение. Эта самонадеянность была жестоко наказана: «...многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие» (Plut. Crass. 10). Судя по всему, позорное поражение растерявших боевой дух римских солдат было связано с потерей воинских знаков и прежде всего главных из них — штандартов с изображением орла, символа легиона. Только утратой «знамен» можно объяснить применение Крассом в качестве наказания редко применявшейся, но обычно как раз в таких случаях, крайней и жестокой меры — децимации, когда казнили каждого десятого из проявивших трусость воинов. О масштабах бегства солдат Муммия с по-

ля боя дает представление следующая цифра: одних зачинщиков оказалось пятьсот человек. Их разделили на пятьдесят десятков и из каждого взяли одного смертника, выбирая его по жребию (Plut. Crass. 10). Таким образом, «Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов» (App. Bell. Civ. I. 118). Казнь осужденных сопровождалась жуткими и мрачными обрядами посвящения их подземным богам, совершавшимися у всех на глазах, а производилась она следующим образом: их просто забивали насмерть. Один из младших командиров касался провинившегося, и остальные солдаты били его палками, а иногда и камнями, пока тот не умирал (ср.: Tac. Ann. III. 21). В течение назначенного наказанием срока остальные трусившие легионеры не могли находиться внутри лагерных укреплений и жили перед внешним рвом. На этот период вместо пайка пшеницы их переводили на ячменный хлеб. Показательные суровые меры возымели свое действие: дисциплина и боевой дух римских солдат резко возросли. В дальнейшем, чтобы избежать новых потерь, Красс решил не вступать со своим противником в открытый бой, а постараться измотать его постоянным преследованием и истреблением фуражиров.

Между тем армия рабов, словно зверь в клетке, металась по Италии. Только к концу лета 72 года до н. э. она обосновалась в районе крупного торгово-ремесленного города Фуррии, на время ставшего базой восстания. Приобретая железо и медь за счет общей армейской казны, мятежники хорошо вооружились и стали делать успешные вылазки против римлян, неизменно возвращаясь назад с добычей. Чтобы обуздать растущую алчность людей, Спартак прибег к крайним мерам и запретил в пределах военного лагеря употребление золота и серебра. Так продолжалось, пока, согласно Аппиану, поднявшему свой боевой дух войску Красса не удалось нанести Спартаку двойное поражение, после которого его армия отступила на самый юг Апеннинского полуострова, в область Бруттий.

Добравшись до Мессанского пролива шириной в самом узком месте всего 3,5 километра, Спартак, видимо, рассчитывал быстро переправиться на остров Сицилия, где еще не-

давно бушевали рабские восстания, и можно было попытаться разжечь огонь нового. Очевидно, там планировалось создание запасного плацдарма на случай неудач в Италии, ведь речь шла о высадке на острове всего двух тысяч человек (Plut. Crass. 10). Сам по себе неширокий, на первый взгляд, пролив тем не менее представлял собой серьезную преграду. Он отличается сильным течением (около 9 километров в час), устремляющимся между разбросанными по берегам острыми скалами. Флота у восставших не было, и, по имеющимся сведениям, помощь в осуществлении переправы Спартаку пообещали киликийские пираты, полностью господствовавшие в проливе после уничтожения всего флота Гая Верреса, пропретора Сицилии в 73—71 годах до н. э. Впрочем, даже после получения оговоренной заранее суммы денег ни один пиратский корабль не прибыл в назначенное место. Возможно, такое бездействие диктовалось интересами главного союзника пиратов Митридата VI Евпатора, которому в условиях постигших его неудач важно было сохранение военной угрозы для Рима непосредственно на земле Италии. Изменившиеся обстоятельства тем не менее не заставили Спартак отказаться от самой идеи переправиться на Сицилию, но попытка преодолеть узкий и бурный пролив на плотах из бревен и пустых бочек оказалась неудачной (Flog. III. 20. 13). Между тем сезон, благоприятный для действий на море, закончился, дальше идти было некуда, а обратный путь с Регийского полуострова преградили военные силы Красса.

Осмотрев местность, римский полководец решил, что ввязываться в сражение с армией Спартак не имеет никакого смысла. Сама природа подсказала ему наиболее подходящий план, нацеленный на то, чтобы отрезать мятежных рабов от внешнего мира и заставить их капитулировать. Отдав приказ возвести на перешейке линию укреплений, Красс убивал сразу двух зайцев — «уберечь солдат от безделья и лишить врагов подвоза продовольствия» (Plut. Crass. 10). Тысячи легионеров взялись за кирки и лопаты, и скоро от моря до моря протянулся ров шириной и глубиной около 4,5 метра, укрепленный земляным валом и стеной, поражавшей своей высотой и прочностью.

Сначала эти сооружения мало заботили Спартак, относившегося к ним с полным пренебрежением, но скоро стало ясно, что армия рабов заперта на пространстве, где запасы продовольствия весьма ограничены, несмотря на наличие здесь семи городов с прилегающей сельской округой, в том числе таких известных, как Регий и Локры Эпизефирские. Первая попытка прорыва блокады закончилась неудачей. Как гордо утверждал Аппиан, погибло около шести тысяч восставших, а вечером еще столько же, тогда как потери римлян вследствие укрепления дисциплины составили всего трое убитых и семь раненых (App. Bell. Civ. I. 119). Естественно, эти цифры, отражающие урон, понесенный армией Спартак, абсолютно нереальны.

После постигшей их неудачи рабы уже не атаковали укрепления Красса всеми силами, а беспокоили осаждавших мелкими стычками и неожиданными нападениями, забрасывая ров связками хвороста и поджигая их. Все это должно было держать римлян в постоянном напряжении, под угрозой внезапной попытки прорыва. Одновременно предпринимались действия, способные спровоцировать противника на атаку. Так, однажды Спартак приказал распять пленного римлянина на нейтральной полосе между позициями обеих армий. Красс, убедившись, что «рабская» война — дело тягостное и серьезное, не принял этот вызов. Он предпочитал выжидать и с презрением отверг предложение вступить в переговоры. В чем могла заключаться их суть? Может быть, отчасти некоторый свет на этот вопрос проливает сообщение Тацита, который вспоминал попытку мирных переговоров со стороны Спартак в связи с другим «дезертиром и разбойником» Такфаринатом, вождем африканского восстания 17—24 годов н. э. Этот нумидиец потребовал, угрожая бесконечной войной, предоставить местожительство себе и войску, но также получил решительный отказ (Tac. III. 73).

Наконец, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, Спартак приказал засыпать часть рва землей, ветками, телами убитых пленников и трупами павших лошадей, а затем успел перевести через него третью часть своего войска. Причем это была наиболее мобильная его часть, поскольку

Аппиан сообщает, что Спартак готовил к прорыву конный отряд и решил пойти на риск, когда всадников было уже достаточно (App. Bell. Civ. I. 119–120). Видимо, перед этим был отдан приказ реквизи́ровать всех пригодных для использования в кавалерии коней на полуострове. Прежде всего данная мера должна была коснуться окрестностей городов Гиппоний и Медма, где находились пригодные для коневодства прекрасные луга (Strab. VI. 1. 5). Создается впечатление, что таким образом была реализована еще одна военная хитрость, которая должна была побудить Красса действовать более решительно. В любом случае тот оказывался в невыгодном положении. Если римская армия оставалась на прежних позициях, скованная большей частью войска восставших, то Спартак со своим отрядом получал полную свободу действий в отношении других римских полководцев, которые собирались прибыть в Италию морем. Если же нет, то для римлян возникала угроза нанесения удара с двух сторон. Скорее всего Красс бросил бесполезные теперь укрепления и двинулся вслед за Спартаком, так как для него важно было обеспечить себе численное превосходство в предстоящей битве. Он уже жалел, что ранее писал сенату о необходимости вызвать в Италию войска других полководцев: из Фракии — Марка Лукулла, а из Испании — Гнея Помпея. Слава победителя медленно ускользала из рук Красса, поэтому он должен был спешить окончить войну с мятежниками до появления своих возможных конкурентов. Пока еще главнокомандующий, он предвидел, что в противном случае успех будет приписан не ему, а тому из них, кто явится к нему на помощь.

Между тем путь воинов Спартака лежал к Брундизию, большому порту на Адриатическом море с несколькими прекрасными гаванями, вмещавшими до двухсот кораблей. Стремительный конный рейд и захват Брундизия до начала навигации в апреле позволял воспрепятствовать возможной высадке легионов Лукулла или спокойно дожидаться подхода подкреплений, посадить воинов на корабли и переправить их в порт Диррахий на расстоянии около 260 километров от Италии. Оттуда открывался путь в Грецию или на север Бал-

канского полуострова. Возможно, конечной целью в данном случае представлялся восточный театр военных действий, где у восставших рабов еще оставался потенциальный союзник — непримиримый враг Рима Митридат VI Евпатор.

Однако захватить хорошо укрепленный порт восставшим так и не удалось. Аппиан по этому поводу писал: «когда Спартак узнал, что в Брундизии находится Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло...» (App. I. 120). Конечно, римским историком, писавшим более чем двести лет спустя после описываемых событий, здесь была допущена ошибка. Победитель Митридата в это время находился на Востоке и не покидал театр военных действий. Но дело в том, что и его брат, Марк Лукулл, тоже вряд ли мог высадиться в Брундизии со своей армией в конце зимы — начале весны 71 года до н. э. Во-первых, из-за плохих погодных условий это время не очень подходящее для переправы крупных военных сил, во-вторых, на год, когда завершилась тяжелая война во Фракии, приходится слишком много событий, чтобы уложить их в пределы всего двух, к тому же зимних, месяцев. Длинный список деяний Марка Лукулла в 71 году до н. э. приводит Евтропий: война с бессами и победа над ними в большом сражении у горы Гемы, осада и захват города Ускудам, в котором жило это племя; взятие Кабилы и поход к Дунаю, а затем ко многим городам, расположенным у Понта. В итоге Лукулл опустошил Аполлонию, взял Каллатиды, Парфенополь, Томы, Истр, Бурупаны и только тогда, закончив войну, возвратился в Рим (Eutr. VI. 8. 1). Собственно, в его легионах и не было особой нужды после назначения вторым главнокомандующим в рабской войне Гнея Помпея, вернувшегося из Испании.

Так или иначе, когда надежда на флот, позволявший покинуть Италию, растаяла и одновременно в борьбу скоро должна была вступить новая римская армия, намерения Спартака сразу резко изменились: он вновь сделал своей главной целью разгром Красса и, судя по всему, опять прибег к военной хитрости. Плутарх сообщает о раздорах, очевидно, мнимых, среди восставших, в результате которых от основных сил армии Спартака откололся отряд под командованием Гая

Канниция и Каста, расположившийся в самостоятельном лагере у Луканского озера (Plut. Crass. 11; Liv. Ep. 97). Кстати, Орозий — видимо, более точно, — называет этот отряд вспомогательным войском Спартака (Oros. V. 24. 6). Тит Ливий определяет его численность минимум в тридцать пять тысяч человек, дополнительно указывая, что это были галлы и германцы. Такие силы несопоставимы с третьей войска, которое увел Спартак с Регийского полуострова. Возможно, это действительно был самостоятельный отряд, но из числа тех, что вырвались из бруттийской ловушки позднее и шли на соединение со Спартаком согласно заранее разработанному плану. Вскоре он подвергся нападению со стороны Красса, который стал успешно теснить повстанцев, но внезапное появление воинов Спартака остановило бегство охваченных паникой людей. Красс был вынужден отступить, но ненадолго. Выждав некоторое время, он снова решил напасть на отряд Канниция и Каста, но, чтобы на этот раз предотвратить возможную помощь, расположил свои силы в двух укрепленных лагерях, расположенных вплотную к полевым укреплениям своих противников с одной стороны и Спартака — с другой.

Под покровом ночи Красс вывел все войско из лагерей, оставив в большем, находившемся близ позиций Спартака, чтобы ввести его в заблуждение, свою палатку главнокомандующего. Сам же разместил легионеров в засаде у подножия ближайшей небольшой горы. Далее он отдал приказ Луцию Квинкцию разделить вверенную ему конницу на две части. В задачу одной из них входило завязать бой с войском Спартака и отвлечь его на себя, другая же должна была вступить в сражение с отделившимися галлами и германцами и притворным бегством заманить их подальше, поставив под удар основных сил Красса. Чтобы усилить свои позиции и произвести нападение сразу с нескольких сторон, он отправил 12 когорт с легатом Гаем Помпонием и Квинтом Марцием Руфом в обход горы, на один из окрестных холмов «с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться туда незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лаге-

рем, и отряд оказался... в опасном положении». Но было уже поздно. Развернулось, как писал Плутарх, «самое кровопролитное сражение за всю войну» (Plut. Crass. 11). В решающий момент масса отступавших в беспорядке всадников разделилась, отойдя на фланги, и перед воинами Канниция и Каста неожиданно появились ряды римской пехоты, с криком ринувшейся вперед, а с тыла также с громким криком уже приближались когорты Гая Помпония. Несмотря на стойкое сопротивление — из 12 300 погибших повстанцев только двое были ранены в спину, — разгром был ужасным. Теперь Крассу было чем отчитаться перед сенатом: он сумел вернуть захваченные у римлян в прошлых битвах пять легионных орлов, двадцать шесть воинских значков более мелких подразделений и много других трофеев (Front. V. 34). А ведь если подсчитать число римских легионов, разгромленных воинами Спартака, это всего лишь около половины захваченных ими трофеев! О масштабах поражений, в которых они были утрачены, в глазах самих римлян в сравнительном плане можно сделать вывод на основании письма, направленного Цицерону Сульпицием Гальбой после победы над Марком Антонием в 43 году до н. э.: «...два орла и шестьдесят знамен были захвачены — все Антония! Это было выдающееся достижение» (Cic. Epist. 10. 30). Позднее император Август, узнав об уничтожении германцами трех легионов под командованием Квинтилия Вара и, соответственно, потере трех легионных орлов, на несколько месяцев перестал стричь волосы и бриться, а потом каждый год отмечал день поражения трауром и скорбью.

После неудачи у Луканского озера Спартак, чтобы собраться с силами, временно отступил к Петелийским горам, лежавшим на юго-восток от поля сражения, в хорошо знакомой ему гористой области Бруттий. Командование римской армии было единодушно в том, что, с одной стороны, ему нельзя дать уйти, с другой — надо всячески избегать встречи с Помпеем, которому сенат уже вручил высшие полномочия в ведении этой войны. Преследовать рабов отправились один из легатов Красса Квинт Аррий и квестор Гней Скрофа, видимо, совершенно утратившие чувство опасности. Свою за-

дачу сковать силы восставших мелкими стычками и дожидаться подхода основной части армии Красса они не выполнили. Когда Спартак прекратил отступление и сам атаковал римлян, те «бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора» (Plut. Crass. 11). Судя по тому, что позднее, после разгрома Спартака, Красс обнаружил в его лагере три тысячи пленных римских граждан (Oros. V. 24. 7), захвачены они были именно в том злоплучном для римлян сражении. По словам Плутарха, этот временный успех и погубил беглых рабов, совершенно вскружив им головы. «Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян» (Plut. Crass. 11). Свой последний лагерь Спартак разбил у истоков реки Силар (Oros. V. 24.6), на границе Кампании и Лукании. Красс не решился сразу сразиться со своим противником, разбил рядом лагерь и стал обносить его рвом. Земляные работы еще продолжались, когда начались военные действия, поначалу ограничивавшиеся незначительными взаимными нападениями. Обе стороны постепенно копили силы за счет подхитивших подкреплений, но вскоре построились для последней битвы. С этим моментом связан носящий фольклорный оттенок рассказ Плутарха о том, как вождю рабов «подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем» (Plut. Crass. 11). Впрочем, возможно, все объясняется существованием у фракийцев обычая приносить в жертву коня прямо перед строем готовых вступить в бой воинов (Flor. IV. 12. 15).

На открытой местности римляне скоро сумели добиться преимущества в столкновении со своими противниками, хотя те и сражались в правильном строю. Тогда Спартак, видимо, во главе наиболее боеспособных частей своей армии, сделал ставку на то, чтобы добраться до Красса и его смертью переломить ход сражения. «Ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурио-

нов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» (Plut. Crass. 11). Другис детали этого сражения донес до нас текст Аппиана: «Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колени и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около тысячи человек. Тело Спартака не было найдено» (App. Bell. Civ. I. 120). Даже не испытывавший никаких симпатий к Спартаку римский историк Флор был вынужден отдать должное исключительному героизму Спартака и его соратников: «они решили пробиться и пали смертью, достойной воинов. Сражались не на жизнь, а на смерть, — чего и следовало ожидать, когда командует гладиатор. Сам Спартак, храбро бившийся в первом ряду, пал как полководец» (Flor. III. 20. 13).

Вполне вероятно, дополнительный свет на вопрос об обстоятельствах гибели Спартака проливает фрагмент древней фрески, обнаруженной в Помпеях в 1927 году. Она происходит из небольшого домика, принадлежавшего жрецу Аманду и построенного лет за полтора до гибели города в результате извержения Везувия. Фреска, украшавшая дом на заре его существования, обнажилась случайно, когда в коридоре обвалилась поздняя штукатурка. Частично поврежденное изображение включало две сцены, которые, если следовать направлению сопровождающих его надписей, надо рассматривать справа налево. Тогда в первой сцене оказываются два всадника, один из которых настигает обернувшегося противника и вонзает копьё ему в бедро. Над последним надпись оскскими буквами «Спартакс», над головой преследователя частично сохранившиеся буквы, которые итальянский археолог А. Майюри расшифровал как «Феликс из Помпей»⁵⁰. Далее слева, во второй сцене — два бьющихся пеших воина. Обращает на себя внимание следующее: защищающийся воин представлен без шлема, и поза его довольно неестественна, что заставляет предполагать, что он ранен в ногу и про-

должает отбиваться от врага, находясь в тяжелом состоянии. Если это так, а фреска датируется временем не ранее начала I века до н.э., то некий Феликс из Помпей решил таким образом увековечить свой подвиг сразу после победы над Спартаксом.

Но вернемся к событиям 71 года до н. э. Итак, после смерти Спартака его войско еще продолжало сражаться, но, будучи лишено полководца, потеряло всякое организационное начало. Большое число спартаковцев еще успели укрыться «в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением шести тысяч» (App. Bell. Civ. I. 120). В назидание тем, кто решится противиться воле Рима, шесть тысяч пленных рабов были распяты по приказу Красса вдоль Аппиевой дороги от Капуи, где началось восстание, до ворот столицы. На основе несложных расчетов можно представить себе уходящую за горизонт эту цепочку крестов, отстоявших друг от друга на расстояние немногим более 30 метров.

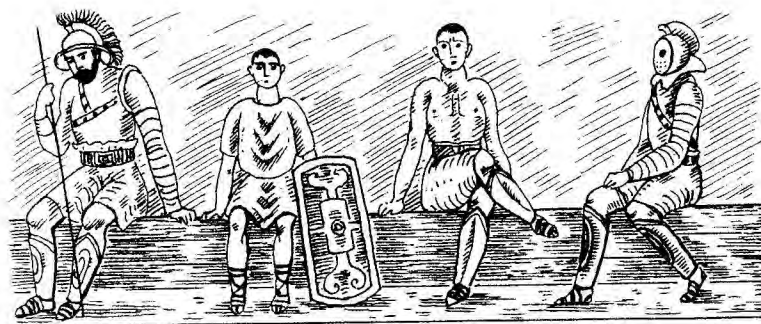
Разгром восставших довершил Помпей, истребив их отряд, уцелевший после сражения с Крассом. Превознося свои заслуги, он написал в сенат: «...в открытом бою беглых рабов победил Красс, я же уничтожил самый корень войны» (Plut. Crass. 11). Сторонники и противники обоих полководцев в сенате долго и бурно обсуждали вопрос о том, кого из полководцев можно считать победителем. В конце концов почести достались Крассу, но его надежды на желанный большой триумф не оправдались. Теперь, когда угроза миновала, возобладало мнение, что война велась с ненастоящим противником и к легкости такой победы больше подходит «зелень Венеры», то есть миртовый, а не лавровый венок. В итоге Крассу был назначен малый пеший триумф, или так называемая овация с увенчанием именно миртовым венком. Такое отличие предполагало вступление в город пешком с венком на голове и принесение в жертву богам овцы. Единственное, чего он сумел для себя добиться, — вынесение специального сенатского постановления об увенчании его лавром, а не миртом.

Впрочем, говорить об уничтожении самого корня рабской войны было еще рано. Еще долго по всей Южной Италии тлели искры великого пожара: там, где в лесах и горах скрывались разрозненные группы бывших воинов Спартака. О размахе этого движения свидетельствует отправка против них в 63 году до н. э. из Рима специальной карательной экспедиции Квинта Метелла Критского. Видимо, он не добился какого-либо серьезного успеха, поскольку уже на следующий год мятежники объединили свои усилия, захватили область города Фурии и долго удерживали ее под контролем. Узнав о заговоре и выступлении в столице рвавшегося к власти известного политического авантюриста Сергия Катилины, многие считали даже, что в этой ситуации можно снова двинуться на Рим. Но все эти надежды вскоре рассеялись как дым. Последних сподвижников Спартака по чрезвычайному поручению сената уничтожил присланный из столицы отряд пропретора Гая Октавия, отца будущего императора Октавиана Августа.

И все-таки выступления людей, сражавшихся на арене амфитеатров, против римских властей не стали лишь достоянием прошлого. В правление императора Тиберия гладиаторы приняли самое деятельное участие в галльском восстании 21 года. Тацит, единственный античный автор, запечатлевший эти события, писал, что к военным силам, собранным тогда племенем эдуев, «были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупелларии, малопригодные для нападения, но зато неуязвимые для наносимых врагом ударов». Вождь эдуев Юлий Сакровир поставил этих латников впереди своего войска, на направлении главного удара римлян. В результате именно они несколько задержали разгром эдуев, «так как их доспехи не поддавались ни копьям, ни мечам; впрочем, воины, схватившись за секиры и кирки, как если бы они рушили стену, стали поражать ими броню и тела; другие при помощи кольев валили эти тяжелые глыбы, и они, словно мертвые, продолжали лежать на земле, не делая ни малейших усилий подняться» (Tac. Ann. III. 43, 45, 46).

Еще одно восстание гладиаторов произошло при Нероне в 64 году н. э., когда бойцы из Пренестинской школы в маленьком городке недалеко от Рима предприняли неудачную попытку обрести свободу, но были усмирены приставленной к ним бдительной воинской стражей (Тас. Алл. XV. 46). Приведенные примеры еще более наглядно подчеркивают размах событий, связанных с движением Спартака, переросшего из восстания гладиаторов в настоящую войну, сплотившую более чем на два года все антиримски настроенные силы на земле Италии и сыгравшую определенную роль в развитии военного искусства античного мира.

Глава 9 Гладиаторские игры на берегах Северного Причерноморья

Обычно все, что относится к гладиаторам, представляется нам достаточно далеким, связанным с территорией Италии или по крайней мере с землями, основательно освоенными римлянами в процессе завоеваний. Между тем во времена Римской империи гладиаторские игры появлялись везде, куда распространялись ее власть или хотя бы влияние. Проводились они и на берегах Северного Причерноморья, куда не раз ступала нога римского солдата. По крайней мере мы точно знаем, что с этими развлечениями довелось познакомиться жителям Херсонеса — далекого предшественника Севастополя, где со второй половины II века н. э. был размещен римский гарнизон. Очевидно, определяющую роль в этом отношении сыграло стремление римских солдат и командиров получить здесь привычный набор развлечений, а также изменившиеся вкусы части состоятельных горожан, которые хотели продемонстрировать свою лояльность по отношению к представителям новой власти.

Вскоре после размещения в Херсонесе подразделений из состава легионов провинции Нижняя Мезия местный театр, первоначально вмещавший примерно 1800–2000 человек, подвергся значительной перестройке. Организация там гладиаторских боев потребовала увеличения пространства для выступлений, количества мест и соответствующей защиты зрителей. Теперь на возвышавшихся уступах каменных сиденьях с пристроенным дополнительным ярусом могли разместиться около 3–5 тысяч человек. Периодически превращавшаяся в арену полукруглая площадка оркестры, предназначенной для выступлений хора, расширилась, став около 30 метров в диаметре. Тем не менее небольшие размеры местной арены позволяли вступать в бой одновременно лишь ограниченному числу сражающихся пар. Вместо первого зрительского ряда был сооружен высокий барьер, по-видимому, с металлической решеткой⁵¹. Многие из таких «театров-амфитеатров» римского времени в Восточном Средиземноморье оказались связанными с культом Немезиды, считавшейся богиней судьбы и справедливости во всякой борьбе, кровавой или бескровной. В данном отношении Херсонес не стал исключением: в ходе раскопок на участке театра были найдены алтари, посвященные этой покровительнице гладиаторов и атлетов, актеров и солдат⁵². Своеобразным символом Немезиды был образ фантастического крылатого существа — грифона:

Немезиде-богине, сопутствуя в странствиях дальних,
Божеству, блюдущему правду и жизни дороги,
Птица возмездья летела над плечами богини,
Гриф исполинский, раскинув большие крыла...

(*Nonn Panopol. XLVIII. 379–382*)

Заслуживает внимания найденное в Херсонесе навершие шлема в виде головы грифона. Ближайшей аналогией для него является деталь шлема гладиатора-фракийца из казармы в Помпеях. Изображение фракийца, сражающегося с мирмиллоном, можно видеть на привозных глиняных светильниках первых веков нашей эры, популярных среди местных

горожан. Иногда на них представлена одинокая фигура гладиатора-победителя с пальмовой ветвью или Эрот в виде венатора. Известна подобная продукция местного производства — светлоглиняные светильники III–IV веков, где на щитке имелось изображение ретиария с кинжалом и трезубцем и противостоящего ему секутора. На одном из светильников над головой секутора сохранилось начало его имени ΣΚΥΛΑ... (Скилак?). Рядом обозначено имя другого гладиатора, от которого остались лишь обрывки букв. Вероятно, таким образом местный мастер увековечил самых известных на тот момент гладиаторов или пытался запечатлеть один из наиболее ярких поединков.

Традиционная комбинация — секутор и ретиарий — присутствует и на обломке мраморного рельефа с полностью сохранившимся изображением поединка двух гладиаторов⁵³. Он относится к кругу произведений мастеров римской провинциальной скульптуры Подунавья и Малой Азии, для которых характерна суммарная трактовка и непропорциональность фигур, а также определенная скованность передаваемых движений. Тем не менее участники поединка изображены здесь достаточно детально. Слева представлен нападающий секутор с обнаженным торсом, опрокинувший наземь своего противника резким движением полуцилиндрического щита с круглым умбоном. Прямым коротким мечом он уже готов нанести последний, завершающий схватку удар. Лицо победителя закрыто округлым глухим шлемом с широким козырьком и гребнем, основание которого едва прослеживается. На его правой руке маника, набедренная повязка-септигакул перетянута широким поясом. Напротив поверженный ретиарий с пышной шапкой волос, спускающихся на плечи. На нем такие же повязка и пояс-балтеус, как и у секутора. В левой руке, защищенной маникой, зажат кинжал, а правая поднята вверх с раскрытой ладонью и отодвинутым большим пальцем. Это жест, обращенный к публике, — безмолвная мольба о помиловании.

Судя по ряду деталей, описанный барельеф является частью надгробного памятника с невысоким узким фризом высотой 0,28 метра, на котором были изображены несколь-

Обломок мраморного рельефа из Херсонеса
с изображением секутора и ретиария

ко пар гладиаторов. Под ним шла надпись, датируемая по шрифту и стилистическим особенностям второй половиной II века, но от нее сохранилось только одно, довольно распространенное в Херсонесе имя — Ксанф. Был ли гладиатором этот человек, удостоившийся погребения под роскошным мраморным сооружением? Вряд ли, гораздо больше оснований полагать, что он принадлежал к представителям городской верхушки и выступал в роли мунерария — организатора игр или был должностным лицом, после смерти удостоившимся проведения гладиаторских игр, запечатленных затем на украсивших его могилу рельефах⁵⁴. В этом отношении можно усмотреть некоторую параллель с помпейским надгробным памятником Умбриция Скавра.

Свидетельства недолгого существования традиции проведения гладиаторских игр были обнаружены и на территории Восточного Крыма, в Пантикапее (современная Керчь) — столице Боспорского царства. Значительное укрепление контактов этого государства с Римом произошло при царе Аспурге (10—38 годы н. э.), послушном исполнителе воли императоров Августа и Тиберия. Это отразилось в титулатуре боспорских правителей, где появляется такой элемент, как «друг цезаря и друг римлян», что, по-видимому, сопровождалось дарованием Аспургу и его потомкам звания и привилегий римского гражданина. Имя Тиберий Юлий становится для них династическим вплоть до конца V века. Римско-боспорские отношения строились на основе договора о дружбе (*amicitia*), который при вступлении на престол нового царя подразумевал подтверждение его полномочий непосредственно в Риме.

Последней попыткой избавиться от этой зависимости стала Боспорская война 45—49 годов, которую непокорный Митридат VIII, наследник имени великого понтийского царя, вел против Рима и своего младшего брата Котиса, выступившего в роли претендента на трон. Видимо, долгое пребывание на Боспоре в этот период воинского контингента под командованием римского военачальника Юлия Аквилы и подчеркнутое романофильство нового царя способствовали введению в столице нового вида зрелищ. Сцены, связан-

ные с ними, изображены на стенах большого пантикапейского склепа, раскопанного в 1841 году директором керченского Музея древностей Антоном Ашиком. Эта двухкамерная гробница, по-видимому, была местом царского захоронения. Ее торжественная фресковая роспись осталась запечатленной только в копиях, выполненных в течение двух недель после ее открытия художником А. М. Стефанским, учеником И. К. Айвазовского. Здесь представлены пышная погребальная процессия, загробная трапеза, победоносное конное сражение и, видимо, данное в память о покойном царе представление с участием гладиаторов⁵⁵.

В росписях стены первой камеры склепа мы видим главным образом конных «венаторов», одежда которых мало чем отличается от той, что носили обыкновенные боспорцы: длинный, до колен, хитон с короткими рукавами, перетянутый поясом, обтягивающие штаны и небольшие кожаные сапожки на ногах. Изображения травли диких животных помещены в нижний ярус росписи, отличающийся подчеркнутым реалистическим характером. На боковой стене мы видим вооруженных копьями всадников, каждый из которых противостоит какому-нибудь зверю. Два крайних, сражающихся с медведем и кабаном, держат копья двумя руками и обращены к центру композиции, где находится фигура юноши, занесшего копье вверх правой рукой и поражающего оленя. Длина таких копий, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны, должна была составлять около 2,5 метра. То, что охотники держат их обеими руками, наводит на мысль об утяжелении данного оружия за счет веса наконечника и толщины древка.

Еще две сцены «охоты» представлены в нижнем ярусе задней стены первой камеры, по обе стороны от арочного прохода, к которому обращены фигуры конных венаторов. У одного из них, скачущего вправо, поводья брошены у основания шеи лошади, так как руки заняты мощным луком, из которого он готов сразить стрелой поднявшегося на задние лапы хищника. Судя по удлинненным пропорциям тела, маленькой заостренной голове, гибкому хвосту и пятнам на шкуре, это гепард. Он показан наносящим удары передними лапами,

что является обычной реакцией рассвирепевшего раненого зверя на грозящую опасность. В сцене показано самое начало схватки, поскольку для того, чтобы убить крупного хищника кошачьей породы, требовалось всадить в него по крайней мере три-четыре стрелы. Всадник справа, держа двумя руками копье, наносит смертельный удар в горло какому-то копытному животному.

Относительно первой сцены следует сказать, что это единственный для Боспора пример изображения в действии лука «гуннского» типа. Такой сложносоставной лук имел достаточно большие размеры — не менее 1,2 метра. Наличие четко выделенной рукояти и круто изогнутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальнобойность, которая позволяла поражать цель со значительного расстояния. Владение в полной мере таким мощным оружием требовало специальной подготовки, которая в кочевой среде начиналась с раннего детства и продолжалась в виде постоянных тренировок, да еще и верхом на коне. Всадник, скачущий вправо, держит лук под небольшим углом вниз. Четырьмя пальцами левой руки он сжимает его прямую рукоять, при этом большой, прижатый сверху справа от нее, служит направляющим для стрелы. Тетива оттянута правой рукой назад, до уха, но на уровне шеи, с использованием согнутого большого пальца при помощи указательного и среднего, что соответствует наиболее совершенному, так называемому «монгольскому» способу стрельбы.

Как бы продолжая эту сюжетную серию, на входной стене второй камеры склепа представлена схватка вооруженного трезубцем полуобнаженного пешего венатора с нападающим на него леопардом. Справа от него фигура слуги, несущего кожаный кошелек с денежным вознаграждением. На уже упоминавшейся мозаике III века из тунисского города Суса четыре таких мешочка с 1000 сестерциев в каждом (по числу участников схваток с леопардами) мы видим на подносе, который держит человек в центре композиции.

Изображения «охотников» присутствуют также на ажурных рельефах двух деревянных саркофагов, обнаруженных на территории Керчи, в расположенных по соседству камен-

ных гробницах конца I — начала II века н. э. В одном случае здесь выступает против льва одетый в длинный хитон персонаж с трезубцем, в другом — обнаженный человек с копьем⁵⁶.

Оружие венатора на фреске 1841 года имеет укороченное древко и необычную V-образную форму металлической части с выгнутой наружу перекладиной и тремя остриями. Такая же деталь присутствует на одном из деревянных саркофагов, и это свидетельствует о том, что зарисовки А. М. Стефанского, по крайней мере в ряде деталей, достаточно достоверны. В применявшемся в римский период охотничьем оружии типа рогатины⁵⁷ перекладина должна была удерживать раненого зверя на определенной дистанции, иначе он мог бы достать венатора лапой. Древко на боспорской фреске укорочено, судя по всему, чтобы «охотник» имел возможность в сложной ситуации для большей устойчивости упереть его себе в грудь.

В нижнем ярусе изображений на той же стене склепа мы видим пару противостоящих друг другу гладиаторов, практически одинаково одетых и вооруженных. Из одежды на них только повязка-сублигакул синего цвета, на ногах — сандалии с ремешками, обвивающими голени. Голова в обоих случаях защищена высоким коническим шлемом, при этом тот, что справа, дополнен небольшим навершием. В данном случае эта деталь, быть может, является своего рода этнической эмблемой, поскольку такое же навершие можно видеть на шлемах противников боспорцев в сцене конного боя. Реальные прототипы таких шлемов имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы. У гладиатора слева в одной руке кинжал, в другой — небольшой, слегка выгнутый щит прямоугольной формы, с ромбическим умбоном в центре и полосой обивки по краю. Предметы вооружения его соперника размещены в зеркальном порядке, что можно объяснить только стремлением древнего живописца добиться абсолютной симметрии в изображении двух человеческих фигур относительно расположенного между ними входного проема. К какому же типу гладиаторов можно отнести двух изображенных бойцов? Имеющийся в данном случае ком-

плект легкого вооружения — шлем, щит, кинжал — без дополнительных средств защиты не соответствует полностью ни одному из вариантов гладиаторской экипировки. Некоторую близость, имея в виду укороченный прямоугольный щит и кинжал, можно усмотреть только с вооружением «фракийцев». Это наблюдение подтверждается сценами двух поединков в правом углу верхнего яруса продольных стен второй камеры — их участники изображены в шлемах с назатыльным и характерным для «фракийцев» загнутым вперед гребнем. В центре правой боковой стены склепа, вероятно, для того, чтобы разнообразить сюжеты, представлен боспорский «ретиарий» с трезубцем, имеющим вток в виде заостренного наконечника. Он отличается от устоявшегося к этому времени римского типа легковооруженного гладиатора наличием шлема, отсутствием маники и наплечника на левой руке, а также сети, кинжала и стеганых матерчатых обмоток на ногах. Левее размещена сцена с двумя персонажами, одного из которых, в коническом шлеме и сублигакуле, готовят к выходу на арену.

Что же является общей чертой запечатленных на стенах склепа 1841 года пеших боспорских гладиаторов? Безусловно, их почти полная незащищенность. Понятно, что без маники на руке, широкого пояса и других деталей обычной экипировки поединок становился слишком скоротечным. Но, может быть, так и было задумано? Скорее всего мы видим здесь тот тип бойцов на арене, который ни разу не удостоился чести быть отраженным в памятниках римского искусства. Это уже упоминавшиеся грегари, главным образом из числа обреченных на смерть военнопленных и преступников.

Такая ситуация вполне понятна, так как на Боспоре отсутствовала собственная гладиаторская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров издалека было слишком дорогим удовольствием. Впрочем, полностью исключить присутствие на пантикапейской арене немногочисленных местных любителей, готовых за деньги продемонстрировать свое воинское мастерство, вряд ли возможно. Подобную ситуацию описал в своей новелле «Токсарид, или Дружба» известный греческий писатель II века Лукиан Самосатский. В ней рассказы-

вается о двух друзьях родом из Скифии, Токсариде и Сисинне, оказавшихся по воле случая в городе Амастрии на Понте Евксинском. Оба в результате ограбления лишились всего своего имущества, а потом узнали о готовившемся представлении с участием нанятых за плату гладиаторов. Когда наступил назначенный день, они отправились в местный театр. Далее, как рассказывал Токсарид, «усевшись, мы видели, как охотились с дротиками на диких зверей, как их травили собаками... Наконец... глашатай, выведя весьма рослого юношу, объявил, чтобы всякий желающий сразиться с ним один на один выходил на середину, за это он получит десять тысяч драхм — плату за бой. При этих словах Сисинн вскочил и, сбегав на арену, изъявил желание сражаться и потребовал оружие. Получив десять тысяч драхм, он принес их и отдал мне... Сисинн, получив оружие, надел его, только не взял шлема, а сражался с непокрытой головой. Он получил рану, задетый кривым мечом (то есть противник выступал в вооружении фракийца. — *В. Г.*) под коленом, так что кровь обильно заструилась... Но Сисинн подстерег своего противника, кинувшегося слишком смело, и пронзил его насквозь, поразив в грудь. Гладиатор тут же пал к его ногам» (Лис. Тох. 59–60). У Лукиана речь идет о разовом выступлении в роли гладиатора, без всяких дальнейших обязательств. Представляется, что такой сценарий был достаточно обычным для многих периферийных греческих центров.

В этой связи обращает на себя внимание одна из сцен верхнего яруса второй камеры склепа, где навстречу друг другу устремляются два конных воина. Слева скачет облаченный в короткий панцирь без рукавов всадник в уже знакомом нам шлеме с гребнем и назатыльником и с копьем в правой руке, а справа — персонаж без доспеха, с головным убором, напоминающим кожаный башлык, и луком «гуннского» типа. Здесь следует отметить характерное для многих традиционных пар римских гладиаторов явное стремление уравнивать шансы противников. Один из них, подвергаясь опасности со стороны стрелка из дальнобойного лука, имеет панцирь, другой — если бы не смог использовать свое преимущество, в случае ближнего боя был фактически обречен на поражение.

Теперь вновь вернемся к сценам с конными «охотниками». Очевидно, они полностью вписываются в картину проведения на Боспоре гладиаторских игр. Судя по последовательности сюжетов, представление здесь, как и в Риме, после торжественного прохождения всех его участников перед зрителями начиналось звериной травлей с участием конных и пеших венаторов, которым в местных условиях вряд ли требовалась специальная подготовка. Если учесть, что в декоре склепа представлены пять сцен схваток всадников с дикими животными и один пеший венатор, а поединков между людьми лишь четыре, то предпочтение, отданное конной «охоте», вероятно, следует объяснять ее большим соответствием условиям жизни людей того времени, связанной со степными районами Восточного Крыма и Прикубанья, где слишком часто приходилось, сидя верхом, демонстрировать навыки владения луком и копьем. По-видимому, такое зрелище находило больший отклик среди населения столицы царства, что, соответственно, повлияло на структуру представлений, призванных обеспечить популярность их организатору. И это при том, что в Риме травля зверей конными венаторами проводилась редко и выглядела достаточно экзотично⁵⁸. Во второй части игр, очевидно, демонстрировались выступления грегариев, сменявшиеся схватками конных бойцов, сражавшихся за плату.

Едва ли в Пантикапее существовал специальный амфитеатр для травли зверей и проведения гладиаторских состязаний. Очевидно, как и во многих провинциальных греческих городах на территории империи, представления устраивались в местном, слегка переоборудованном театре, совмещавшем, таким образом, сразу несколько функций. К сожалению, несмотря на имеющиеся письменные и археологические свидетельства его существования, пантикапейский театр так до сих пор и не найден, хотя его конструкция скорее всего мало чем отличалась от соответствующих работ, произведенных в Херсонесе.

Вряд ли гладиаторские игры на Боспоре могли устраивать частные лица по причине дороговизны подобного рода зрелищ; скорее, это входило в компетенцию царской ад-

министрации. Это тем более вероятно в связи с тем, что на востоке империи организация гладиаторских боев была тесно связана с отправлением императорского культа, а он был введен на территории Боспорского царства как раз при Котисе I (45–68 н. э.), ставшем первым «пожизненным первосвященником августов». Не исключено, что именно этому царю и принадлежала открытая А. Б. Ашиком гробница с фресковой росписью, демонстрировавшей сюжеты, соответствовавшие высокому статусу погребенного, и в том числе видимо, данное в память о нем представление с участием венаторов и гладиаторов. В любом случае сужение датировки склепа 1841 года до второй четверти I века находит подтверждение при анализе ряда деталей его декора. С одной стороны, это чрезвычайная близость представленной в нем трактовки сюжета похищения Кору Плутоном к росписи пантикапейского склепа Деметры, датирующегося временем около середины того же столетия, с другой — особенности орнаментальных украшений нижнего яруса двух стен этого погребального сооружения. Изображенные здесь окружности красного и зеленого цвета невольно заставляют вспомнить об упомянутом Сенекой модном увлечении римлян в первой половине 60-х годов I века: «Любой сочтет себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами...» (Sen. Epist. LXXXVI. 6). Именно такие круги, относящиеся к нижней части декора стен, сохранились в одном из помещений дома Веттиев в Помпеях, расписанного не позднее конца 60-х годов I века н. э.

В целом практика организации гладиаторских игр в Боспорском царстве, как и во многих греческих центрах Римской империи, не получила широкого распространения. Даже глиняные светильники местного производства с изображением гладиатора-фракийца, подражающие италийским⁵⁹, как и упомянутые резные украшения деревянных саркофагов со сценами «венацио», выходят из моды уже в начале II века н. э. Интересно отметить, что после правления Котиса II (123/4–132/3 н. э.) из титулатуры боспорских царей надолго исчезает такой ее элемент, как «пожизненный первосвященник августов». Возможно, как раз к это-

му времени относится прекращение связанных с большими расходами гладиаторских игр и передача функции отправления императорского культа специально назначенному частному лицу, освобожденному от всех налогов, взимаемых в царстве, с правом закрепления этого звания и привилегий за его потомками. Таким образом, кровавые зрелища остались чуждыми основной массе населения боспорских городов и, видимо, периодически проводились только там, где существовали храмы, связанные с культом римских императоров, или временно размещались подразделения римской армии.

Шли века, и амфитеатры, где когда-то кипели страсти и лилась кровь людей и животных, страдали от землетрясений, приходили в запустение и зарастали травой; их бывшее назначение забывалось. Нередко они превращались в феодальные замки или производственные мастерские. Наиболее известна непростая судьба Колизея, который благочестивые христиане долгое время старались обходить стороной, поскольку многие верили, что здесь поселились злые духи и справляют свои шабаши ведьмы. Наиболее ярко подобные представления отразил в своей автобиографии знаменитый итальянский скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини (1500—1571), несколько раз посетивший Колизей в ночное время в компании некоего некроманта. Из очерченного на земле круга ему мерещились «четыре непомерных великана, каковые вооружены и показывают вид, что хотят войти...», а мальчик, которого он взял с собой, увидел, как весь Колизей горит и огонь идет на них. Свой рассказ он заключил следующими словами: «и каждому из нас всю эту ночь снились дьяволы».

В 1087 году здание Колизея сильно пострадало во время набега норманнов, а через сто лет было перестроено местными баронами в несокрушимую крепость Франджипани. Уже с XIV века отсюда стали брать дармовой строительный материал на возведение известнейших архитектурных памятников Рима: палаццо Венеция, палаццо Канцеллерия, собор св. Петра, церковь Сан-Агостино и даже порт Рипетта на Тибре. Чтобы представить масштабы разрушения, достаточно

привести такой факт: при просвещенном папе Николае V только за девять месяцев 1452 года из Колизея было вывезено 2552 повозки с травертином. В XVII веке здесь брали камень для постройки своего дворца Барберини, родственники папы Урбана VIII, про которых говорили: «То, что не сделали варвары, сделали Барберини». Многочисленные дыры, которые в наши дни можно видеть в стенах Колизея, остались от выдранных железных скоб, которыми скреплялись каменные блоки. Иногда они выбирались так небрежно, что рушились верхние части всего здания. Периодически появлялись проекты, связанные с его практическим использованием. В свое время папа Сикст V хотел устроить в нем шерстяную мануфактуру, а потом одна предприимчивая артель — наладить производство селитры, но развалины, кишевшие нищими и бездомными, для этого не слишком подошли. Первые шаги по обеспечению сохранности здания были предприняты только после землетрясения 1703 года, когда папа Климент XI приказал закрыть арки амфитеатра деревянным забором. Правда, судя по «Письмам к близким, написанным из Италии» (1739—1740) Шарля де Бросса, ситуация от этого существенно не улучшилась: «Галереи внешней стены Колизея все еще служат прибежищем мелким торговцам, они сидят на табуретках, воткнутых в отверстия, из которых... вытащены бронзовые стержни, скреплявшие каменные блоки. От этой внешней стены из четырех огромных ярусов с аркадами и колоннами осталась только половина окружности, а нижний ярус частично ушел в землю. Стена держится за счет своей собственной тяжести, от грандиозных карнизов вот-вот отвалятся большие камни, ее нужно привести в порядок. Нижние внутренние галереи сохранились по всей окружности, но совсем обветшали и находятся в прескверном состоянии. Арена довольно большая площадка, а на ней с трудом можно различить, как выглядели в древности скамьи, вмещавшие, по сообщениям историков, девяносто тысяч зрителей. Я охотно этому верю, потому что амфитеатр в Вероне, представляющий едва лишь треть этого, вмещает около тридцати тысяч. При виде Веронского амфитеатра, который жители так хорошо починили, римляне должны стыдиться, что забросили

в таком беспорядке свой, который гораздо просторнее и известнее и притом сохранил половину своей самой прекрасной части...» Вскоре папа Бенедикт XIV приостановил разрушение древнего здания, объявив его святым местом, где пролили свою кровь многие христианские мученики. В память об этом на подиуме возле арены водружен большой черный крест. Каждый год, в Страстную пятницу, сам папа совершал тут богослужение, вспоминая вместе с верующими страдания Христа.

Первые планомерные исследования Колизея начал в 1790 году римский архитектор Карло Луканджели, который хотел создать деревянную модель амфитеатра в 1/60 его величины, а для этого необходимо было его тщательное изучение. Раскопки были продолжены французскими учеными, а позднее деньги на эти работы стали отпускать из папской казны. Непосредственное впечатление о них сохранил на страницах «Прогулок по Риму» Анри Стендаль: «Сколько счастливых часов я провел в Колизее, укрывшись в каком-нибудь уголке этих огромных развалин! С верхних этажей видишь, как внизу работают папские каторжане. Звон их цепей сливается с пением птиц, мирных обитателей Колизея... Мирное щебетание птиц, слабо звучащее в огромном здании, и глубокая тишина, время от времени его сменяющая, помогают воображению уноситься в далекие времена...»

Только в 1871 году Колизей был полностью очищен от мусора и более четырехсот видов произраставших здесь растений. Во всех деталях этот памятник архитектуры стал изучаться лишь в 30-е годы прошлого столетия, когда при Муссолини на его раскопки выделялись большие средства. Тогда же вновь стали задаваться вопросом, почему древнеримская цивилизация мирилась с существованием кровавых зрелищ и всеобщим пристрастием к ним? Такой крупный специалист в области античной истории, как французский ученый Жером Каркопино (1881—1970), писал по этому поводу: «Из уважения к римскому народу мы хотели бы исключить эту страницу из его истории», а в отношении Колизея заметил, что «какое бы совершенство ни исходило от его эл-

липса, нас охватывает неодолимое чувство неловкости ввиду тех чудовишных побоищ, свидетелем которых он был»⁶⁰.

Конечно, можно осуждать римлян за растянувшееся на несколько столетий неумеренное влечение к гладиаторским играм, но не следует забывать о разнице в менталитете современного человека и людей далекого прошлого. Кровавые поединки на арене были тогда совершенно нормальным явлением, всего лишь напоминанием о неизбежности смерти. Жалость или сострадание не поощрялись, они считались слабостями, присущими женщинам, но не достойными мужчин. Чтобы лучше понять римский народ, для которого добродетелью было бессердечие, необходимо отрешиться от современной морали и рассматривать созданные им традиции в определенном историческом и социальном контексте. Сравним высказывания двух просвещенных римских авторов, которых невозможно обвинить в циничном отношении к человеческой жизни, — это Цицерон и Плиний Младший. Первый из них утверждал, что «никакой урок преодоления боли и смерти не может действовать более эффективно, если он обращен не через уши, но через глаза», а второй, говоря о зрелище гладиаторских боев, отмечал, что оно способно разжечь мужество и «подвигнуть на прекрасные подвиги, на презрение ран и смерти, ибо ведь и в сердцах рабов и преступников бывает любовь к славе и стремление к победе» (Plin. Sec. Pan. Tr. 33). Конечно, римская публика не даровала милости слабому, но зато могла оценить храбрость и не позволяла предать смерти отважного бойца.

Что касается любви римлян к кровавым представлениям, то вспомним: ведь еще лет двести с небольшим назад публичные казни не только не вызывали никакого отторжения в просвещенной Европе, но и собирали толпы людей, выходцев из самых различных слоев общества. А так ли уж отличается от римского венацио испанская коррида, в чем-то воспроизводящая атмосферу гладиаторских боев, хотя, как писал французский антиковед Ж.-Н. Робер, она «является лишь бледным отблеском былого величия»⁶¹. В наши дни людям порой не хватает адреналина в крови, отсюда популярность различных триллеров или фильмов-катастроф. Да-

же накал спортивных страстей не всегда дает желаемый результат. Жажда новых ощущений часто берет верх над всеми прочими соображениями. Так, в Италии нашлись энтузиасты открытия современных школ гладиаторов, но без пролития крови. С 1994 года они появились в Комо-Бергамо и в Риме. Одна из таких школ, где полностью воспроизведены использовавшиеся в древности правила боя и экипировка, находится на Алпиевой дороге. Здесь можно увидеть образцы римской одежды, военные механизмы, познакомиться с организацией проведения гладиаторских боев, с музыкальными инструментами, оружием, кулинарными рецептами, да всего и не перечислить. Большое впечатление производят сражающиеся на арене воины, окруженные кричащей толпой. По правилам школы они носят латинские имена, что также помогает воссозданию обстановки давно минувших времен. В этом своеобразном живом музее поклонники Римской империи собираются по вечерам два раза в неделю. Их выборный глава именуется «император Нерон», но имеются и другие персонажи: сенаторы, гладиаторы, танцовщицы, легионеры. Гладиаторские курсы, включающие лекции по технике вооруженного противоборства и практические занятия на арене, длятся два месяца. Выпускники получают соответствующий диплом. Желаящим предлагаются дополнительные занятия по углублению полученных знаний и навыков, которые можно продемонстрировать в ходе представлений, проводящихся каждые вторник и пятницу, или на интернациональных турнирах гладиаторов чисто спортивного характера. С каждым годом находится все больше и больше желающих пережить те эмоции, которые испытывали на арене мирмиллоны или ретиарии⁶². Для широкой публики это удачный повод не только познакомиться с таким явлением древнеримской цивилизации, как гладиаторские игры, но и попробовать блюда античной кухни, полюбоваться строем легионеров или понаблюдать за работой стилизованного рынка рабов.

Других «гладиаторов» в любую погоду можно видеть у древних стен Колизея, где они ведут борьбу за проходящих мимо туристов, предлагая сфотографироваться вместе. Ми-

новав заслон этих «предпринимателей», можно войти под массивные своды галереи поражающего своими внушительными размерами амфитеатра. Сразу вспоминается созданная тысячу триста лет назад средневековым хронистом Бедой Достопочтенным поговорка:

Пока стоит Колизей, стоит Рим;
Когда падет Колизей, падет Рим;
А когда падет Рим, падет мир.

Столетиями именно Колизей служил зримым напоминанием об играх древности, в связи с чем изображение его внешней стены с рядами арок почти восемьдесят лет, с 1928 по 2000 год, помещали на лицевой стороне олимпийских медалей. Правда, после дискуссии по поводу того, что этот амфитеатр, на арене которого погибло около 300 тысяч человек, не имеет ничего общего с идеалами мира и дружбы между народами, новым олимпийским символом стала летящая над стадионом фигура богини победы. В наши дни Колизей посещает не менее трех миллионов туристов в год, и каждый из них заново решает для себя вопрос о жестокости и неприязни насилия.

Примечания

- ¹ Переиздано в кн.: Оленин А. Н. Археологические труды. Т. 2. С. 1—99.
- ² *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 33; *Носов К. С.* Гладиаторы. С. 11.
- ³ *Сергеенко М. Е.* Жизнь в Древнем Риме. С. 215—216.
- ⁴ *Junkelmann M.* Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre. P. 71; *Носов К. С.* Указ. соч. С. 27.
- ⁵ *Сидорова Н. А., Чубова А. П.* Искусство Римской Африки. С. 196—199.
- ⁶ *Сергеенко М. Е.* Простые люди древней Италии. С. 94; *Тарновский В.* Гладиаторы. С. 13.
- ⁷ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 13.
- ⁸ В I веке н. э. после перестройки и ряда ремонтных работ количество мест на ипподроме возросло до 250 тысяч, а последующая реставрация, позволившая увеличить его размеры, довела вместимость зрительских трибун до 385 тысяч человек.
- ⁹ *Köhne E.* Bread and Circusses: The Politics of Entertainment. P. 16.
- ¹⁰ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 15.
- ¹¹ *Брабич В., Плетнева Г.* Зрелища Древнего мира. С. 52.
- ¹² *Junkelmann M.* Das Spiel mit dem Tod. S. 38—39.
- ¹³ Эти и другие типы гладиаторов подробно рассматриваются в главе 4.
- ¹⁴ Такой раб сопровождал хозяина и подсказывал имена встречаемых для приветствий.
- ¹⁵ *Хёфлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы. С. 53.
- ¹⁶ *Берд М., Хопкинс К.* Колизей. С. 51, 84—85.
- ¹⁷ *Берд М., Хопкинс К.* Указ. соч. С. 53—54.
- ¹⁸ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 37.

- ¹⁹ *Wisdom S.* Gladiators — 100 BC — AD 200. P. 15.
- ²⁰ *Wisdom S.* Op. cit. P. 13.
- ²¹ *Берд М., Хопкинс К.* Колизей. С. 76.
- ²² *Берд М., Хопкинс К.* Указ. соч. С. 82.
- ²³ *Сергеенко М. Е.* Простые люди древней Италии. С. 95.
- ²⁴ *Ville G.* La gladiature en occident des origins à la mort de Domitien. P. 318—325.
- ²⁵ *Ville G.* Op. cit. P. 321.
- ²⁶ *Коарелли Ф. и др.* Помпеи. С. 178.
- ²⁷ *Коарелли и др.* Указ. соч. С. 180.
- ²⁸ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 53.
- ²⁹ Фактические ошибки, допущенные Р. Джованьоли и выделенные в тексте курсивом, объясняются уровнем знаний о гладиаторах во второй половине XIX века.
- ³⁰ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 60.
- ³¹ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 117.
- ³² *Носов К. С.* Указ. соч. С. 83—84.
- ³³ *Wisdom S.* Op. cit. P. 49; *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 93.
- ³⁴ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 118.
- ³⁵ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 95.
- ³⁶ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁷ *Junkelmann M.* Das Spiel mit der Tod. S. 89; *Носов К. С.* Указ. соч. С. 108.
- ³⁸ *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. С. 131.
- ³⁹ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 112—113.
- ⁴⁰ *Сергеенко М. С.* Помпеи. С. 262.
- ⁴¹ *Носов К. С.* Указ. соч. С. 142—144, 175.
- ⁴² *Берд М., Хопкинс К.* Указ. соч. С. 36—37. Рис. 7.
- ⁴³ *Сергеенко М. С.* Помпеи. С. 262.
- ⁴⁴ *Сергеенко М. Е.* Помпеи. С. 262.
- ⁴⁵ *Берд М., Хопкинс К.* Указ. соч. С. 69.
- ⁴⁶ *Берд М., Хопкинс К.* Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁷ *Сергеенко М. Е.* Простые люди древней Италии. С. 111.
- ⁴⁸ *Горсков В.* Военное искусство Спартака. С. 84.
- ⁴⁹ *Молев Е. А.* Властитель Понта. С. 121—122.
- ⁵⁰ *Мишулин А. В.* Спартакосское восстание. С. 96—98; *Носов К. С.* Указ. соч. С. 77.
- ⁵¹ *Домбровский О. И.* Античный театр в Херсонесе. С. 32.

- ⁵² Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса. С. 147 сл.
⁵³ Античная скульптура Херсонеса. С. 159.
⁵⁴ Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом. С. 99–105.
⁵⁵ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. С. 346–375. Табл. LVXXXIX–XCI.
⁵⁶ Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 266 и след.; Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. Табл. 39, 2; 42, 1.
⁵⁷ Носов К. С. Гладиаторы. С. 27.
⁵⁸ Носов К. С. Указ. соч. С. 27.
⁵⁹ Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. С. 12, 37.
⁶⁰ Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. С. 20.
⁶¹ Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. С. 96.
⁶² В движение по реконструкции этой стороны жизни Древнего Рима совсем недавно включилась и Россия. 6–7 июня 2015 года в Москве (парк «Коломенское») прошел грандиозный фестиваль «Времена и эпохи. Рим». На одной из площадок под названием «Арена» организаторы представили театрализованное действо, воспроизводившее гладиаторские игры по случаю победы императора Траяна над даками. В те же дни под эгидой Международной Академии Фехтовальных Искусств начала свою работу «Школа гладиаторов» в Санкт-Петербурге.

Библиография

1. Письменные источники

- Ael. Lampr. Comm.* — Элий Лампридий. Коммод Антонин / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
Ael. Lampr. Geliogab. — Элий Лампридий. Антонин Гелиогабал / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
Ael. Spart. Ant. Car. — Элий Спартиан. Антонин Каракалл / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
Ael. Spart. Did. Iul. — Элий Спартиан. Дидий Юлиан / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
Ael. Spart. Hadr. — Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
Amm. Marc. — Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 1994.
App. Bell. Civ. — Аппиан. Гражданские войны / Пер. С. А. Жебелева. СПб., 1994.
App. Iber. — Аппиан. Иберские войны / Пер. С. П. Кондратьева // Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002.
Asc. Ped. Comm. pro Mil. — Квинт Асконий Педиан. Комментарий к речи Цицерона в защиту Милона // Марк Туллий Цицерон. Речи в 2 т. / Пер. В. О. Горенштейна. Т. II. М. 1962.

- Athen.* — Афиней. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевича; Под ред. М. Л. Гаспарова. Т. I. М., 2003.
- Aug. Conf.* — Аврелий Августин. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеенко. М., 2007.
- Caes. De bello Gall.* — Гай Юлий Цезарь. О галльской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.
- Caes. De bello civ.* — Гай Юлий Цезарь. О гражданской войне / Пер. М. М. Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1993.
- Cass. Dio* — Кассий Дион Коккеян. Римская история / Пер. А. В. Махлаюка // Кн. LI–LXXX. СПб., 2011–2014.
- Cic. Epist.* — Марк Туллий Цицерон. Письма / Пер. В. О. Горенштейна // Т. I–III. М. — Л., 1949–1951.
- Cic. pro Sest.* — Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Публия Сестия / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962.
- Cic. pro Sull.* — Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Публия Корнелия Суллы / Пер. В. О. Горенштейна // Цицерон. Речи. Т. II. М., 1962.
- Cicer. Tusc.* — Марк Туллий Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. М. Л. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975.
- Fl. Vor. Prob* — Флавий Випсак Сиракузлянин. Проб / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
- Flor.* — Луций Анней Флор. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.
- Front. Strat.* — Фронтин. Военные хитрости / Пер. А. Рановича. СПб., 1996.
- Jos. Fl. Bell. Jud.* — Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М. — Иерусалим, 1993.
- Her. Hist.* — Геродиан. История императорской власти после Марка / Пер. Н. В. Шебалина и др.; Под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995.
- Iul. Capit. Gord.* — Юлий Капитолин. Трое Гордианов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.

- Iul. Capit. M. Anton.* — Юлий Капитолин. Трое Гордианов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
- Iul. Capit. Max. et Balb.* — Юлий Капитолин. Максим и Бальбин / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
- Iul. Capit. Ver.* — Юлий Капитолин. Вер / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
- Iuv.* — Ювенал. Сатиры / Пер. Д. С. Недовича. СПб., 1989.
- Liv.* — Тит Ливий. История Рима от основания города / Пер. Г. С. Кнабе и др.; Под ред. М. Л. Гаспарова. Т. I–III. М., 1989–1993.
- Liv. Epit.* — Тит Ливий. Периохы книг 1–142 / Пер. М. Л. Гаспарова // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М., 1993.
- Luc. Tox.* — Лукиан. Токсарид или Дружба / Пер. Д. Н. Сергеевского; Под ред. А. И. Зайцева // Лукиан. Сочинения. Т. I. СПб., 2001.
- Mart.* Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского; Под ред. М. Л. Гаспарова. СПб., 1994.
- Mart. Spect.* — Марк Валерий Марциал. Книга зрелищ / Пер. Ф. А. Петровского; Под ред. М. Л. Гаспарова // Марциал. Эпиграммы. СПб., 1994.
- Nic. Dam. Vita Aug.* — Николай Дамасский. О жизни цезаря Августа и его воспитании / Пер. Е. Б. Веселаго // Вестник древней истории. 1960. № 4.
- Nonn Panopol.* — Нонн Панополитанский. Деяния Диониса / Пер. Ю. А. Голубец. СПб., 1997.
- Oros.* — Павел Орозий. История против язычников. Кн. VI–VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2004.
- Ovid. Ars amandi* — Овидий. Искусство любви / Пер. М. Гаспарова // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.
- Petr.* — Петроний. Сатирикон / Пер. под ред. Б. И. Ярхо. М., 1990.
- Plin. Nat. Hist.* — Плиний Старший. Естественная история / Пер. Г. А. Тароняна // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.
- Plin. Sec. Epist.* — Письма Плиния Младшего / Пер. М. Е. Сергеенко и А. И. Доватура. М., 1983.

- Plin. Sec. Pan. Tr.* — Гай Плиний Цецилий Секунд. Панегирик императору Траяну / Пер. В. С. Соколова // Письма Плиния Младшего. М., 1983.
- Plut. Caes.* — Плутарх. Цезарь / Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М., 1963.
- Plut. Cat.* — Плутарх. Катон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. III. М., 1963.
- Plut. Crass.* — Плутарх. Красс / Пер. В. В. Петуховой // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. II. М., 1963.
- Plut. Oton.* — Плутарх. Отон / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. III. М., 1963.
- Polyaen* — Полиен. Стратегемы / Пер. О. Ю. Владимирской, А. Б. Егорова и др.; Под ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.
- Polyb.* — Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I–III. СПб., 1994–1995.
- Sallust. De Catil.* — Саллюстий. О заговоре Катилины / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.
- Sallust. Hist.* — Саллюстий. История / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.
- Sen. Epist.* — Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. М., 1977.
- Strab.* — Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
- Suet. Aug.* — Гай Светоний Транквилл. Август / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Domit.* — Гай Светоний Транквилл. Домициан / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Caes.* — Гай Светоний Транквилл. Цезарь / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Calig.* — Гай Светоний Транквилл. Калигула / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Claud.* — Гай Светоний Транквилл. Божественный Клавдий / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Ner.* — Гай Светоний Транквилл. Нерон / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

- Suet. Tib.* — Гай Светоний Транквилл. Тиберий / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Tit.* — Гай Светоний Транквилл. Тит / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Suet. Vit.* — Гай Светоний Транквилл. Вителлий / Пер. М. Л. Гаспарова // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Tac. Agr.* — Корнелий Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. М. Е. Сергеенко // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Л., 1969.
- Tac. Ann.* — Корнелий Тацит. Анналы / Пер. А. С. Бобовича; Под ред. Я. М. Боровского // Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Л., 1969.
- Tac. Hist.* — Корнелий Тацит. История / Пер. Г. С. Кнабе; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. II. Л., 1969.
- Tertul. Ad Martyr.* — Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. К мученикам / Пер. Э. Юнца // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.
- Tertul. De spect.* — Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. О зрелищах / Пер. Э. Юнца // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.
- Treb. Poll. Gall.* — Требеллий Поллион. Двое Галлиенов / Пер. С. Н. Кондратьева; Под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. М., 1992.
- Val. Max.* — Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Пер. С. Ю. Трохачева. СПб., 2007.
- Veget.* — Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркеттики. Флавий Вегетий Ренат. СПб., 1996.
- Vell. Pat.* — Веллей Патеркул. Римская история / Пер. А. И. Немировского // Малые римские историки. М., 1996.
- Vitr.* — Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. М., 2005.

2. Использованная и рекомендуемая литература

- Архитектура античного мира / Сост. В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. М., 1940.
- Берд М., Хопкинс К. Колизей. М.; СПб., 2007.

- Брабич В., Плетнева Г. Зрелища Древнего мира. Л., 1971.
- Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.
- Горончаровский В. А. Спартакoвская война. СПб., 2010.
- Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М., 2008.
- Коарелли Ф., де Альбендис Э., Гвидобальди М. П. и др. Помпеи. М., 2002.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Манникс Д. Идущие на смерть. М., 1994.
- Мишулин А. В. Спартакoвское восстание. М., 1936.
- Молев Е. А. Властитель Понта. Н. Новгород. 1995.
- Негин А. Е. Гладиаторские шлемы // *Para bellum*. 2006. № 26.
- Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005.
- Оленин А. Н. Опыт о костюме и оружии гладиаторов в сравнении греческого и римского ратника // Оленин А. Н. Археологические труды. Т. 2. СПб. 1882.
- Паолуччи Ф. Гладиаторы: обреченные на смерть. М., 2007.
- Рим: эхо имперской славы. М., 1997.
- Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М., 2006.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.
- Сергеев М. Е. Помпеи. М.; Л., 1949.
- Сергеев М. Е. Простые люди древней Италии. М., 1964.
- Сергеев М. Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб., 2000.
- Сидорова Н. А., Чубова А. П. Искусство Римской Африки. М., 1979.
- Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1966.
- Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992.
- Щеглов А. Н. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // *Eirene*. Vol. V. Praha, 1966.
- Юнкельман М. Гладиаторы. М., 2009.

- Abbondanza L. The Valley of the Colosseum. Rome, 1997.
- Anderson J. K. Hunting in Ancient World. L., 1985.
- Auget R. Cruelty and Civilisation. The Roman Games. L., 1972.
- Bomgardner D. L. The Story of the Roman Amphitheatre. Outledge. 2002.

- Connolly P. Colosseum, Rome's Arena of Death. L., 2003.
- Cozzo G. The Colosseum, the Flavian Amphitheatre. Rome, 1971.
- Daszewski W. A. Les gladiateurs à Chypre // *Studia archaeologica*. Krakow, 2001.
- Gladiators and Caesars. L., 2000.
- Grant M. Gladiators. New York, 1995.
- Jacobelli L. Gladiators at Pompeii. Rome, 2003.
- Junkelmann M. Das Spiel mit der Tod. Mainz am Rhein, 2000.
- Kyle D. G. Spectacles of Death in Ancient Rome. L.; N. Y., 1998.
- Plass P. The Game of Death in Ancient Rome: Arena Sport and Political Suicide. Wisconsin, 1995.
- Robert L. Les gladiateurs dans l'Orient grecque. P., 1940.
- Shadrake S. The World of Gladiator. Stroud, 2005.
- Ville G. La gladiature en occident des origins à la mort de Domitien. Rom, 1981.
- Welch K. The Roman Amphitheatre from its Origins to the Colosseum. Cambridge, 2005.
- Wiedeman T. Emperors and Gladiators. L.; N. Y., 1992.
- Winkler M. M. Gladiator: Film and History. Oxford, 2004.
- Wisdom S. Gladiators — 100 BC — AD 200. Oxford, 2001.

Summary

ROMAN GLADIATORS: A LIFE ON THE EDGE OF DEATH
by Vladimir A. Goroncharovskiy

The study of gladiatorial games is very important in the understanding of phenomenon of the ancient Roman civilization. Specific local conditions caused serious transformation of funeral combat's tradition to the powerful instrument of influence for a people. Details of this process one can reconstruct through writing sources, epigraphy and archaeological materials (chapter 1 "At beginning of gladiatorial games" and chapter 2 "Pleasure by valour and death: evolution of gladiatorial games as professionally organized shows). Unfortunately the gladiators did provoke interest among the ancient authors only in separate cases. For example we have limited information about the gestures expressed attitude of spectators to the actions on arena.

Chapter 3 "On a way to arena" is devoted to problem of the training for gladiator's craft, which at an initial stage is very reminded preparation the soldiers in the Roman army. Chapter 4 entitled "Types of gladiators and their arms" mostly deals with the analysis of written and representative materials for the definition of basic differences of each gladiator's type (raetiarius, secutor, hoplomach, thraecs, mirmillon, provocator, equitus etc.). Also there is a study of archaeological finds of gladiator's offensive and defensive weapons. The principal attention has to be paid to specifics of this arm and armour. We give a brief review of the current

state of exploration of gladiator's swords, daggers, spears, helmets, shields and other equipment, though the number of its remains extremely small. The chapter 5 "Gladiators on «land» and «sea»: the Roman and naumachias" examines a development of specifically forms of amphitheaters as architectural buildings for the blood shows, especially Colosseum as most outstanding construction of such type. The chapter 6 entitled "Heroes of arena on service at the Roman politicians" is dedicated to various examples of the short and long-term use of gladiators in the inner political struggle and for the war actions.

In the chapter 7 "Spartacian war and other revolts of gladiators" author attempts to consider available data of literary tradition about Spartacian revolt 73–71 BC from the point of view of a military-political situation and military art of that time. In particular, he analyzes favorite receptions of tactics of Spartacus: fight in mountain or cross-country terrains with destruction of opponents one by one, use of ambushes and other military cunning, a skillful combination of defense and attacks. One can make the conclusion that there are no bases for assumption about principle differences between revolt's leaders. As a rule, division of the groups, which were placed in two strengthened camps, was accompanied by coordination of their further actions. Among improvements, which Spartacus has brought in his military organization, it is possible to note strengthening of a role of a cavalry and light armed divisions, aspiration to make army of more maneuverable due to disposal of bulky transports. Examples of other gladiatorial revolts (21 and 64 AD) emphasize scope of the events connected with Spartacian movement, turned in the real war which has rallied more than for two years all antiroman forces on the earth of Italy and played certain role in development of military art of a Classical world.

Last chapter 8 "Gladiatorial games on the Northern Black Sea Coast" mostly connects with the study of Panticapaeum tomb's paintings discovered in 1841 (3rd quarter of the 1st century A. D.) as the only significant monument of Bosporan art showing gladiatorial games. Judging by a sequence of their topics, the performance began there, like in Rome, after a solemn going of all the participants before spectators, with an animal persecution by pedestrian and mounted *venators*. Taking into consideration the fact

that there were depicted five fightings between horsemen and wild beasts, only one venator on foot and four combats between men, such a preference to the mounted «hunt» seems to be explained by its more conformity with the life conditions of that epoch within the steppe regions of the Eastern Crimea and the Kuban River area, whose inhabitants were well accustomed to act with the bow and spear being on horseback. It appears that such performances were most convenient to the tastes of the Bosporan capital population. In the course of a second part of the gladiatorial games there were, because of the absence of any local gladiatorial school, fightings of *gregarii* — gladiators recruited in the midst of criminals condemned to death and prisoners of war as well, which were rarely alternated with combats between mounted non-career fighters. As a whole, the practice of organizing animal persecutions and gladiatorial games in the Bosporan kingdom, like in many Greek centers of the Roman Empire, was not widespread. Bloody spectacles were alien to the most population of the Bosporan cities and must have occasionally conducted only in those places where temples related to the Roman imperial cult were in existence or some units of the Roman army were temporarily quartered. Now we can't to provide an answer to many aspects of this problem, but we hope that further investigations will throw light upon it.

Содержание

Введение	5
Глава 1. У истоков гладиаторских игр	11
Глава 2. Наслаждение доблестью и смертью: эволюция гладиаторских игр как профессионально организованных зрелищ	20
Глава 3. На пути к арене: обучение ремеслу гладиатора	46
Глава 4. Типы гладиаторов и их вооружение	66
Глава 5. Гладиаторы на «суше» и на «море»: римские амфитеатры и навмахии	91
Глава 6. Один день из жизни гладиаторов.	116
Глава 7. Герои арены на службе у римских политиков	127
Глава 8. Спартаковская война и другие восстания гладиаторов	134
Глава 9. Гладиаторские игры на берегах Северного Причерноморья	161
Заключение.	174
Примечания	180
Библиография	183
Summary	190

Г70 Горончаровский В.
Римские гладиаторы: жизнь на грани смерти / Владимир Горончаровский. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 200 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-279-0

Первыми, как считается, заменили человеческие жертвоприношения во время похоронного ритуала смертельными поединками между пленными или рабами в области Кампания, к югу от Рима. Но скоро схватки бойцов-гладиаторов, обязанных названием мечу-гладиусу, распространились по всей Римской империи — и совсем не обязательно в связи с погребальными церемониями. Захваченные кровавой модой, на арены цирков вместе с рабами выходили свободные люди, иной раз бились друг с другом сенаторы, а при Нероне — даже женщины из почтенных семейств. Победители же гладиаторских игр обретали долгую славу. В книге доктора исторических наук, заведующего Отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН Владимира Горончаровского рассказывается, как готовили профессиональных бойцов в гладиаторских школах, как они были вооружены, в чем состояла их специализация и, конечно же, о знаменитых схватках и целых сражениях, в которых участвовали одновременно тысячи гладиаторов.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Владимир Горончаровский

Римские гладиаторы: жизнь на грани смерти

Редактор М. Кузьмин
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 13.07.2015. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1200 экз. Заказ 3566.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59

Владимир
Горончаровский
Римские
гладиаторы:
жизнь
на грани смерти

Первыми, как считается, заменили человеческие жертвоприношения во время похоронного ритуала смертельными поединками между пленными или рабами в области Кампания, к югу от Рима. Но скоро схватки бойцов-гладиаторов, обязанных названием мечу-гладиусу, распространились по всей Римской империи — и совсем не обязательно в связи с погребальными церемониями. Захваченные кровавой модой, на арены цирков вместе с рабами выходили свободные люди, иной раз бились друг с другом сенаторы, а при Нероне — даже женщины из почтенных семейств. Победители же гладиаторских игр обретали долгую славу. В книге доктора исторических наук, заведующего Отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН Владимира Горончаровского рассказывается, как готовили профессиональных бойцов в гладиаторских школах, как они были вооружены, в чем состояла их специализация и, конечно же, о знаменитых схватках и целых сражениях, в которых участвовали одновременно тысячи гладиаторов.

ISBN 978-5-91678-279-0

9 785916 782790